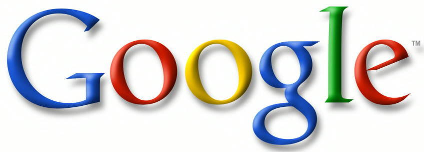


Вѣстникъ
Западной Россіи

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Согласно объявленію редакціи Вѣстника западной Россіи, многіе изъ его подписчиковъ прислали деньги на полученіе западнаго Вѣстника вмѣстѣ съ Виленскимъ, въ количествѣ 18 рублей — за оба.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, редакція Вѣстника западной Россіи проситъ покорнѣйше всѣхъ, желающихъ выписать это изданіе, *не смѣшивать его болѣе съ Виленскимъ Вѣстникомъ, выписывать западный Вѣстникъ отдѣльно отъ Виленскаго* и согласно условіямъ на подписку сего послѣдняго.

ВѢСТНИК ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ЯНВАРЬ.

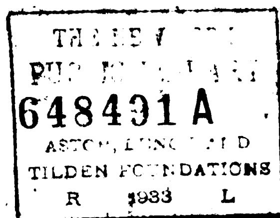
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.



Дозволено цензурою 30 апрѣля 1865 года. Вильна.

ТЕЛЕГРАММА ИЗЪ НИЦЦЫ.

Воля Всевышняго совершилась. Онъ призвалъ къ себѣ Нашего Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича 12 числа въ 12 часовъ 50 минутъ ночи. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ умиленіемъ и покорностью переносятъ постигшую ихъ скорбь и преклоняются предъ неисповѣдимыми опредѣленіями промысла Божія.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всевышнему угодно было поразить Насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Сынъ Нашъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ скончался въ г. Ниццѣ, сего апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество еще въ началѣ прошедшей зимы, во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая повидимому опасеній за столь драгоцѣнную Намъ жизнь, хотя медленно, но казалось уступала дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно поя-

явившіеся признаки явной опасности побудили Насъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Россіи. Въ глубокой скорби Нашей, Мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ Любезнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ до его кончины, поразившей Насъ и весь Домъ Нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ, вдали отъ Нашего Отечества. Но покоряясь безропотно Промыслу Божію, Мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ Намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею Намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ вѣрные Наши подданные раздѣлятъ съ Нами душевную скорбь Нашу, Мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ Нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго Сына Нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, Нами и всею Россіею на Него возложенныхъ. Да осѣнитъ Его десница Всевышняго въ мірѣ лучшемъ, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали.

Лишившись первороднаго Сына и прямаго преемника Нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы, на точномъ основаніи закона о Престолонаслѣдіи, провозглашаемъ втораго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Нашимъ и Цесаревичемъ.

Данъ въ городѣ Ниццѣ, въ двѣнадцатый день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

(Сѣверн. Почта.)

Мы ничего не дерзаемъ прибавить отъ себя къ этимъ роковымъ документамъ. Предъ этою скорбію Отца, покорностію Промыслу Христіанина, утратою поразившею Монарха и Россію, — мы, колѣнопреклоненные, можемъ только безмолвствовать и молиться.

I.

№ 8-й.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПОЛОЦКОЙ АРХІЕПИСКОПІИ *).

1.

Инвентаръ полоцкой архіепископіи 1588 г.

Реестръ альбо инъвенътаръ списанья добръ (имуществъ) именей и седъ владычеству полоцкому прислухаючихъ (принадлежащихъ) у земли полоцкой лежачихъ которые я федоръ Ггодебскій дворанинъ его королевское милости, Велебному (Преподобному) в Бозе его милости архиепископу владыце полоцкому витебскому и мстиславскому киръ афтанасию терлецкому вмоцъ подалъ есми року теперешнего 1588 мца декабря розными днями.

То есть на перьвей дворъ владычной взамку вышнемъ полоцкомъ внемъ будованя

Светлицы две на подклетахъ напротивно себе одна скоморою межы ними сень.

*) Характеризующіе довольно рельефно древнее состояніе бѣлорусскихъ православныхъ церквей подъ владычествомъ Польши

Светлица поземная изба напротивко межы ними сень

Светлица на под избицы напротивко клеть наподклете межы ними сень.

Спажарня (кладовая) на пивницы (погребъ) стайня броваръ старый лазня (баня) клеточка малая

Ку тому двору замковому фольварокъ у мили отъ полоцка прозываемый на струньи (нынѣ Струнь), внемъ будованье (строенье) светлицы две скоморами (комнатками) напротивно себе одна с печью а другая безъ печы межы ними сень непокрытая изба челядная съ сеньми одрына (сарай) хоростеная соломою покрытая у гумне осеть одна, втомъ фольварку и вгумне збожья (хлѣба) ниякого молочоного и немолочоного и на поляхъ засеянаго также ниякое маетности коней и быдла (скота) воборе (въ хлѣвѣ) нетъ ничого.

Церъковь передъ дворомъ новопостановленая заложенья (во имя) светого пророка ильи.

Подданые прыхожыя до того фольварку прыслухуючые (принадлежащіе) меновите наноселицахъ

1) старецъ васко якимовичъ дымъ ... ... 1.
2) стась (Стахій) михневичъ дымъ ... ... 1.
3) петръ яновичъ дымъ ... ... 1.
4) савиноя вдова именемъ овдотья дымъ ... ... 1.
5) андрей схаритономъ дымъ ... ... 1.
6) подданый церковный иванъ безносикъ дымъ ... 1.
7) андрей илиничъ барверъ дымъ ... ... 1.
8) Бояринъ на белей водѣ иванъ грышковичъ дымъ 1.

Повинности стыхъ подъданыхъ за рокъ (годъ) теперешний осмдесятъ осмой м-ца августа одинадцатого дня черезъ вроднака зошлого архиепископа полоцкого отца фиофана Богдана через туковича выбраная,

то есть

старецъ васко якимовичъ далъ грошей копъ ... ... 2.

стась михновичь далъ грошей копу ... ... 1.
петръ яновичь далъ грошей копу ... ... 1.
савиноя вдова именемъ овдотя дала грошей копу 1.
андрей схарытономъ дали грошей копу ... ... 1.

чынить (итого) грошей копъ шесть

По смерти отца владыки зошлаго феофана Богдана наместникъ полоцькой панъ якубъ семашко стыхже подданыхъ взялъ, то естъ

у старца васка якимовича грошей копъ ... ... 3.
у стася михновича взялъ грошей копъ ... ... 2.
у петра яновича взялъ грошей копъ... ... ... 2.
у савиновое увдовы грошей копъ ... ... 2.
у андрея и вхаритона грошей копъ ... ... 2.

чинить грошей копъ одинаддать

а надто (а сверхъ) надъ повинность тыхъ подданыхъ служебникъ пана Ленарто (Леонтія) чарнавского станиславо боровскій прымушаючы (принуждая) ихъ до роботы незвыклое (необычайной) о шкоду припрововалъ (вводилъ въ убытокъ) то есть через шесть недель наймуючы работниковъ на кождую неделю по десети грошей даючы на роботу до него посылали в чомъ они кождый знихъ шкодують (имѣють убытка) собе по копе грошей литовскихъ.

Чынитъ грошей копъ пять

Фольфарокъ на тетьчы (Тетча) в немъ будованья то естъ светлица новая зъ сеньми, светлочокъ старыхъ такъ же зъ сеньми две одна безъ печы клетей старыхъ две изба челядная зъ сеньми непокрытыми, стайня (конюшня) безъ воротъ соломою покрытая лазня (баня) гумно в которомъ будованья большъ нетъ только осеть одна втомъ фольварку и вгумне збожя ниякого молочоного и немолочоного и на поляхъ засеяного какъ же ниякое маетности коней и быдла воборе нетъ ничого.

Церковъ передъ дворомъ заложеня светого пророка ильи

в ней книгъ разныхъ личьбою (числомъ) семъ евангеліе серебромъ оправное позлотисто.

По смерти отца владыки зошлого вроку теперешнемъ осмдесятъ-осмомъ, зостало (осталось) збожья пашни дворное у гумне не молочоного, то есть, копъ двадцать пшеницы копъ полъ трети, ярыцы копъ тры ечъменю копъ полъторы стого вымолочоно за розказаньемъ (приказанію) пана наместниковымъ жита бочокъ полоцкихъ десеть пшеницы осминокъ пять ярицы бочка одна ечменю осминокъ чотыри.

подданные прихожые кутому фольварку прислухуючые

1) старецъ на име охромей демидовичъ краска дымъ 1.
2) андрей алексеевичъ дымъ ... ... 1.
3) лаврынъ (Лаврентій) юрковичъ дымъ ... ... 1.
4) ходоръ семеновичъ дымъ ... ... 1.
5) васко семеновичъ дымъ ... ... 1.
6) аниско готовчицъ дымъ ... ... 1.
7) сопронъ бородавчыцъ дымъ... ... ... 1.
8) несторъ антиповичъ бурый дымъ ... ... 1.
9) алексей петровичъ дымъ ... ... 1.
10) карпъ семеновичъ дымъ ... ... 1.
11) иванъ яковлевичъ дымъ ... ... 1.
12) иванъ шершневичъ дымъ ... ... 1.
13) матфей ламацъ дымъ ... ... 1.
14) матфей ивановичъ дымъ ... ... 1.
15) бирна латышъ дымъ ... ... 1.
16) янъко белышевичъ дымъ ... ... 1.
17) янъко наверкудей дымъ ... ... 1.
18) курко (Курьякъ) наверкудей дымъ ... ... 1.
19) никито провада огородникъ ... ... 1.

Повинность стыхъ подданныхъ наместникъ полоцкой панъ якубъ семашко черезъ служебника своего ивана поповку выбралъ то есть зовсего села огуломъ (оптомъ) взялъ

доли мерою полоцькою зовсякого збожья а меновите (а именно).

жита бочокъ ... ... 23.
ярыцы бочокъ ... ... $9^1/_2$.
пшеницы бочокъ ... ... 5.
ечменю бочокъ ... ... $7^1/_2$.
гречыхи бочокъ ... ... 5.
гороху бочка 1 и осминокъ... ... ... 5.

всего того збожья чынить бочокъ сорокъ семъ и осминокъ дъве

которое всего збожья такъ пашни дворное яко и дымное панъ наместникъ нетъ ведома где обернулъ

Къ тому фольварку тетченскому село усвица внемъ люди прыхожые меновите (девять хозяиновъ девяти дымовъ, имена и фамиліи которыхъ пропускаемъ).

Повинность стыхъ подданыхъ зарокъ теперешной осмдесятъ осмый черезъ пана марка рыпинского сына отца владыки зошлого еще пры животе отца его выбраная то есть

(слѣдуетъ перечисленіе копъ грошей, выбранныхъ изъ девяти дымовъ, которое пропускаемъ).

Сумою чынить грошей копъ чотырнадцать

По смерти небощика (покойника) владыки зошлого феофана Богдана наместникъ полоцькой панъ якубъ семашко знову стыхъ подданныхъ повинъности вроку теперешнемъ 88 выбралъ а меновите.

(Перечисленіе хозяевъ дымовъ и сколько копъ грошей выбрано пропускаемъ). Сумою чинить грошей копъ четырнадцать

Иванъ харытоновичь поповка прыехавшы до села усвицы своволне взялъ на тыхъ подданныхъ веръхо по менсныхъ зо всего села грошей готовыхъ.. ов жыта меры полоцькой 2 а втотъчасъ жыто куповано вторгу по сороку грошей.

Семеню полъмеры который на тотъ часъ куповано меру подвадцать чотыры грошей куровъ ... ... к

а самого старца васка плешка безвиньне до вензеня (тюрма) у ланъцугъ сажалъ и дособна взялъ на немъ грошей ... ... нг

Ку томужъ двору тетченъскому село зовечеле подданные того села меновите

(перечисленіе подданныхъ и дымовъ, которыхъ числомъ 13, оставляемъ).

По смерти отца владыки зошлого феофана Богдана вроку теперешнемъ 88 наместникъ полоцький панъ якубъ семашко повинность стыхъ подданныхъ выбралъ огуломъ зо всего села взялъ доли четвертое зовсякого збожья мерою полоцькою.........

Шкоды (убытки) тѣхъ подданныхъ на первей выбранье серебщизны, взялъ панъ наместникъ зовсего того села отъ сохъ семнадцати по грошей тринадцать и по два пенязи

того сумою чынить грошей копъ тры и грошей сорокъ чотыры пенязи чотыры.

А потомъ в тый день стыхъ подданыхъ сторожовщызны надъ звычай и повинность стародавную взялъ грошей копъ две и грошей чотыры, у старца сидора ивановича а у луки кузминича взялъ невинне овса бочки тры,

Церкви у Полоцку

Церковъ соборная светое софіи взамку вышнемъ полоцькомъ

добра (имѣнія) напрыделы втой церкви наданые

К прыделу светое тройцы село взамшанехъ наданое отъ великого князя полоцкого андрея чоловѣка тры передъ тымъ было

Ктомужъ прыделу село навшачы наданое отъ великого князя полоцкого семена втомъ селе передъ тымъ было чоловековъ пять.

Ктомужъ прыделу у месте полоцку напосаде великомъ было передъ тымъ дворищъ семъ на которыхъ мещане мешкаючы попу поземъ плачывали

Ку прыделу всихъ светыхъ село у кумликахъ наданье земянъ полоцкихъ пановъ корсаковъ в томъ селе передъ тымъ было чоловековъ семнадцать

Церковь светого спаса у месте полоцкомъ на посаде великомъ

Церковь на томъ же посаде рожества Хрыстова ктой церкви село нарожтовскомъ человековъ чотырнадцать огородникъ одинъ то село надъ река двины.

Церковъ светого козмы демъяна заложенья вместе полоцкомъ на посаде за полотою (рѣка Полота),

Ку той церкви водругъ давного наданья теперешний священьникъ давыдъ петровичъ держыть село на начы (рѣка Нача), в которомъ передъ тымъ было чоловековъ шесть а иншое его и тому отдано,

Што тежъ водлугъ писаня его королевское милости и тежъ водлугъ писаня его милости пана воеводы полоцкого упоминалося у пана якуба семашка наместника полоцького абы вси доходы за рокъ теперешний 88 зыменей владычнихъ заведомостью его выбраные черезъ мене, его милости архиепископу полоцькому отдалъ на то панъ наместникъ поведилъ ижъ то все штокольвекъ зыменей владычнихъ выбралъ до пана воеводы полоцького пана своего отослалъ списавшы его милости архиепископу полоцькому киръ афтанасию терлецькому черезъ сына его милости пана Богдана терлецького подъ печатью и подписомъ руки моее властное такъже подъ печатьми и поднаписаньемъ рукъ властныхъ

того возного и тыхъ пановъ шляхты верхо помененыхъ далъ есмь писанъ у полоцку, лета по нароженьѣ хрыста сына Божого 1588 мца декабря 13 дня.

(Слѣдуютъ четыре на воску оттиснутыя печатки и подписи).

Федоръ Ивановичь Кгодебский дворянинъ его к. м. властною рукою подписался.
Дементей прокоповичь возный рукою вл.
Сѣмашекъ Телица рукою властною подписался.
Григорей шишка рукою своею подписался.

(Подлинникъ-на трехъ ветхихъ листахъ; писанъ древнею русскою скорописью, доставленъ редакціи полоцкимъ протоіереемъ А. Юркевичемъ изъ архива полоцкаго Софійскаго собора).

2.

Инвентаръ имѣній полоцкой архіепископіи, составленный при передачѣ ихъ во владѣніе архіепископу Гедеону Брольницкому въ 1661 г.

(Помѣщаемъ этотъ документъ въ видѣ извлеченія изъ довольно пространнаго подлинника, пропустивъ имена и фамиліи крестьянъ и другія мало интересныя подробности).

Инвентаръ списаня селъ, бояръ, и подданыхъ прислухаючыхъ Архиепископии полоцькое, ввоеводстве Полоцскомъ лежачыхъ которые я Абрамъ Бедрицкий дворанинъ Его Кор. милости будучи посланый за листомъ и розказанемъ Его Кор. милости пана нашого милостивого маючы пры собе возного воеводства полоцкого Станислава Пивоцского, и сторону шляхту людей добрыхъ земянъ Господарскихъ тогожъ воеводства полоцкого Пана Миколая Околова, А пана Тымофея Стасевича по недавно зошломъ (преставившемся) Архиепископу полоцкомъ отцу Герману Загорскомъ *) вроку теперешнемъ 1601 мца априля 26 дня те-

---

*) Онъ на брестскомъ соборѣ 1596 года подписалъ актъ уніи и былъ уполномоченъ прочитать его съ каѳедры въ брестской Николаевской церкви, во время перваго уніятскаго служенія.

перешнему Архіепископу Полоцкому Витепскому и Мстиславскому Его милости велебному (преподобному) в Бозе Киръ Гедиону Бролницкому в моцъ (во власть) вдержане, и вуживане (пользованье) подалъ есмь. То есть Найпервей дворъ Архиепископский взамку вышнёмъ полоцкомъ, внемъ будоване ворота уезные покрытые, противъ церкви светое Софии, подле тыхъ воротъ по левой руце келья, где Пономаръ мешкае (живетъ), подле кельи светлица скоморою и сенкою, подле нее пивница (погребъ), подле пивницы пекарня (кухня) противъ пекарни светлица служна, подле светлицы ворота вкуте (во углу), подле воротъ спижарня (кладовая), подле спижарни кухня, тамъже светличка пры кухне броваръ и лажня (баня), далей вколо идучы домъ великій з кганкомъ (съ крыльцемъ) светлица столовая напротивъ светлицы другая светлица покоевая скоморою на горе (на верху) светлица колоней кружкганокъ (балконъ, галлерея). За тымъ домомъ повѣтъ где возы ставляютъ подле повѣта свиренъ (амбаръ) где тожъ ховаютъ (прячутъ), подле клети Стайня (конюшня), подле стайни ворота великие уезные, одъ воротъ идучы Свиренъ з кружганками з двоимъ схованемъ. А то есть фольфаркъ *Струня* (слѣдуетъ перечисленіе дымовъ. — которыхъ 3) ...... На Носелицахъ .... (дымовъ 7). ***На Беле Воде*** ...... (дымовъ 2). На ***Тетчи*** подле двора близко церковь старая вней образовъ неоправныхъ (безъ рамъ) осмнадцать, крыжы (кресты) простыхѣ два, рызы одна и стихаръ одинъ полотненый, патрахилъ старый одинъ, Келихъ (чаша) цыновый (оловянный) одинъ, ложка одна, звезда мосендзовая (бронзовая), дыскоси два дересныхъ, книга Еванътелие напрестолное оправное серебромъ спозлотою, книги называемыхъ Теоди (тріодь) два, постная и цвѣтная, книга называемая Мѣнея, книга охтаецъ, книга Апостолъ книга Псалтырь, книга Служебникъ, книга Уставъ, Крыжъ де-

ревеный одинъ свечъ поставныхъ две, огарковъ два, крыжъ зеленый, на церкви звонъ не великій одинъ; входечи в дворъ Тетчанский ворота старые непокрытые, идучи одъ тыхъ воротъ, полевой стороне светлица старая, подле нее сени скоморкою, напротиво тое светлицы другая светлица старая скоморкою, подле тое светлицы тетяя светлица з сенми. В тыхъ всихъ светлицахъ пѣчы з черепицъ белыхъ уробленые, оболонь паперные (бумажные), сырница огнилая пустая. Пекарня старая зсенми, в которыхъ ести робятъ, подле тое пекарни ворота надъ озеромъ Тетчомъ за вороти лазня зсенцами, подле воротъ в томъ же дворе стайня новая для сѣна другая стайня старая для кони, не далеко одъ тое стайни пивница, подле пивницы клѣтъ старая одна. А новая клѣтъ одна. В Тетчы подданые ... ... (перечисленіе ихъ — всего 20 дымовъ). Пустовщизны: На Веркеде две. А на Бобровщизне одна ...... Сѣло *Усвица* до Тетчи належачое ... ... (дымовъ 11). Село *Завечеле*... ... (дымовъ 13). До того пустовщины. Село *Навличи* до Воронеча ... ... (дымовъ 16). На *Вороночу* церковь рожества пресветое Богородицы вней рызи и стихаръ полотненые, патрахилъ одинъ, книга Евангелие напрестолное Паркгаминовое, Апостолъ одинъ, Псартыръ одинъ, Охтаики два, Полуставъ одинъ, Служебникъ одинъ, Треодь цветная одна, крыжь деревеный сребромъ позлотою оправный, образовъ разныхъ чотирнадцать, свечъ малыхъ мужичкихъ двенадцать, звонъ не великий одо светое Софии, кадило мѣденое одно, недалеко тое церкви надъ рекою Ушачою гора не малая, на которой знать же замокъ былъ збудований Вороничъ, люде пашутъ недалеко одъ тое горы замковое на гостинцу (большая дорога) стодола (заѣздный домъ) збудованая, подле мѣстечко внемъ людей...... (перечисленіе людей и дымовъ, которыхъ числомъ 37). В *Старынкахъ* село... (дымовъ 4). На *Воронichу* пустошей за-

рекою две, в паскулехъ две. Село ***Весницко*** ...... (дымовъ 20). Село ***Долца*** в томъ селе церковь заложеня светыхъ Козми и Дамияна...... (дымовъ 44). Пустоши в томъ же селе Тарковщина, Савинщизна, Синцовско, Обуховщизна, Свирковщизна, Марасовнево, Цынилово, Грышково, Михалковщизна, Москалево, Карташево, Соболево, Кузмино, Ковпино, Вашлево, Тварагово, Понамарково, Денисово, Малашово, Казимерово, Михалково, Мядяловщина. Село ***Белое*** ...... (дымовъ 7). Село ***Крынка*** ...... (дымовъ 2). Село ***Дегодки***...... (дымовъ 12). Село ***Сосна*** река...... (дымъ 1). Село ***Хороброво***...... (дымовъ 5). ***Монастырь*** за рекою Двиною на Белчицы ***Глеба и Бориса*** до которого служобъ полтораста, нижли на сей часъ розные особи межъ себѣ безправне (незаконно) разобрали. Село ***Марьнецъ***. Село ***Заштаны***...... (дымовъ 3). Которого поданя черезъ мене Абрама Бедрицкого дворанина Е. К. М. тыхъ добръ верху мененыхъ Архиепископству полоцкому належачыхъ всѣ меновите оподостатку на семъ инвентаре списовали Его милости в Бозе Велебному Архиепископу Полоцкому Киръ Гедиону Бролницкому подъ печатю и сподписомъ властное руки моей, также подъ печатми и сподписами рукъ возного, и стороны шляхты пры мне на тотъ часъ будучое, хто з нихъ писать умеетъ Его милости далъ есми. Писанъ в Полоцку мца Мая двадцать шостого дня року 1601. У того Инвентару печатей притисненыхъ чотыри а подписъ рукъ тыми словы. Янъ Бедрицкий дворанинъ Его Кор. милости рукою своею, Станиславъ Пивонский возный воеводства Полоцкого. Миколай Околово Тимофеевичь.

(Слѣдуютъ печати).

(Подлинникъ доставленъ тѣмъ же протоіереемъ Юркевичемъ изъ тогожъ архива).

№ 9-й.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ УНІИ.

1

Челобитная депутата Виленскаго православнаго братства сеймовымъ чинамъ, о разныхъ насиліяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ православными отъ Кіевскаго уніятскаго митрополита Ипатія Потѣя и Виленскихъ магистратскихъ властей 1603 г.

Освѣцоные, яснѣвельможные и зацнѣ-урожоные, милостивые панове, которые тутъ на тотъ теперешній зъѣздъ щастливо пріѣхать рачили (изволили). Не чинячи обширнымъ писаньемъ забавы вашимъ милостямъ, хотяжъ короткими словы, але зъ великимъ жалемъ и оплакиваньемъ тыхъ нещастливыхъ часовъ, въ которыхъ есьмо до великихъ уразовъ (оскорбленій) вольностей въ рѣчи посполитой, а звлаща (въособенности) мы послушные Всходнее Божое церкви у вольномъ уживаню (совершеніи) набоженства (што есть найпереднѣйшій клейнотъ) (сокровище) пришли, овнаймую вашимъ милостямъ своимъ милостивымъ паномъ, яко тымъ, черезъ которыхъ вшелякіе уразы (всякія обиды), за усиловными прозбами, до маестату его королевской милости нашого милостивого пана бываючи доношоны, улѣченье пріймовати звыкли. Я найнижшій слуга вашихъ милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, до братства церковнаго Виленского послушенства религѣи Грецкоѣ уписный, такъ самъ отъ себе яко и именемъ иншихъ всихъ ихъ милостей княжатъ, панятъ, сенаторовъ и рыцерства, становъ

шляхетскихъ и иныхъ вшелякоѣ кондиціи (всякая сословія) людей, на розныхъ мѣстцахъ въ тутошнихъ панствахъ его королевской милости мѣшкаючихъ (обитающихъ), которые суть до того братства церковного уписаны и послушенство Всходнее Божое церкви въ цѣлости содержатъ,— доношу о то, ижъ што за онымъ всимъ вашимъ милостямъ нетайнымъ отступленіемъ пастыровъ старшихъ въ религѣи нашой отъ послушенства Всходнее Божое церкви, урядъ мѣста его королевской милости Виленского съ тыми самыми отступными пастырьми нашими змовившися (сговорившись), яко бы насъ до того жъ отступленія подъ зверхность (власть) и послушенство велебного (преподобного) его милости отца папы Римского зневолити могли (подъ которымъ есьмо ани мы сами, ани продкове наши, отъ осми сотъ лѣтъ, яко тая земля Руская отъ столицы патріарха Константинопольского есть окрещона, не были), запозвали были тое братство наше позвы задворными его королевской милости, и затымъ зломали (нарушили) привилеи и вольности, отъ его королевской милости на соймѣ тому братству церковному на вольное уживанье набоженства нашого звыклого (обычнаго) въ двухъ домѣхъ братскихъ, названыхъ Гомшіевскомъ и Яцковскомъ, наданые, мѣнячи, якобы тые привилья и вольности братскіе на прешкоду (во вредъ) привильямъ ихъ мѣстскимъ мѣли быти выданы. О што на кождомъ сеймику, вездѣ, въ повѣтѣхъ, и на самыхъ валныхъ (главныхъ) соймѣхъ не занѣхивали (не оставляли) есмы униженыхъ прозьбъ нашихъ вашимъ милостямъ нашимъ милостивымъ паномъ отдавати, просячи о милостивую причину (заступничество) до его королевской милости, нашого милостивого пана, помазанца Божого, ижьбы насъ, за тымъ ихъ бурмистровскимъ позваньемъ, за дворомъ своимъ господарскимъ судить допустити не рачилъ (не изводилъ) окромъ сейму валного, гдѣ вшелякіе привилья

узнаваны бываютъ, а звлаща, гды ся тычетъ (касается) вольного, звыклого и стародавного уживанья набоженства религѣи Грецкоѣ. На то и сами тые жъ урядники мѣстскіе зезволивши, на недавно-прошломъ сеймѣ, въ року шесть сотъ первомъ черезъ умоцованыхъ (уполномоченныхъ) и коллеговъ (товарищей) своихъ урядовыхъ, двухъ радцовъ, а третего писаря ратушного мѣстского Виленского Бенедикта Розымпціуса, роспись тоѣ справы зъ умоцоваными братскими были учинили и руками своими на позвѣ написали, ижъ тоѣ справы не мѣли за дворомъ пильновати, але на сеймѣ, дасть Богъ, близко-пришломъ зъ обу-двухъ сторонъ пильновати (наблюдать) были отложили, и такъ тымъ росписомъ своимъ всѣхъ насъ въ томъ братствѣ уписныхъ убезпечили. Потомъ, гды его королевская милость щастливо тутъ до Вилни пріѣхавши, суды отправовати рачилъ, на тотъ часъ тые панове урядники мѣста его королевской милости Виленского, за тымъ помѣненымъ позвомъ, у суду его королевской милости задворного, напротивъ братству нашому церковному, въ невѣдомости всихъ насъ, звлаща, людей народу шляхетского до того братства уписныхъ (которые-смы будучи за таковымъ ихъ росписомъ убезпечены, до домовъ своихъ, а иншіе на потребу рѣчи посполитоѣ военную были порозъѣзджалися), право тое перевели, и на сломанье привильевъ и вольностей тому братству церковному наданыхъ якобы и декретъ его королевской милости одержать мѣли. За чимъ и тые самые домы, которымъ тые вольности служатъ,— гдѣ маемъ школы для ученья дѣтокъ хрестіянскихъ, къ тому и духовныхъ людей богомольцовъ господарскихъ и вашихъ милостей, также и убогихъ сиротъ на опатренью (иждивеньи) братскомъ ховаемъ, — поотнимати и все наше набоженство старожитноѣ вѣры святоѣ съ тыхъ домовъ вытиснути усилуются. И такъ съ одноѣ стороны, урядъ

мѣстскій Виленскій, примушаючи (принуждая) насъ до того отступленія помѣненыхъ пастыровъ нашихъ подъ послушенство его милости отца папы Римского, вольное уживанье набоженства нашого отыймуютъ; а съ другоѣ стороны, его милость отецъ Ипатій, который непорядкомъ церкви Божое Всходнее столицу митрополью одержалъ, священниковъ двухъ тогожъ братства нашого церковного, отца Карпа и отца Григорія, — которые за таковымъ отступленьемъ его, не признаваючи ему надъ собою пастырскоѣ зверхности, *отъ владыки Львовского*, который благословенства Всходнее церкви Божое не отступилъ, станъ духовный на себе приняли, — усиловнѣ ихъ до послушенства своего примушаючи и досыть-слушныхъ обмовъ (довольно справедливыхъ оправданій) ихъ не слухаючи, передъ себе самого ихъ позвавши, самъ же ся на нихъ и жаловалъ, самъ же кгвалтомъ (насильно) ихъ и судилъ, и на баницыю до его королевской милости (чого ани въ свѣтскомъ, ани въ духовномъ правѣ не найдуемъ) отославши, у баницыю (изгнаніе) ихъ управилъ. Што все ижъ ся надъ права и вольности наши старожитные дѣетъ, униженнѣ и плачливѣ просимъ вашихъ милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, ижъ бы ваши милости на такій плачъ нашъ ласкавый (милостивый) взглядъ маючи и повинностью христіянскою порушившися (проникнувшись), той нашъ въ рѣчи посполитой уразъ (обиду) за преднѣйшій маючи, ласкаво и съ пильностью (прилежаніемъ, ревностью) до его королевской милости прозбами своими причинитися рачили, яко бы его королевская милость, нашъ милостивый панъ, яко панъ побожный, такъ о тотъ злый и заочный переводъ права, мандатъ (указъ) свой господарскій на урядъ мѣстскій Виленскій, для запозванья ихъ на сеймъ, выдати, яко и тую самую баницыю черезъ его милость отца Ипатѣя вынесеную, неправную и неслушную, съ тыхъ

священниковъ братскихъ знести, и во всемъ насъ при вольностяхъ нашихъ старожитныхъ въ уживанью звыклого набоженства нашого зоставити, росказати рачилъ.

Современный списокъ, писанный на листѣ скорописью, безъ рукоприкладствъ и скрѣпы, хранится въ архивѣ бывшихъ Греко-унитскихъ митрополитовъ, при святѣйшемъ Синодѣ.

2.

Жалованная подтвердительная королевская грамота Литовско-русскимъ и Польскимъ православнымъ обывателямъ, духовнымъ и мірскимъ, о неприкосновенности правъ и привилегій издавна дарованныхъ имъ въ исповѣданіи Греко-восточной православной вѣры, церковныхъ чиноположеній и обрядовъ, съ обѣщаніемъ назначать имъ вновь духовныхъ властей на мѣста убылыя 1607 г.

Жикгимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жомойтскій, Инфлянтскій, а Шведскій, Готскій и Вандальскій дѣдичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ (вообще) и кождому зособно, кому одно то вѣдати належитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ доносили намъ на сеймѣ теперешнемъ валномъ генеральномъ Варшавскомъ имепослове земль Кіевскоѣ, Волынскоѣ, и Браславскоѣ, именемъ братьи своее людей религіи Греческоѣ, якобы надъ стародавные права и привилегіи, отъ продковъ нашихъ святобливоѣ памяти королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ и Рускихъ, продкомъ ихъ, обывателемъ панствъ нашихъ, всимъ станомъ религіи Гре-

ческоѣ Русскоѣ наданые, уближенье (оскорбленіе) и безправье въ вольномъ уживанью вѣры своее поносятъ...; церкви Рускіе безъ порядныхъ пастыревъ, на хвалѣ Божой и на звыкломъ (обычномъ) порядку своемъ...; шлюбовъ малженскихъ, (браковъ супружескихъ) крещенія дѣтей и инныхъ сакраментовъ (таинствъ) христіанскихъ и набоженствъ (богослуженій), водлугъ звычаю, порядку и обрядовъ Греческихъ и уставовъ Отцовъ святыхъ на сунодахъ постановленыхъ,... просячи насъ господаря, абысьмо имъ въ томъ кривды, (обиды) утиску (угнетеніе) и уближенья (оскорбленія) поносити не допустили, але при давныхъ звычаяхъ, правахъ и вольностяхъ церкви закону Греческого и всихъ людей тоѣ вѣры въ панствахъ нашихъ заховали; пастыровъ и преложоныхъ (начальниковъ) ихъ духовныхъ, архіепископа, митрополита, владыковъ, архимандритовъ и инныхъ презвитеровъ и священниковъ имъ подали, водлугъ тыхъ же правъ и привилеевъ, и напотомъ завжды (всегда) подавали, и тоѣ вѣры старожитноѣ христіанскоѣ Греческоѣ во всемъ вольно, цѣло, спокойно и безпечно имъ уживати допустили, варовали (гарантировали) и упевнили (обеспечили). Мы прозбы ихъ выслухавши, а хотѣчи, абы подъ счастливымъ панованьемъ нашимъ ... кождый веселился зъ вольности, свободы и права своего, такъ особливо вси станы (сословія) тыхъ панствъ нашихъ которые суть, религіи христіянскоѣ повшехноѣ (вселенской) Греческоѣ, абы жадного (никакого) уближенья (оскорбленія) кривды и безправья не поносили, але спокойно, вольно и безпечно вѣры и набоженства водлугъ закону Греческого и обрядовъ своихъ уживали (употребляли): всихъ людей тоѣ вѣры, обывателевъ панствъ нашихъ, водлугъ правъ, привилеевъ и вольностей отъ продковъ нашихъ церквямъ вѣры Греческоѣ, а также станомъ и людемъ тоѣ религіи духовнымъ и свѣтскимъ здавна наданыхъ,

во всемъ вцалѣ (вполнѣ) и зуполнѣ (совершенно) заховавши, тымъ листомъ привилеемъ нынѣшнимъ варуемъ (гарантируемъ) ижъ вси станы и особы, люди религіи Греческоѣ духовные и свѣтскіе, вѣры своее водлугъ стародавного обычаю, порядковъ, обрядовъ и церемонѣй церкви Греческоѣ оріенталноѣ, вольно, безпечно и спокойно уживати и набоженства свои отправляти маютъ и вольны будутъ; и яко здавна тая вѣра, вся стародавные порядки церковные, науки и писма Отцовъ святыхъ на сунодахъ поданные маючи, трвала (существовала) такъ и теперь ни въ чомъ ненарушенно трвати и захована быти маетъ. Пастыровъ тежъ альбо преложоныхъ духовныхъ, владыковъ, архимандритовъ, игуменовъ и инныхъ церковныхъ научителевъ (учителей), водлугъ (по) тыхъ же правъ, привилеевъ и вольностей здавна наданыхъ, подавати и прекладати (поставлять) маемъ и до жадноѣ отмѣны обрядовъ ихъ примушати не кажемо (не велимъ) але яко здавна бывало и яко старые каноны и привилеи ихъ описуютъ... гвалту (насилія) въ томъ и примушенья (принужденія) жадного мѣти не маютъ, и овшемъ (напротивъ) въ вольности и доброй воли своей въ томъ во всемъ заживати (употреблять) маютъ, водлугъ правилъ и каноновъ святыхъ Отецъ и водлугъ давныхъ правъ и привилеевъ, свободъ, вольностей и звычаевъ своихъ. И на то есмо дали сесь нашъ привилей съ подписомъ руки нашое господарской и съ печатью коронною. Писанъ у Варшавѣ, на соймѣ валномъ коронномъ, року 1607, мѣсяца іюня 18 дня, а панованья королевствъ нашихъ, Польского 20, а Шведского 14 року.— Sigismundus Rex. Zacharyasz Jałowickj, sekretarz y pisarz.

Сія привилегія въ официіальной выписи изъ книгъ Главнаго Виленскаго Трибунала, выдана 1621 *г.* 18 *Мая, Кіевскому уніятскому митрополиту Іосифу Рутскому. Выпись современная, но ветхая, хранится въ архивѣ Полоцкой духовной консисторіи. См. рукоп.* Бѣлор. арх. др. грамотъ, Ч. 2, стр. 225, *принадлежащую археографической коммиссіи.*

КІЕВО ВЫДУБИЦКІЙ СВЯТО-МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ВЛАДѢНІЯ ДО ЗАНЯТІЯ ЕГО УНІЯТАМИ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ святой Кіевопечерской лавры (около 2 верстъ), внизъ по теченію Днѣпра, въ ущельи—между двумя горными возвышенностями, покрытыми лѣсомъ, стоитъ уединенно одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ монастырей кіевскихъ—Выдубицкій свято-Михайловскій монастырь. Начало этого монастыря терятся въ глубокой древности, во времени введенія христіанства въ Кіевѣ.

Древнее преданіе, записанное въ позднѣйшихъ историческихъ сказаніяхъ, (1) сближаетъ начало Выдубицкаго монастыря съ священными именами святаго князя Владиміра, сокрушителя кіевскихъ язычесвихъ кумировъ и сотрудника его святителя Михаила, перваго митрополита кіевскаго. Крестивши своихъ сыновей и кіевлянъ, говоритъ преданіе, святой Владиміръ приказалъ, особенно чтимаго язычниками, идола Перуна, стоявшаго на холмѣ, привязать къ конскому хвосту и тащить въ Днѣпръ, приставивши двѣнадцать человѣкъ палочниковъ «да біютъ его палицами не яко чувственное дерево, но да поругаются бѣсу, иже чрезъ него народъ человѣческій прельщаше.» Идола тащили вблизи нынѣшняго златоверхо—Михайловскаго монастыря, по скату горы, которая отъ того долго называлась чортовымъ беремищемъ,

(1) Оно особенно обстоятельно изложено въ Сvнопсисѣ.

и бросили въ Днѣпръ. Идолъ плылъ по рѣкѣ, а суевѣрный народъ провожалъ его берегомъ съ горькимъ плачемъ и крикомъ: «выдыбай нашъ государю боже, выдыбай!» Идола прибило волнами къ извѣстиому урочищу, которое съ того времени стали называть Выдубичами или Выдыбичами «отъ выдыбанья идола.» Тутъ, говорится въ Сѵнопсисѣ, язычники вздумали было учинить поклонъ своему божеству,— а вѣрующіе, желая воспретить торжеству идолопоклонниковъ, по приказанію князя, схватили идола, привязали къ нему камень и затопили въ Днѣпрѣ (1). На память сверженія идола съ горы, продолжаетъ преданіе, святитель Михаилъ, не далеко отъ чортова бериница, на горѣ посадилъ иноковъ и устроилъ тутъ церковь во имя святаго архистратига Михаила, побѣдителя темныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своего ангела покровителя, которая, вѣроятно, была и домовою церковью святителя. Преподобный Несторъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что святой Владиміръ, вскорѣ послѣ крещенія кіевлянъ, «повелѣ воздвизати церкви и составляти монастыри честныи: и постави церковь святаго Василія на холмѣ, идѣже стоялъ Перунъ и прочіи ихъ демонстіи кумиры. Сицежъ и повсѣмъ градомъ и по селомъ воздвизахуся церкви и монастыри, и умножахуся священницы и вѣра православная цвѣтяше, и сіяше яко солнце (2). Позднѣйшее преданіе дополняетъ это общее сказаніе, прибавляя, что въ это время была поставлена и въ урочищѣ Выдубичахъ церковь въ память чудеси святаго архистратига Михаила, «погрузившаго въ Хіонѣхъ невѣрныя люди въ рѣки.» Очень можетъ быть, что на память потопленія въ водахъ, помощію святаго архистратига небесныхъ силъ «выдыбавшаго или выплывавшаго въ болванѣ бѣса, и на Выдыбичахъ была построена церковь и монастырь во имя св. архистратига Михаила, особенно для того, чтобы отвлечь идоло-поклонниковъ кіевскихъ

(1) По Лѣтописи Нестора идолъ не былъ затопленъ,—а, брошенный въ Днѣпръ, поплылъ внизъ по рѣкѣ; проплылъ днѣпровскіе пороги, и тамъ гдѣ-то прибился къ урочищу, которое съ того времени стало извѣстно подъ именемъ рѣки перуней.

(2) Нест. лѣтоп. стр. 94.

отъ суевѣрнаго почитанія мѣста, гдѣ выплылъ было ихъ кумиръ. Намъ покажутся совершенно непонятными тѣ мѣста лѣтописи преподобнаго Нестора, въ которыхъ упоминается о многихъ монастыряхъ кіевскихъ, во дни святаго Владиміра (1) и преподобнаго Антонія Печерскаго, (2) если не допустимъ существованія въ это время между другими монастырями и монастыря на Выдубичахъ.

Первая Выдубицкая церковь, подобно другимъ первымъ церквамъ кіевскимъ, могла быть деревянная. Каменная же церковь (вѣроятно, на мѣстѣ прежде бывшей деревянной) была заложена, по словамъ преподобнаго Нестора, великимъ княземъ Всеволодомъ, четвертымъ сыномъ Ярослава, внукомъ святаго Владиміра, въ 1070 г., когда этотъ князь былъ еще на столѣ въ Переяславли (можетъ быть, на память рожденія у него сына Ростислава). На восемнадцатомъ году отъ заложенія церковь была окончена съ придѣломъ, во имя святаго Благовѣщенія, и посвящена въ честь святаго архистратига Михаила митрополитомъ всея Россіи Іоанномъ II, съ епископомъ бѣлгородскимъ Лукою, епископомъ черниговскимъ Исаіемъ и другими, «а игуменство тогда держащу того монастыря Лазарю» (3). Судя поблагочестію этого князя, котораго за то особенно любилъ его отецъ, и по теперешнему виду этой церкви, — можно предполагать, что она въ свое время, по красотѣ и благолѣпію, была непослѣднею изъ кіевскихъ монастырскихъ церквей (4). Не въ дальнемъ разстояніи отъ этой, вновь выстроенной, церкви, въ правой сторонѣ отъ нея, на пре-

(1) Нест. лѣт. стр. 108.

(2) Нест. лѣт. стр. 140.

(3) Несторъ: лѣт. стр. 190. И подъ 1072 годомъ, въ сказаніи о перенесеніи мощей святыхъ князей страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, преподобный Несторъ упоминаетъ о Софроніи, игуменѣ святаго Михаила между игуменами печерскимъ Ѳеодосіемъ и святаго Спаса Герасимомъ. Эти замѣчанія преподобнаго лѣтописца еще больше утверждаютъ насъ въ томъ предположеніи, что и до построенія церкви Всеволодомъ на Выдубичахъ уже былъ монастырь.

(4) Мы предполагаемъ, что и эта церковь, если не теперь, то при Рюрикѣ Ростиславичѣ, подобно другимъ древнѣйшимъ церквамъ кіевскимъ, была расписана фресковою живописью.

красной горной площади надъ Днѣпромъ, стоялъ тогда и дворецъ Всеволожъ — Красный дворъ. Сюда, вѣроятно, благочестивый князь уединялся «въ старости своей, въ минуты печали отъ напастей сыновцевъ своихъ, хотящихъ соби власти;» тутъ, въ близъ лежавшемъ, созданномъ имъ храмѣ, вѣроятно, онъ неоднократно изливалъ свои чувства передъ Богомъ. По любви къ своей святой обители, онъ надѣлилъ ее близъ лежавшими звѣринскими, лыбедскими, осокорскими и другими землями и перевозами на рѣкахъ. Записей князя на эти владѣнія не сохранилось въ монастырѣ, но онъ пользовался ими до позднѣйшаго времени, по силѣ привиллегій королей польскихъ и государей русскихъ, подтверждавшихъ его старинныя права. Какова была судьба Выдубицкаго монастыря въ дальнѣйшее время, послѣ его основанія, до монгольскаго ига и послѣ того, до XVI вѣка, по недостатку историческихъ памятниковъ, объ этомъ трудно сказать что нибудь положительное. Впрочемъ, руководясь отрывочными указаніями нашихъ лѣтописцевъ на это время можно, сказать хоть слѣдующее. Очень вѣроятно, что Выдубицкая обитель въ домонгольское время раздѣляла участь всѣхъ кіевскихъ монастырей. Половцы, неоднократно нападавшіе на Кіевъ, вѣроятно, неоднократно опустошали и Выдубицкую обитель, не смотря на то, что она была сокрыта въ дремучемъ лѣсу и въ глубокомъ ущельи. Впрочемъ церковь ея никогда не подвергалась значительнымъ разрушеніямъ отъ руки враговъ, тогда какъ Всеволожъ-Красный дворъ, вѣроятно по причинѣ своего открытаго положенія, не устоялъ долго: въ 1096 году, 20 іюня, онъ былъ совершенно сожженъ половецкимъ княземъ Бонякомъ, а монастырь между тѣмъ устоялъ. Въ немъ, по временамъ, въ званіи игуменовъ были тогда такія лица, которыя за свои достоинства прямо возводимы были на епископскія каѳедры; между ними можно указать, на двухъ игуменовъ—Сильвестра, извѣстнаго продолжателя Несторовой лѣтописи, и Адріана: первый изъ нихъ около 1119 года былъ возведенъ въ санъ епископа переяславскаго, а второй, около 1190 года, въ санъ епископа бѣлгородскаго.

Выдубицкій монастырь, не заключавшій въ себѣ никакой осо-

бенной святыни, привлекалъ однакоже издавна вниманіе благочестивыхъ поклонниковъ—князей и народа. Еще подъ 1097 годомъ преподобный Несторъ упоминаетъ, что «во четерти Ноембрія сюда ко святому архистратигу Михаилу приходилъ поклонитися князь Василько, и ужина тамо.» Послѣ Всеволода, изъ князей благотворителей Выдубицкой обители, особенно извѣстенъ великій князь кіевскій Рюрикъ, а во святомъ крещеніи Василій Ростиславичъ. Къ концу XII вѣка, Всеволодова церковь повредилась частью отъ непріятельскихъ набѣговъ, а частью отъ непрочнаго грунта: крутая гора, на возвышенности которой она стояла, болѣе и болѣе подмываемая волнами Днѣпра, стала мало по малу обваливаться, отчего восточная сторона церкви тоже обрушивалась. Желая сохранить священный памятникъ своихъ предковъ, и усердствуя къ обители, Рюрикъ Ростиславичъ рѣшился какъ нибудь поддержать ее; для этого отъ выписалъ изъ Новгорода (1) знаменитаго строителя того времени Петра Милонѣга, и, посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшился укрѣпить восточный склонъ горы отъ церкви каменною стѣною. Постройка шла быстро: начавшись 10 іюля 1199 года, она была окончена къ 24 сентябрю тогоже года, и между тѣмъ была такъ прочна и искусна, что считалась чудомъ строительнаго искуства того времени (2). Великій князь, кромѣ того, украсилъ главную церковь стѣннымъ писаніемъ и надѣлилъ ее нѣкоторыми утварями. Безсомнѣнія, кромѣ этихъ князей благотворителей Выдубицкой обители, были и другіе: такъ, между прочими своими фундаторами и ктиторами разсматриваемаго нами времени она молитвенно воспоминаетъ—княгиню Анастасію, жену Всеволода Ярославича,—князя Владиміра Мономаха, сына ея,—князя Мстислава, сына Владиміра Мономаха,—князя Ростислава, сына Мстислава Владиміровича,—княгиню Анну, жену князя Рюрика,—князей Ростислава и Владиміра, сыновей Рюрика, и княжнъ Предиславу и Всеславу, дочерей его. Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь

(1) Тутъ онъ строилъ церковь во имя Вознесенія Господня.

(2) Эта стѣна неуцѣлѣла до нашего времени.

болѣе или менѣе благоденствовалъ подъ покровительствомъ князей до 40 годовъ XIII вѣка. Около этого времени гроза монгольская, находившая на Кіевъ, коснулась и Выдубицкой обители. Впрочемъ и тогда церковь монастырская спаслась отъ разрушенія, вѣроятно, благодаря своей беззащитности и уединенному положенію. Въ ней и послѣ того почти непрерывно продолжалось богослуженіе, — къ ней попрежнему приходили на богомолье русскіе князья, бояре и народъ; покрайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1250 году сюда приходилъ молиться князь Даніилъ Романовичъ Галицкій предъ своимъ путешествіемъ въ орду, для поклона татарскому хану. Кромѣ этого случая, наши лѣтописи неупоминаютъ больше ни объ одномъ замѣчательномъ событіи изъ исторіи Выдубицкаго монастыря древнѣйшаго времени,—такъ что XIII, XIV и XV вѣка остаются совершенно темными въ его исторіи. Изъ этого времени неизвѣстно ни одного ктитора, ни одного игумена Выдубицкой обители.

Въ позднѣйшихъ бумагахъ ея объ этомъ времени вообще замѣчается, что тогда и Выдубицкій монастырь, подобно другимъ монастырямъ кіевскимъ, подверженъ былъ татарскимъ разореніямъ, во время которыхъ погибли или были сокрыты всѣ его древнія письменныя записи.

Далеко яснѣе исторія Выдубицкаго монастыря XVI вѣка: изъ этого времени сохранились многія грамоты и другіе документы, касающіеся особенно владѣній монастыря. Въ эту эпоху монастырь заботился въ особенности объ оффиціальномъ закрѣпленіи своихъ правъ на прежнія и вновь пріобрѣтенныя владѣнія. Въ числѣ его крупныхъ владѣній были: грунта звѣринскіе, лыбедскіе и неводничьи съ перевозами, — багриновскіе, гнилецкіе, подтри польскіе, осокорскіе, свиноѣдскіе, мозырскіе и др.

Часть грунтовъ звѣринскихъ, лыбедскихъ и неводничьихъ, съ перевозами па Лыбеди и Днѣпрѣ, была надана Выдубицкому монастырю, какъ сказано выше, первымъ его фундаторомъ великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ; такъ покрайней мѣрѣ объ этомъ говорится во многихъ актахъ Выдубицкаго монастыря XVI

вѣка (1). Въ сосѣдствѣ съ этими грунтами на Звѣринцѣ и Лыбеди были грунта и Кіево-печерской лавры. За недостаткомъ опредѣленныхъ границъ, часто выходили недоразумѣнія и споры между этими монастырями, вызывавшіе оффиціальныя жалобы съ той и съ другой стороны. Такая жалоба занесена была, между прочимъ, около 1540 года, польскому королю Сигизмунду-Августу игуменомъ Выдубицкаго монастыря Ефремомъ на архимандрита Печерскаго монастыря Софронія. Сигизмундъ Августъ вступился тогда за давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря, и въ своей грамотѣ, отъ 3 марта 1541 года, писалъ архимандриту Печерскому: «приказуемъ тобе подзарукою нашою подсту рублей грошей, ажебы еси оныхъ земель монастырскихъ подъ себе не забиралъ и въ озеро затону нечимъся не вступалъ, и дань людемъ своимъ монастыря печерскаго живучимъ въ маентностяхъ того монастыря на тотъ монастырь светаго архангела Михаила казалъ сполна выдавати, а слугъ и людей того монастыря не сбывалъ и жадныхъ отповедей и похвалокъ на нихъ печинилъ, и во всемъ, абы еси супокойне кнему ея заховалъ, и чрезъ то жадныхъ кривдъ и втисковъ тому монастырю не дѣлалъ, конечно, абы то инакъ не было.» (2)

Не смотря однакоже на королевское приказаніе подъ зарукою «ста рублей грошей,» архимандриты лавры и послѣ того продолжали свои притязанія, то на звѣринское озеро-Затонъ, то на лыбедскую половинную мельницкую часть, то на другія звѣринско-лыбедскія угодья Выдубицкаго монастыря. Въ этихъ случаяхъ отъ Выдубицкого монастыря опять были приносимы жалобы какъ къ митрополитамъ, такъ и воеводамъ кіевскимъ; но онѣ мало имѣли успѣха: упоминальные листы, посылаемые Лаврѣ съ той и другой стороны, не останавливали притязаній ея архимандритовъ, пока наконецъ въ 1562 году, іюня 5, не данъ былъ «привиллей» игумену Выдубицкаго монастыря Григорію Швабѣ на звѣринскія

(1) И въ Несторовой лѣтописи подъ 1097 годомъ упоминается о лыбедскомъ перевозѣ на Выдубичахъ. Нест. лѣт. Л. 27, 30.

(2) I кн. акт. стр. 1.

владѣнія съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ границъ, учиненнымъ воеводою кіевскимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Въ этой грамотѣ такъ опредѣлялись границы звѣринскихъ владѣній Выдубицкаго монастыря: «почении отъ реки Днѣпра у верхъ озера Затона, изъ того озера въ долину глубокую, ровчакомъ и поточкомъ неводницкимъ простуючи до колодезей у верхъ граничныхъ, въ яки колодезяхъ были и знаки граничные положены два сошника и жорна, отъ вербъ граничныхъ и колодезей тоюже долиною неводницкою ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое въ долине межи лесомъ стоитъ, изъ того озера на борокъ, отъ борочка на Перепеличь долину и чрезъ гостинецъ (трактъ) трипольскій, тою долиною простуючи въ Либедь, а тамъ в Либеди млинъ Выдубицкій—властный пополамъ съ печерскими и оній то млинъ з видубицкими за чотыри дворища на зернецъ вимененный, одтоль Либедью на низъ на садки до млина другого видубицкаго звечистаго па Либеди, тою Либедью зновъ в Днѣпръ.» (1) Такъ окончательно установилось право Выдубицкаго монастыря на его звѣринскія владѣнія. Изъ звѣринскихъ и лыбедскихъ владѣній Выдубицкій монастырь получалъ тогда не мало доходовъ. Въ реэстрѣ пожитковъ его за 1593 годъ говорится, что въ это время «з села нагорнего близь самого монастыря шло къ нему куницы грошевой з огородовъ з садками с каждаго по грошей 19: зо всѣхъ чинитъ полторы копы и шесть грошей: з пасеки близь монастыря в рок давали и з дерева того садового што въ логовине пасечной по полу копы грошей.» Кромѣ того, «з поль монастырскихъ шла десятина, якъ ся въ которомъ року бываетъ жита добрыхъ урожаевъ по полъ третядцать копъ, а яринъ копъ по тридцать,—впрочемъ в року 1593 жита десятиннаго было всего только 5 копъ, а яринъ розныхъ копъ сполтретядцать, ижъ великій не врожай былъ того року.» (2)

Другія ближайшія къ Кіеву угодья по теченію Днѣпра (напр.

---

(1) Кн. актовъ 3, № 4.

(2) I кн. актовъ стр. 60.

«багриновскія») съ давнихъ временъ также принадлежали къ Выдубицкому монастырю. Какъ видно изъ давнихъ документовъ, и эти владѣнія были наданы монастырю Выдубицкому »з вековъ» князьями русскими, и закрѣплены королями польскими. Не смотря на то, что эти владѣнія примыкали одною своею стороною къ лаврскимъ владѣніямъ, а другою къ владѣніямъ златоверхо-Михайловскаго монастыря, онѣ не вызывали никакихъ споровъ, ни съ той, ни съ другой стороны; границы ихъ, вѣроятно, издавна были опредѣлены и установлены: однакоже заботливый игуменъ выдубицкій Ефремъ, для прочности владѣнія Багриновщиною, поспѣшилъ выпросить королевскую привиллегію и на это селище. Въ 1541 году, 5 Марта, онъ получилъ такую грамоту польскаго короля Сигизмунда Августа: «Билъ намъ челомъ игуменъ светого архангела Михаила выдубицкаго, пишется въ этой грамотѣ, и поведилъ предъ нами, ижъ што великіи князѣ рускіи на тотъ монастырь светого архангела Михаила зъ вековъ надали селищо на имя Багриновъ въ повети кіевскомъ, въ мили доброй от замку нашего кіевскаго надъ рекою Днепромъ и потокомъ Любкою, то какъ предки наши государи королѣ польскіи селище то Багриново къ монастырю тому ку той церкви Божой светого архангела Михаила Выдубицкаго подтвердили, и были на то листы привиллей и твердости старіи предковъ нашихъ князей рускихъ и королей польскихъ, которіи селищо то Багриново и наши имепя многія и селы церкви той святаго Михаила Выдубицкаго надали нижли згинули въ тотъ часъ, поки Кіевъ и монастырь тотъ былъ отъ непріятели Крижа светого (Татаръ) по килька кротъ збуренъ...... хотячи прето мы, абы въ томъ монастыри завжды хвала Божа бывала и за насъ государя Бога прошоно, на его челобитье то вчинили и оное селищо Багриново, совсимъ, якъ ея здавна в собе со всими пожитки маетъ, ку той церкви Божой подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность...» (1) Послѣ этого, Выбудицкій монастырь продолжалъ спокойно владѣть багриновскими владѣніями до 70 годовъ XVI вѣка. Около

(1) Кн. 3 акт. № 4.

этого времени, какъ увидимъ ниже, сторонняя рука, подъ видомъ доброхотства, стала вмѣшиваться съ дѣла Выдубицкой обители и успѣла оттянуть отъ нея значительную часть багриновскихъ владѣній. Впрочемъ, еще въ 1580 году, Выдубицкій монастырь владѣлъ одною значительною частью Багриновщины, которая выходила къ Голосѣеву «по надъ рѣчкою Любкою.»

Къ югу отъ багриновскихъ земель, близъ селенія Лѣсникъ, лежали грунта гнилецкіе; они также входили въ составъ владѣній Выдубицкаго монастыря. Гнилещина не была надана монастырю князьями русскими—его фундаторами, какъ другія владѣнія, а была пріобрѣтсна, и закрѣплена другимъ путемъ. Въ гнилецкомъ урочищѣ и теперь еще есть двѣ дуевнія достопримѣчательности: это древняя пещера преподобнаго Θеодосія Печерскаго, который, по преданію устному и записанному, тайно уходилъ сюда отъ братіи печерской на всю четыредесятницу, для большихъ подвиговъ,—и открытые въ землѣ каменные остатки развалинъ древнѣйшаго гнилецкаго Богородичнаго монастыря. Преданіе говоритъ, что гнилецкій монастырь былъ одинъ изъ тѣхъ древнѣйшихъ монастырей «прежде бывшаго весьма пространнаго Кіева, (?)» которые были построены святымъ Владиміромъ, просвѣтителемъ Руси, на мѣстѣ идольскихъ капищъ, и которые посѣщалъ преподобный Антоній Печерскій, по возвращеніи съ Аѳонекой горы. Въ гнилецкомъ монастырѣ, говоритъ преданіе, имѣли свое пребываніе греческіе монахи, прибывшіе съ святителемъ Михаиломъ, первымъ митрополитомъ кіевскимъ. Подобно многимъ другимъ монастырямъ кіевскимъ, и гнилецкій монастырь стоялъ не долго: скоро половцы и татары разрушили его въ конецъ. Гнилецкій монастырь, съ его угодьями, до разоренія, безъ сомнѣнія, находился въ вѣденіи митрополитовъ кіевскихъ; послѣ же разоренія, всѣ его угодья ближайшимъ образомъ должны были перейти и перешли во владѣніе митрополитовъ. Въ послѣдствіи, когда кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а имѣли тутъ только своихъ намѣстниковъ,—владѣнія кіевскія, вѣроятно, не много доставляли имъ выгодъ,—и потому они не слишкомъ дорожили ими. Такимъ обстоятельствомъ

воспользовались игумены сосѣдняго Выдубицкаго монастыря и завладѣли Гнилетчиною. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ митрополитомъ кіевскимъ былъ Іосифъ Солтанъ, проживавшій, то въ Вильнѣ, то въ Новогрудкѣ, то въ Минскѣ; къ нему то и обратился съ просьбою объ уступкѣ Гнилещины Выдубицкому монастырю бывшій въ то время игуменъ его Іоакимъ. Просьба была успѣшна, тѣмъ больше, что ее подкрѣпили ходатайства со стороны кіевскаго воеводы Андрея Немировича, архимандрита печерскаго Антонія и бывшаго намѣстника митрополичьяго, урядника кіевскаго, Василія Шишки, который представлялъ, что «съ той земли гнилецкаго монастыря никакой подати и службы ему митрополиту Іосифу и двору его церковному не бываетъ, да и урону съ того не будетъ.» Митрополитъ Іосифъ, 5 Іюня 1504 года, далъ Выдубицкому монастырю грамоту, писанную въ Вильнѣ, которою уступалъ ему тотъ монастырь Гнилецъ «со всимъ зъ тимъ, якъ ея въ собе передъ тымъ издавна мѣлъ. (1)» Чрезъ нѣсколько времени митрополитъ Іосифъ далъ и другую подобную же подтвердительную грамоту на гнилецкую землю, которая (грамота) впрочемъ не сохранилась въ актахъ монастыря. Не смотря на эти двѣ грамоты, не смотря на то, что и преемники митрополита Іосифа митрополиты Іона, Іосифъ и Макарій Мартыновичъ подтверждали за Выдубицкимъ монастыремъ его права на Гнилещину, впослѣдствіи кіевскіе митрополичьи власти еще вмѣшивались въ эту «даровизну», и только послѣ окончательнаго отчужденія гнилецкихъ земель отъ митрополитанскихъ владѣній митрополитомъ Макаріемъ,—они уже окончательно прекратили свои притязанія на Гнилещину. Съ 1564 по 1570 годъ Выдубицкій монастырь уже безспорно и спокойно владѣлъ Гнилещиною.

Бывшія въ послѣдствіи нападенія на гнилецкіе грунта со стороны то лѣсницкаго державцы Тремы, то воеводскаго намѣстника кіевскаго, князя Воронецкаго и другихъ, содѣйствовали только къ болѣе точному опредѣленію границъ и упроченію за монастыремъ владѣній гнилецкихъ. По грамотамъ польскихъ ко-

---

(1) 3 Кн. акт. № 13.

ролей, къ нимъ принадлежали: озера—Глущецъ, Заспа, Корича, Потяжъ, Плоское, Святище съ криницами и другія,—угодья—Кальный лугъ, Закотье на Ветѣ, Перевесье,—пасѣки, сады, селище Куликово, сѣножатье, Праведницкій борокъ, или Мѣлковщина, землище Халимоновское надъ рѣчкою Борщовкою, нивы около валу, дворище халимоновское и другія. Къ концу XVI вѣка, митрополиты кіевскіе измѣнили слову своихъ предшественниковъ; подъ различными предлогами, они отбирали кое—какія владѣнія въ свою пользу. Около этого времени находились и другія личности, которыя тоже усиливались пользоваться какими нибудь частями Гнилещины; такъ, напримѣръ, около 1593 года, какой то панъ «Треска заселъ было немало кгрунту подъ Гнильцомъ.» Впрочемъ и тогда еще Выдубицкій монастырь владѣлъ значительною частью Гнилещины. Игуменъ Выдубицкаго монастыря Каллистъ, въ реэстрѣ доходовъ монастыря за 1593 годъ, упоминаетъ еще о многихъ доходныхъ статьяхъ изъ гнилецкихъ владѣній; напримѣръ, онъ говоритъ, что Выдубицкій монастырь и «тогда получалъ каждогодно отъ атамана Спаскаго за гнилецкую пасѣку по копѣ грошей,—что озеро Заспа съ криницами его околичными давало аренды въ рокъ по осьми копъ грошей и полфунта перцу, что озеро Святище давало аренды по копъ грошей три и по сотцу рыбъ боковыхъ отъ леду до леду на лѣто, — а въ зимѣ на монастырѣ ловятъ,—что еще одинъ берегъ рѣчки Коричы и тогда былъ во владѣніи монастыря Выдубицкаго при кгрунтехъ и сѣножатехъ заспенскихъ, что стого берега, урядники монастырю поклонъ давать повинны были, а сена тамъ бывалъ закосъ на монастырь стоговъ пять або шесть и проч. (1)»

Ближайшіе къ гнилецкимъ грунтамъ, богатые подтрипольскіе грунта и угодья села Игнатова и Игнатовцы, съ рыбными озерами Сумовкою, Превлоками и рыбными «Криницами» также принадлежами къ Выдубицкому монастырю. Они издавна были наданы ему Остафіемъ Дамковичемъ и нѣкоею панею Ельцевичевою. Въ началѣ XVI вѣка, владѣтели Трипольскіе Ѳедоръ Дѣдковичъ

---

(1) См. реэстр. пожит. 1 Кн. акт. стр. 60—63.

и Гришка Обдуля заявили-было свои притязанія къ этимъ владѣніямъ, но князь Чарторыйскій въ 1517 году помирилъ спорившихся на мѣстѣ, въ присутствіи представителей съ той и съ другой стороны и намѣстника кіевскаго Θеодора Тити. Чтобы на всегда обезопасить подтрипольскіе грунта отъ притязанія опасныхъ сосѣдей, игуменъ Ефремъ просилъ Сигизмунда Августа закрѣпить ихъ за монастыремъ: король уважилъ его просьбу. Въ своей грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю на имя игумена Ефрема, отъ 5 марта 1541 года, онъ писалъ: «чинимъ знаменитѣ симъ нашимъ листомъ: билъ намъ челомъ игуменъ монастыря святого архангела Михаила Выдубицкаго Ефремъ и повѣдилъ предъ нами, ижъ староста черкаскій и каневскій небожчикъ панъ Остафій Дамковичъ на тотъ монастырь святаго архангела Михаила придалъ выслугу отца своего небожчика пана Ивана Дамковича селищо на имя Игнатовцы подле речки Стугны, а Зеновывая Еголдаевна Яцковая Ельцевичева придала къ томужъ монастырю Выдубицкому селищо на Стугне на имя Игнатово, на што оны и листы свои подавали, и тіи вси листы игуменъ святый Михаилъ передъ нами покладалъ и билъ намъ челомъ, а бисмо ему на то дали нашъ листъ і мы вси вышеописанныи листы наданя, што къ тому монастырю надано, подтвердили на тую Церковь нашимъ листомъ. И по кгдыжъ..... стороста черкаскій и каневскій, небожчикъ панъ Остафій Дамковичъ селищо Игнатовцы выслугу отца своего на тотъ монастырь Выдубицкій записалъ, а Зеновьевая Еголдаевна Яцковая Ельцевичева придала на тотъ же монастырь селищо иа стугне на имя Игнатово, и по то на все оны листы свои подавали; хотячи предъ то, абы въ томъ монастырѣ завжды хвала Божія бывала, а за насъ господаря Бога прошоно иласки нашое на его челомъ битье то и вчинили, и оній вси листы надания, што къ тому монастырю светаго-архангела Михаила надано и то селищо Игнатовцы з водами и з реками и з сеножатьми, и з бобровскими селы и з дубровами и совсимъ, якъ ся оніи селища з давна в собѣ маютъ, ку той церкви Божіей подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность; маетъ то теперешній игуменъ и по немъ бучіи игумены къ тому мона-

стырю держати, и того вживати со всимъ водле наданья листомъ тихъ, которіи оны на то въ собе маютъ, и на то даемъ тому монастырю сесь нашъ листъ з нашею печатью въ Вильнѣ.» (1)

Однако же владѣльцы трипольскіе непереставали и потомъ захватывать игнатовскія урочища, не смотря на частыя напоминанія, дѣлаемыя имъ то со стороны митрополитовъ кіевскихъ, то кіевскихъ городскихъ властей. Въ 1593 году подтрипольскія владѣнія были совершенно присвоены панами Дидковыми. Въ реэстрѣ владѣній Выдубицкаго монастыря за 1593 годъ говорится: «отняли кгрунтъ того же монастыря урочища подтрепольскіе панове Дедкове и луки осетровые и того кгрунта на килька миль не винне держатъ, съ котораго бывало приходитъ къ монастырю по 100 бочекъ жита молочонаго, а пшеницы 80 бочекъ комягою привожено къ монастырю, а съ тыхъ осетровыхъ лукъ по 200 осетровъ вялыхъ на монастырь же Выдубицкій давано: на которыи кгрунты и на тыи луки подтрипольскіе есть у его милости митрополита въ ризницы Новгородской листъ его королевской милости короля Жигмонта... а монастырь собою николи нѣякимъ способомъ тыхъ кгрунтовъ своихъ неутрачалъ; одно безправне ихъ Дедкове держатъ, ото позвати ихъ только.» (2) И на самомъ дѣлѣ паны Дидковы не долго владѣли этими «кгрунтами».

По давнему преданію, сохраненному въ древнихъ актахъ, фундаторъ Выдубицкаго монастыря, великій князь Всеволодъ Ярославичъ и его преемники, русскіе князья надѣлили монастырь и осокорскими землями, съ ихъ угодьями, лежавшими за Днѣпромъ противъ монастыря; но грамотъ русскихъ князей и на эти владѣнія не сохранилось въ монастырѣ. Въ началѣ XVI вѣка игуменъ Ефремъ обращался къ воеводѣ кіевскому Андрею Немировичу и просилъ его о закрѣпленіи за монастыремъ осокорскихъ земель, со всѣми принадлежавшими къ нимъ угодьями. Немировичъ и далъ было отъ себя листъ, съ подробнымъ ограниченіемъ осокорскихъ владѣній. По смерти воеводы Немировича тотъ же игуменъ

(1) Кн. 3 акт. 461 стр. на обор:

(2) 1 Кн. акт. стр. 60—63.

Ефремъ обращался съ просьбою о закрѣпленіи за монастыремъ осокорскихъ владѣній и къ польскому королю Сигизмунду Августу, приложивъ къ своему прошенію и граничный листъ покойнаго воеводы. 1538 года апрѣля 26, Сигизмундъ Августъ далъ и отъ себя такую подтвердительную грамоту. «Билъ намъ челомъ игуменъ светого архангела Михаила Выдубицкаго Ефремъ (писалъ онъ въ грамотѣ) и поведилъ предъ нами, што дэй великій князи русскіи къ тому монастырю светого архангела Михаилу Выдубицкому зъ вековъ придали именне осокорское, землю за рекою Днепромъ прямо церкви монастыря того з островомъ Миколаевымъ и з иншими островами при ней лежачими; и предки наши Государѣ королѣ польскіи своими листами наданне оно къ монастырю тому подтвердили: и покладалъ предъ нами листъ граничный подъ печатью и рукою небожчика пана Андрея Немировича воеводы кіевскаго: а въ томъ листѣ воеводиномъ границу того именья осокорскаго тако описано: «почевши отъ Днепра гараздо понижей Либеди Днепромъ въ Моровое Днеприще, Днеприщемъ на Линки въ быстрый Перевалъ, съ того Перевалу въ Вубчое, потомъ въ другое Вубчое, съ того Вубчаго въ Короповъ, з Коропова въ Чорныя лозы, з Чорныхъ Лозъ на Сосны и Осокори великіе, въ которыхъ и рубежѣ, отъ Осокоровъ въ Зачеща, з Зачещъ въ речку Панковскую, речкою въ Тельбинъ, Тельбиномъ въ Коростышевъ, Коростышевомъ въ глубокій Колтобъ, съ Колтоба въ Доманское жерело, жереломъ въ Днепръ, знову Днепромъ въ Наводницу просто. И билъ намъ челомъ тотъ игуменъ монастыря светого Михаила Выдубицкаго Ефремъ, абысмо ему на то дали нашъ листъ на то именья осокорское...... хотячи прото мы, абы завжды въ томъ монастыру хвала Божія бывала и за насъ государя Бога прошоно, на его челомъ битье зласки нашои то вчинили, и оное именья Осокорское то къ тому монастырю светого архангела Михаила Выдубицкаго надано, и то за рекою Днепромъ прямо церкви монастыря того лежачую зъ водами, и з реками и сенокосами, зъ островами, зъ островомъ Миколаевымъ, з озерами Колтобами, з Бобровыми гонами, з луками осетровыми на Днепрѣ, з дубровами и лугами и зо всѣмъ щожъ колвекъ въ томъ

именію есть, какъ въ листѣ пана воеводы писанно и ограничено къ той церкви Божой подтвержаемъ симъ нашимъ листомъ. Маетъ тотъ теперешній игуменъ Ефремъ и по немъ будучіе игумены къ тому монастырю держати и того имения осокорскаго ведле наданья давного, какъ есть въ границахъ зо всѣми пожитки вживати, и нато дали есмы тому игумену Ефрему и монастырю тому Выдубицкому сей нашъ листъ з нашою печатью.» (1)

Въ этихъ грунтахъ, съ богатыми сѣнокосами, было много озеръ: Тисячое, Груяное, Плоское, Подбурная, Синятинъ, два Гачища, Клешня, другая Подбурная,—и речище Осокорское; къ этимъ грунтамъ также принадлежалъ островъ Осокорскій противъ Лыбеди, называемый Миколаевымъ, съ криницею Вирищею, съ озерами Чепарахою, Татаркою великою и малою, Порубижемъ, Поповымъ озеромъ, Калитою, Кривымъ, Запѣсочомъ противъ Жуковки, Стабнымъ и прочее. Всѣми этими землями и угодьями Выдубицкій монастырь спокойно владѣлъ до конца XVI вѣка, получая за арендованье ихъ значительные доходы.—

Съ 1590 по 1595 часть этихъ земель и угодій арендовалъ генералъ возный воеводства кіевскаго Томко Хомичовъ Воскупъ, и платилъ ежегодно монастырю по тридцати злотыхъ литовскихъ,—а за озера Синятинъ, Попово, Кривое, Татарку, Вирищу, два Гачища и полъ Новосельскаго ежегодно—по полъ копы грошей литовскихъ же.

Неизвѣстно въ какое именно время и кѣмъ были наданы Выдубицкому монастырю другіе заднѣпровскіе грунта, лежавшіе въ староствѣ остерскомъ, близь мѣстечка Лѣтовъ — село Свинoѣды на Деснѣ, съ грунтами свиноѣдскими и рожновскими, островами, озерами и затонами;—только извѣстно, что, съ половины XVI вѣка, они уже считались собственностію Выдубицкаго монастыря. Къ концу этого вѣка, въ свиноѣдскіе грунта вмѣшивались бояре остерскіе, а въ рожновскіе прежній владѣлецъ ихъ Семенъ Яцковичъ или Рожновскій; «але имъ панъ Ратомскій староста ихъ закавывалъ абы вно не заходили болшъ того грунту,»

(1) 1 Кн. акт. № 1 Осокор. влад.

пишется въ одномъ документѣ 1593 г. Впрочемъ ни судъ городской, ни судъ королевскій долго не могли удержать владѣльцевъ рожновскихъ отъ «гвалтовныхъ» нападеній на свиноѣдскія владѣнія Выдубицкаго монастыря. Въ 1593 году, пишетъ игуменъ Каллистъ: «кгрунтовъ свиноѣдскихъ Рожновскій не мало заеселъ упоромъ здавна и полъ озера власнаго свиноѣдскаго отнялъ вжо недавно, и людемъ свиноѣдскимъ великіе кривды отъ него дѣются.» При всемъ томъ, къ концу XVI вѣка, и изъ свиноѣдскихъ владѣній шелъ значительный доходъ въ Выдубицкій монастырь; игуменъ Каллистъ писалъ въ реэстрѣ пожитковъ 1593 года, что «з села Свыноѣдъ приходило въ рокъ грошми копъ двѣ и грошей 15, и 10 ведерецъ малыхъ меду и десятина съ поля и съ кгрунту самого Рожновскаго десятина пашенная бочекъ по три збожа.» (1)

Кромѣ выше сказанныхъ имѣній, Выдубицкій монастырь владѣлъ въ XVI вѣкѣ и обширными мозырскими землями и угодьями. Онѣ групировались въ южной части нынѣшней минской губерніи. Когда именно, кѣмъ и какъ были наданы эти грунта Выдубицкому монастырю, неизвѣстно. Можетъ быть это произошло не безъ участія кіевскихъ митрополитовъ, которые жили тогда большею частью въ городахъ теперешнихъ губерній виленской и минской, и которые издавна почему то считали себя покровителями Выдубицкаго монастыря и неоднократно вмѣшивались въ его дѣла чрезъ своихъ кіево-софійскихъ намѣстниковъ. Около 1561 года, Выдубицкій монастырь въ мозырскихъ мѣстностяхъ считалъ около десяти доходныхъ статей. «Изъ села Оводовичъ, имѣнія пановъ Казиміра Александра и Григорія Курнѣвичовъ и Казиміра Корсака, Мечника полоцкаго, на Выдубицкій монастырь шло ежегодно меду каменей три; изъ села Зогалецъ, Оводовичъ и Олексичъ слѣдовала тоже ежегодная медовая дань; изъ села Матвы камней три меду и серебра копъ пять; изъ села Михайловичъ за аренду острова Котошинскаго меду кадь едина; изъ села Копотковичъ за аренду острововъ Лушаго и Печерскаго шло ведро меду добраго, прѣснаго, то есть, безмѣновъ двѣнадцать; а за островъ Солонижскій

(1) I кн. акт. стр. 60.

тоже по ведру меду мѣры мозырской, изъ Сѣкирицъ за аренду находящагося въ немъ острова Михайловскаго, изъ села Волосовичъ и Неестановичъ за аренду острова Сельца, изъ села Онузъ или Вишинекъ и изъ села Козинрискаго за землю Хохлинскую и изъ другихъ мѣстъ тоже шла медовая дань Выдубицкому монастырю» (1). Не рѣдко случалось, что сосѣдніе владѣльцы и поселяне мозырскихъ выдубицкихъ угодій или усиливались отнимать какія нибудь изъ этихъ угодій, или только отказывались платить арендную дань. Выдубицкій монастырь въ этихъ случаяхъ заносилъ жалобы или въ мѣстные, или въ королевскіе суды. Изъ тѣхъ и другихъ судовъ Выдубицкому монастырю даваемы были подтвержденія на его владѣнія, а кому слѣдовало — напоминаніе исполнять свой долгъ свято и нерушимо. Такъ въ 1541 г. отъ 5 марта, Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю, закрѣпилъ за нимъ островъ Котошню, который до того времени, былъ оспариваемъ сосѣдями; онъ указывалъ тутъ на то, что и «врадникъ мозирскій Скуминъ Львовичъ присудилъ на тотъ монастырь сказанный островъ, на что ему и листъ свой судовый далъ, который желаетъ его воевода виленскій, канцлеръ нашъ небожчикъ Ольбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ листомъ своимъ тотъ судъ подтвердилъ, на што и листъ свой особливый ему далъ» (2). Въ этой же грамотѣ, данной «державцѣ» мозырскому пану Миколаю Нарбутовичу, Сигизмундъ Августъ приказывалъ ему заставить мозырскихъ людей платить дань Выдубицкому монастырю по давнему обычаю». Жаловался намъ игуменъ святаго архангела Михаила монастыря Выдубицкаго Ефремъ, (писалъ онъ въ грамотѣ) што дей некоторіи люди наши мозырскіи зъ давнихъ часовъ дань даютъ на тотъ монастырь святаго архангела Михаила Выдубицкаго, ино де они той дани на тотъ монастырь теперь исполна выдавати нехочутъ и еще де кривды и втиски великіе тому монастырю дѣлаютъ въ вабратіи землѣ и лесовъ, прото... ти би и теперь тимъ людемъ приказалъ жебы они оную дань,

---

(1) Кн. акт. 3 л. 461.
(2) См. тамъже.

которую повинни будутъ давати на тотъ монастырь предъ ся сполна выдавали водлугъ давняго обычая, яко предъ тимъ давали, а до которыхъ людей нашихъ мозырскихъ будетъ тому игумену дѣло, ти бы ему на тихъ людей нашихъ право далъ и справедливость вчинилъ, и справа въ чомъ люди наши винны зостануть ти бы то казалъ ему добре отправити, и за то досить вчинити, (удовлетворить) такъ якобы ему того жаль не было и намъ онъ о томъ больши того не жаловалъ» (1). Подобныя напоминанія писались и изъ мѣстныхъ городскихъ судовъ. Такъ, въ половинѣ XVI вѣка, подстароста мозырскій, по просьбѣ игумена Выдубицкаго монастыря Алексѣя, приказывалъ подданнымъ загальскимъ, оводовицкимъ и олексицкимъ «абы тому архимандриту медовую дань всеполно выдали, ижъ бы онъ на томъ себе не шкодовалъ, а церковь Божая а бы для того не оскудѣла» (2). Иногда и митрополиты кіевскіе ходатайствовали предъ кѣмъ слѣдовало за исправную доставку даней въ пользу Выдубицкаго монастыря. Такъ, въ 1571 году, митрополитъ кіевскій просилъ мозырскаго судью земскаго Фурса, чтобы онъ приказамъ мужамъ села Козинрисваго доставить Выдубицкому монастырю медовую дань за три года за владѣнія ими хохлинскою землею, а около этого же времени кіевскій митрополитъ Макарій требовалъ и отъ архимандрита великой Печерской Лавры Софронія, чтобы онъ приказалъ своимъ людямъ платить слѣдуемую медовую дань Выдубицкому монастырю: «а такъ, писалъ онъ, твою милость богомольца нашего благословляемъ, а би ти медовую дань людямъ своимъ казалъ выдавати и запрошли годы пополнити; при томъ слышимъ, что твоя милость въ затоны монастырскіи михайловскіи кажетъ ся вступати, старцевъ людей и слугъ монастырскихъ кажетъ побывати, а такъ твою милость богомольца нашого на впоминаемъ чрезъ сей намъ листъ, штобы еси въ затоны монастырскіи михайловскіи не казалъ нечимся вступати, старцовъ и слугъ и людей не казалъ збивати, и во всемъ бы твоя милость тому монастырю нашому далъ впокой под-

(1) Актов. кн. 3. стр. 461. обор. 462.
(2) Кн. 3 акт. л. 435 обор.

зарукою на государя короля его милости 500 копъ грошей и подъ нашимъ благословеніемъ» (1). Однакоже, къ концу XVI вѣка медовыя дани изъ мозырскихъ владѣній сокращались больше и больше. Частью своеволіе владѣльцевъ выше сказанныхъ мозырскихъ селъ, запрещавшихъ давать монастырю дани, а частью своеволіе самихъ крестьянъ—арендаторовъ угодій Выдубицкаго монастыря были причиною того, что, въ 1593 году, какъ значится въ реэстрѣ доходовъ Выдубицкаго монастыря, изъ Мозырщины почти только жители Волосовичъ и Нестановичъ были исправными арендаторами—плательщиками. «Въ селѣ королевскомъ староства мозырскаго Воскиричахъ, пишетъ напримѣръ игуменъ Каллистъ, дань медовая выдубицкая есть, и не хочутъ давати запираются. Въ селѣ Теребовѣ людей пана Ратомскаго дань медовая выдубицкая есть, одножъ давати нехочутъ. Въ селѣ Перетрутовичѣ у людей пана Бартоша Брюханскаго также по ведру въ рокъ и не даютъ, поведаютъ, же дей панъ нашъ, панъ Бартошъ давать не кажетъ, але ему де самому зъ того острова платимъ по четыре копе грошей, и розделилъ де на осмъ частей тотъ островъ, а прозывается тотъ островъ выдубицкій» (2).

Кромѣ обязательныхъ даней, которыя слѣдовали Выдубицкому монастырю за его арендованныя имѣнія, онъ получалъ еще дани добровольныя, по обѣщанію жителей тѣхъ или другихъ поселянъ, жившихъ на грунтахъ сторонних владѣльцевъ. Эти дани рѣдко были денежныя, а большею частью были медовыя «для свѣчь на одправованье хвалы Божое» Болѣе зажиточные и вліятельные въ своихъ селахъ хозяева, посѣщая кіевскіе монастыри, въ качествѣ богомольцевъ, по чувству благочестія, не рѣдко давали тутъ обѣты за себя и за своихъ потомковъ ежегодно служить монастырю чѣмъ нибудь изъ своихъ достатковъ, особенно *пасѣкъ*, составлявшихъ тогда не послѣдній предметъ промышленности поселянъ; вѣроятно, по имени жертвователей, эти дани назывались то андреевщинами, то харьковщинами, то др. Такъ

(1) Кн. 3 док. стр. 436.
(2) 1 кн. стр. 62.

получили свое начало добровольныя медовыя дани и для Выдубицкаго монастыря. Въ XVI вѣкѣ давали ежегодную медовую дань Выдубицкому монастырю «Печарскіе люди села Свароиля (два ведерца) Орянова (восемь ведерецъ) Пироговичъ (одно ведро), Ростичъ, Тетерева, Вороповичъ и др.; также люди пана Харлинскаго села Приборцевъ (три кади), люди пана Коташевича, села Пироговичъ, люди пана Немировича села Прибортей и другія.» При строгости благочестивыхъ патріархальныхъ нравовъ того времени, не исполненіе воли предковъ, особенно ихъ «оферъ на церковь Божію,» тогда считалось дѣломъ самымъ богопротивнымъ. Даже и тогда, когда Выдубицкій монастырь былъ въ рукахъ уніатовъ, въ 1604 году, архимандритъ лавры Елесей Плетеницкій убѣждалъ своихъ подданныхъ не отложно давать дани на церковь Божію: «ппо детки, писалъ онъ жителямъ Сваромля, Тетерева, Воропоня и Пирогова, если предки ваши и вы сами на церковь Божію, на монастырь светого архистратига Михаила Выдубицкій въ каждый годъ меду преспого для свечь на одправованье хвалы Божое мели есте штобы давати, тогды я вамъ зверхности мои розказую и именемъ Божіимъ васъ упоминаю, аби есте Богови Божое отдавали, не покладаючи того на душахъ предковъ своихъ и на вашихъ самихъ, хочете ли, абы тежъ и вамъ Господь Богъ Вседержитель на семъ светѣ грѣхи одпустивши всимъ добримъ, а у пришлому веку душевнымъ спасеніемъ оддати и нагородити рачилъ» (1). Потомки благочестивыхъ жертвователей медовыхъ даней для Выдубицкаго монастыря большею частію старались въ точности выполнить волю своихъ предковъ; но имъ, въ этихъ случаяхъ, нерѣдко мѣшали ближайшіе ихъ управители, обращавшіе ихъ жертвы въ свою пользу. Такъ, въ концѣ XVI вѣка, изъ села Орянова перехватывали около 9 лѣтъ медовую дань урядники печерскіе. Впрочемъ случалось иногда и то, что самые жертвователи старались утаивать отъ монастыря слѣдуемыя ему дани, а иногда замедляли высылкою ихъ и требовали напоминаній: «У Ростичахъ, казано штось дани, писалъ игуменъ Каллистъ

(1) Кн. 3 акт. стр. 382.

въ своемъ реэстрѣ пожитковъ, и пыталъ есмы въ томъ селѣ, и не могъ се допытатись, запрелись. У Прибортяхъ пана Немировича людей также штось меду приходитъ, и не даютъ. И инде гдесь надъ Тетеревю дань медовая въ селахъ задѣялась, а продавнось и допитатися не моглася» (1).

Судя по обширнымъ владѣніямъ Выдубицкаго монастыря, по количеству обязательныхъ и не обязательныхъ даней, слѣдовавшихъ ему, можно предполагать, что онъ до послѣднихъ годовъ XVI вѣка существовалъ безбѣдно. Правда, не видно изъ документовъ, чтобы въ эту эпоху прибавились въ монастырѣ какія нибудь капитальныя, каменныя строенія; но въ деревянныхъ строеніяхъ, кажется, не было недостатка, такъ какъ не было недостатка ни въ работникахъ, ни въ строительныхъ матерьялахъ. Изъ одного «заручнаго» листа выдубицкаго игумена Іоакима, жившаго въ самомъ началѣ XVI вѣка, видно отчасти, что во внутренней экономической жизни Выдубицкаго монастыря были въ это время и порядки и удобства. «Я Якимей игуменъ светого Михаила Выдубицкаго, писалъ онъ въ этомъ заручномъ листѣ, а такожъ доискался есмы старины, что мужи свиноѣдскіи маютъ выробити избу трапезу у монастырь светого Михаила Выдубицкаго совсимъ на все и тое дерево припроводити подъ монастырь и на берегъ выволочити, а черезъ тое не маютъ они у монастырь ни которое хоромины робити а ни провадити а ни покрывати (2), и пр.» На выше приведенномъ же основаніи можно предполагать, что тогда и въ инокахъ въ Выдубицкомъ монастырѣ не было недостатка. Изъ этого времени извѣстенъ уже цѣлый рядъ игуменовъ Выдубицкаго монастыря. Такъ въ самомъ началѣ XVI вѣка былъ тутъ игуменомъ «Якимей,» около 1541 года Ефремъ Кошель, около 1558 Алексѣй, (онъ названъ въ одномъ актѣ архимандритомъ), около 1565 года Антоній,—около 1570 года Григорій Швадъ,—около 1576 Сергій, и наконецъ въ 1590 годахъ монахъ Каллистъ. Почти всѣ они усердно служили благу своей обители,—это видно

(1) 1 Кн. акт. стр. 62.

(2) Кн. акт. 1-я Выд. мон. стр. 126.

покрайней мѣрѣ изъ ихъ заботливости о матеріальныхъ выгодахъ обители. Только благодаря имъ, Выдубицкая обитель настолько матеріально была обезпечена, что вызывала нѣкотораго рода зависть въ сторонних владѣльцахъ и, къ прискорбію, наконецъ, даже въ своихъ давнихъ благодѣтеляхъ, кіевскихъ митрополитахъ, которые, не за долго предъ своею измѣною православію, успѣли завладѣть немалою долею владѣній Выдубицкаго монастыря.

До митрополита Онисифора, кіевскіе митрополиты необъявляли притязаній на владѣнія Выдубицкаго монастыря. Радѣя о благѣ подвѣдомыхъ имъ монастырей и церквей, они даже неоднократно испрашивали королевскія грамоты на свободу и неприкосновенность ихъ правъ и владѣній, со стороны свѣтскихъ властей, которыя, особенно, въ случаѣ смерти ихъ настоятелей, обыкновенно готовы были попользоваться чѣмъ нибудь изъ церковныхъ имѣній. Такія грамоты, по ходатайству митрополитовъ кіевскихъ, были даны королями польскими Александромъ въ 1499 году, Сигизмундомъ въ 1511 году, и потомъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1585 году (1). Предшественники Онисифора, митрополиты кіевскіе, иногда даже жертвовали своими владѣніями въ пользу монастырей и строго запрещали своимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ непринадлежавшія имъ владѣнія. По крайней мѣрѣ одинъ такой счастливый случай былъ и для Выдубицкаго монастыря: митрополитъ Іосифъ Солтанъ, какъ сказано выше, надалъ ему, по просьбѣ игумена Іоакима, митрополичьи грунта гнилецкіе, а когда одинъ изъ кіевскихъ митрополичьихъ урядниковъ Іосифъ Прокоповичъ вздумалъ было опять присоединить гнилецкіе грунта къ митрополичьимъ владѣніямъ; то митрополитъ Сильвестръ, по просьбѣ выдубицкаго игумена Ѳеофила, приказалъ возвратить навсегда эту землю Выдубицкому монастырю: «мы зъ ласки своея тое вчинили, писалъ митрополитъ, тую землю Гнинецъ со всѣмъ на все якъ ся тая земля зъ давныхъ часовъ со всѣми пожитки въ собе маетъ придаемъ къ тому самому монастырю Выдубицкому вечными часы водлугъ листовъ предковъ своихъ, и на то дали свой

(1) Оп. кіево-Соф. соб. приб. № 11, 12.

листъ» (1). По какому праву и какимъ путемъ впослѣдствіи кіевскіе митрополиты стали присвоивать себѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря, сказать трудно; кажется, въ этихъ случаяхъ они своеобразно пользовались своимъ верховнымъ правомъ покровительства и суда надъ монастырями. Какъ бы то ни было, но въ 1595 году Выдубицкій монастырь недосчитывался изъ своихъ владѣній значительныхъ частей, которыя, то были розданы въ награду, то заарендованы митрополитами въ свою пользу. Въ 1577 году митрополитъ Илія Куча (2), а въ 1780 году митрополитъ Онисифоръ передавалъ селищо Багриново своему софійскому намѣстнику, шляхетному пану Богушу Гулькевичу Глебовскому. До того времени, оно «черезъ вырокъ князя воеводы (Константина Константиновича Острожскаго) было всказано нѣякомусь Ходору Биркозу и вруки намѣстнику кіевскому пану Василію Раю въ сороку копахъ грошей литовскихъ заведено.» Это и было основаніемъ, или лучше, поводомъ для того и другаго митрополита завладѣть сказаннымъ селищемъ, какъ своею собственностію.— »Чого бы водле права светого быти не могло, писалъ Онисифоръ въ своемъ поручномъ или умоцованномъ листѣ, ижъ на кгрунты церковные яко на власную речь государскую кому пенези давать албо вироками сумы пенезей усказоватъ могбы кожный и окромъ кгрунтовъ церковныхъ слушне на своемъ власномъ обыити и переставатi, а такъ я прагнучи того всего всилностію живота своего жебы за мене вси кгрунты церковные якимъ колвекъ способомъ и чрезъ кого колвекъ забранный выисканы будучи за се при церкви Божоей зостали, росказалъ есмы, поручилъ и моцъ зупольную далъ; и симъ моимъ листомъ даю шляхетному пану Богушу Гулькевичу Глебовскому наместнику моему Софейскому селищо Багриново у Ходора Биркоза вдевятинадцать копахъ въ сороку грошехъ и въ пети пенезей окупити въ моцъ вдержане и уживане свое взяти и имъ владати, и отъ инщихъ всякихъ крывдъ боронити такъ якобы я самъ.» (3). Въ реэстрѣ земель и приходовъ Выдубицкаго

(1) 3 кн. акт. стр. 222 обор.
(2) Онъ и одного года небылъ на митрополичьей каѳедрѣ.
(3) Кн. акт. стр. 58.

монастыря, за 1595 годъ, говорится, что тогда «великое поле Багриново держалъ въ закупли отъ его милости митрополита Рогозы въ сороку копахъ грошей какой то Григорей Манковичъ, что какой то Иванъ Поповичъ Мыза отъ митрополита Девочки не мало кгрунту выдубицкаго держалъ, што до патріарха ему ездилъ це сакру, и то не слушне тотъ держалъ, бо монастырь своимъ добромъ не повиненъ митропольимъ слугамъ службъ ихъ нагорожати, что кгрунтъ куликовскій подле острова Гнилца видубицкій, пасека садъ добрый и сеножати Богушко небожчикъ врадникъ владице небожчику володимирскому за подарунокъ уступилъ, а владика якось спустилъ Воронецкому наместнику кіевскому, и опять то въ руки владычныи, и далъ то владыка былъ Олехнови, а мѣла за то отмена быть дана Выдубицкому монастырю, и не дана, что островъ Котошмо въ Мозырщине тогда держалъ Жудра зъ ласки митрополей на кади меду радъ далъ, а овъ Жудра и островъ тотъ спустошилъ, и ко своимъ кгрунтомъ на полмилѣ того острова кгрунту прилучилъ; а то за ласкою митрополитовъ ихъ милостей до животемъ своимъ держалъ, за то што онъ тотъ островъ правомъ и накладомъ своимъ отъ Давидовича передъ королемъ отыскалъ, который се былъ задлявъ; «что тогда былъ отнятъ отъ монастыря островъ Гнилецъ и зъ садомъ и зъ сеножатями Каинымъ лугомъ на три стоговъ сена кошене зъ озеромъ Глущемъ, съ котораго аренды по три копъ грошей идетъ на рокъ, и къ тому речка Вета велми рыбная и другая речка Корнчма; и тое Корнчмы берегъ одинъ то все держалъ певинпе Евхимъ Сухопаръ Бояринъ, не чинечи зъ того никоторою пожитку, а ни послушенства монастыру, а бралъ съ тыхъ кгрунтовъ пожитку за косу одъ каждаго стога по три гроша, за садъ по двѣ копы грошей (1) и пр.» Словомъ къ концу XVI вѣка, по словомъ одной давней рукописной замѣтки, «митрополиты кіевскіе всѣ добра монастыря Выдубицкаго подъ власть свою были подгорнули, и якъ бы то свои власніи кгрунта, часто кротъ ужс и не споминаючи о томъ, же то добра монастыра суть Выдубицкаго, кому хотѣли роздавали, инши засъ

(1) 1 Кн. акт. лис. 60. 61.

арендовали; а монастыреви Выдубицкому, яко то опустѣлому иногда по частцѣ тилко зъ добръ видубицкихъ на препитаніе зоставляли: а иногда и нѣчого не оставили» (1). Но самою крайнею обидою для православнаго Выдубицкаго монастыря со стороны митрополитовъ кіевскихъ было то, что они увлекли его съ собою въ унію.

Свящ. *Павелъ Троцкій.*

10 февраля 1865 года.

Ковенскіе Протестанты XVII и XVIII столѣтій.

Въ архивѣ ковенской лютеранской церкви, до сихъ поръ никѣмъ неразсмотрѣнномъ, заключается нѣсколько интересныхъ памятниковъ, которые, если не открываютъ чего-либо новаго въ историческомъ отношеніи, то представляютъ много характеристическихъ подробностей и могутъ служить матеріаломъ для того, кто бы занялся подробнымъ и всестороннимъ изложеніемъ судьбы диссидентовъ въ западно-русскомъ краѣ.

По времени, документы эти относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ; языкъ ихъ преимущественно польскій (конечно съ значительною примѣсью латинскаго, особенно въ юридическихъ терминахъ), но и въ самомъ польскомъ проявляется значительное вліяніе русскаго, есть даже много актовъ (напр. городскія судебныя дѣла), въ которыхъ годъ и число, заглавіе (съ краткимъ содержаніемъ акта) писаны набѣлорусскомъ нарѣчіи славянскимъ шрифтомъ, съ обильнымъ употребленіемъ словосокращеній. Многіе изъ документовъ (около трети всей массы) писаны на латинскомъ языкѣ, а переписка лютеранъ съ Пруссіею и виленскими единовѣрцами, протоколы засѣданій церковнаго совѣта и метрическія книги—на нѣмецкомъ. Почти всѣ они писаны на бумагѣ, а нѣсколько привиллегій польскихъ королей ковенскимъ лю-

---

(1) 1 Кн. акт. л. 59 обор.

теранамъ — на пергаминѣ. Валяясь безпорядочными кипами въ архивныхъ шканахъ, многіе изъ памятниковъ попорчены сыростью и мышами, что довольно затрудняетъ ихъ чтеніе.

Разборъ этихъ памятниковъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что собственно польской исторіи (какъ исторіи народа) не существуетъ: есть исторія польской шляхты, польско-католическаго духовенства, польскихъ іезуитовъ, а объ народѣ не говорится ничего. Подробности, находящіяся въ нихъ, явственно рисуютъ, до какой грубости и коварства доходили гоненія на диссидентовъ въ Литвѣ, а съ другой стороны — какъ безсильна была власть королей въ Польшѣ, и какъ безплодны были ихъ распоряженія, если они хотѣли прекратить бѣдственное положеніе иновѣрцевъ: многократные оффиціальные рескрипты и частныя просьбы болѣе благомыслящихъ изъ польскихъ королей, о прекращеніи преслѣдованій поляками протестантовъ, почти никогда не находили исполненія, такъ что мы убѣждаемся, что притѣсненія, претерпѣваемыя диссидентами въ Польшѣ и Литвѣ, происходили не со стороны короля (кромѣ Сигизмунда III), а изъ деспотизма шляхты и фанатическаго настроенія польскаго общества, бывшаго слѣпымъ орудіемъ іезуитской политики.

Протестанты появились въ Литвѣ при Сигизмундѣ Августѣ II. Гонимые и спасавшіеся бѣгствомъ, нововѣры разныхъ странъ находили здѣсь убѣжище подъ покровительствомъ короля и нѣкоторыхъ вельможъ. Богемскіе Братья (1), лютеране и реформаты основывали въ Литвѣ и Польшѣ свои общины; терпимы были даже и тѣ, чьи воззрѣнія отвергались и Лютеромъ и Кальвиномъ (напр. социніане, не признававшіе божественности Христа и ученія о св. Троицѣ). Въ Литвѣ, въ половинѣ XVI вѣка

(1) Богемскіе или Чешскіе Братья (религіозная секта, составившаяся изъ остатковъ Гусситовъ), раздѣляясь по степенямъ на начинающихъ, преуспѣвающихъ и совершенныхъ, отвергали святыхъ и іерарховъ католической церкви; вмѣсто пресуществленія, принимали мистическое соединеніе тѣла Христова съ хлѣбомъ и виномъ, не хотѣли называться единственною, дающею спасеніе церковью, а только членами ея, и церковнымъ благочиніемъ въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства поддерживали у себя строго-нравственную, бѣдную, набожную и вообще очень миролюбивую жизнь.

лютеране и реформаты учредили свои церковныя общины въ городахъ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Слуцкѣ, Кейданахъ и др. Въ Ковнѣ первая лютеранская церковь появилась въ 1558 году (нѣмцы были тутъ уже съ 1408 г.); дѣлами общины управлялъ совѣтъ 12-ти (какъ въ Вильнѣ совѣтъ 30-ти). У католиковъ лютеранская вѣра была извѣстна подъ названіемъ Августанской (можетъ быть потому что Лютеръ былъ Августинскій монахъ) или Сасской (саксонской) конфессіи; съ половины XVII столѣтія встрѣчаются болѣе названія: религія Аугсбургская, или религія Лютерская. Протестанты получили отъ Сигизмунда Августа права равныя съ католиками, но при Стефанѣ Баторіѣ распространились въ Литвѣ іезуиты, чтобъ возбудить національную и религіозную ненависть католиковъ къ иновѣрцамъ и, дѣйствуя по правилу «divide et impera,» на всеобщемъ разрушеніи и междоусобіи основать свое владычество. Баторій, имѣя въ виду спокойствіе и благо государства, придумывалъ средства, какъ бы предупредить междоусобія въ подвластныхъ ему народностяхъ; въ 1579 года ковенскій магистратъ получилъ отъ этого короля рескриптъ, въ которомъ онъ высказываетъ, что хотя народонаселеніе города состоитъ изъ литовцевъ, германцевъ и русскихъ, и имъ, поэтому, было бы свойственно каждому называться своимъ именемъ, но такъ какъ въ этомъ случаѣ всегда будетъ возникать между различными народностями зависть, и онѣ раздѣлятся на враждебныя партіи., то кажется было бы весьма благоразумно, еслибы всѣ жители называли себя общимъ именемъ литовцевъ, преимущественно тѣ, которые имѣютъ постоянное жительство въ городѣ и пользуются правами гражданства и избранія въ городскія должности: эта мѣра особенно необходима для блага государства при «настоящемъ стеченіи обстоятельствъ» (война съ Россіею). Сознавая важность нѣмцевъ для края въ торговомъ отношеніи, Баторій въ 1580 г. возстановляетъ ихъ привиллегіи, которыми они пользовались издавна, «по древнему обычаю» (Магдебургскому праву), но которыя со временемъ пришли въ забвеніе и не соблюдаются съ эпохи «междуцарствія» (т. е. послѣ бѣгства изъ Варшавы Генриха Анжу); поэтому король приказы-

ваетъ, чтобы въ городское управленіе, состоящее изъ 6 бургомистровъ, трое избирались изъ нѣмцевъ, и чтобы въ случаѣ смерти городскаго войта (старшины), жители «безъ различія какъ литовскаго, такъ и герменскаго племени» избрали 4 кандидатовъ, мужей честныхъ, свѣдущихъ въ законахъ, съ достаточнымъ имуществомъ, и этихъ избранниковъ представили королю, который, по своему благоусмотрѣнію, выбираетъ изъ нихъ достойнѣйшаго и утверждаетъ въ должности войта. Этому опредѣленію король даетъ силу закона «на вѣчныя времена.» Приказъ не былъ однакожъ исполненъ, и вслѣдствіе жалобы нѣмцевъ, на стѣсненіе ихъ вольностей, Баторій, черезъ 4 года, долженъ былъ возобновить свой рескриптъ. Слѣдующіе короли: Сигизмундъ III, Владиславъ IV и Янъ Казиміръ подтверждали эти права, когда Польша была въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ (напр. 1612, 1633 и 1639), но все-таки депутаты отъ нѣмцевъ часто заносили жалобы въ Вильнѣ на католическія кривды (1640, 1650, 1655). Въ 1650 г. Янъ Казиміръ очень вѣжливо «упрашиваетъ» ослушниковъ своего приказанія остановить гоненія: «Неможемъ мы похвалить васъ, Вельможныхъ пановъ, что горожанъ ковенскихъ нѣмецкаго происхожденія, отличающихся вѣрностью, приносящихъ пользу, и носящихъ на себѣ всѣ общественныя повинности, исключаете изъ права участія въ городскомъ управленіи и не соблюдаете съ ними единодушія при выборахъ, что совершенно противурѣчитъ привиллегіи его королевскаго величества Сигизмунда Августа, данной въ Вильнѣ 25 мая 1558 года, и подтвержденной послѣдующими Нашими предшественниками». Въ 1654 г., король, въ письмѣ своемъ къ Станиславу Радзивилу, канцлеру великаго кн. Литовскаго, говоритъ, что «жаловались намъ мѣщане города нашего Ковна Августанской конфессіи, что ковенскій магистратъ и общество римской религіи помимо давныхъ ихъ привиллегій и обычаевъ не только не хотятъ принять ихъ въ магистратъ, но и съ большими притѣсненіями отказываютъ имъ даже въ общихъ гражданскихъ правахъ; потому прошу васъ, какъ тамошняго старосту: не угодно ли вамъ будетъ серьёзно напомнить упомянутому магистрату и руководить его въ томъ, чтобъ онъ безъ

всякаго противурѣчія согласился допустить жителей Августанской конфессіи, по древнему обычаю, какъ къ гражданскимъ правамъ, такъ и въ магистратъ.» Все-таки нѣмцы не могли достигнуть исполненія своихъ привиллегій, хотя со стороны королей не было недостатка въ разныхъ рескриптахъ и понуканіяхъ къ тому, какъ на бумагѣ, такъ и на пергаминѣ (1670, 1676, 1698, 1726), а совѣтъ 12-ти и изъ Пруссіи, отъ Кенигебергскаго городскагѳ старшины, получилъ выговоръ, что онъ мало радѣетъ о выгодахъ ковенскихъ нѣмцевъ (1699).—Такого рода факты доказываютъ, что многіе изъ польскихъ королей были на столько образованы и гуманны, что желали ввести въ своихъ владѣніяхъ вѣротерпимость. Если не изъ искренняго убѣжденія (потому что въ такомъ случаѣ они не были бы истинными католиками), то изъ политическихъ видовъ и желанія доставить благосостояніе своему государству, они силились уравнять подвластныя имъ народности въ правахъ политическихъ и религіозныхъ. Но королевская власть въ Польшѣ была (какъ показываютъ и упомянутые случаи) однимъ призракомъ, игрушкою магнатовъ. Всякое распоряженіе короля, если оно не было осуществленіемъ догматовъ іезуитизма, сокрушалось о гордость и національное высокомѣріе польскаго шляхетства, которое принялось ревностно служить гибельной для него-же самаго іезуитской политикѣ.

Гораздо явственнѣе, чѣмъ въ политическихъ притѣсненіяхъ, выказывается іезуитская злоба и шляхетскій фанатизмъ въ преслѣдованіяхъ религіозныхъ. Католическіе поляки смотрѣли вообще недружелюбно на распространеніе протестантизма въ своихъ владѣніяхъ. Но положеніе диссидентовъ было еще сносно, пока не явились іезуиты. Будучи не въ силахъ съ перваго же разу истребить свободу мысли своими умственными средствами, эти представители р. католицизма ухватились за внѣшность и разными унизительными ограниченіями старались возбудить презрѣніе и насмѣшки противъ иновѣрцевъ. Такъ протестантамъ въ Ковнѣ запрещено было строить свои церкви: имъ отведенъ былъ для богослуженія особый домъ у площади, между іезуитскимъ и бернардынскимъ монастырями (точно между двухъ огней); это зданіе

называлось не церковью, а просто домомъ, «сборомъ», или же «Лютерскою синагогою». Кромѣ того іезуиты стали поджигать польскую молодежь къ уличнымъ нападкамъ на иновѣрцевъ. Тогда Стефанъ Баторій заступился за гонимыхъ, и католикамъ было настрого запрещено наносить лютеранамъ обиды; сюда относится слѣдующій любопытный рескриптъ, изданный имъ во время осады Пскова: «Стефанъ, Божіею Милостію, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Лифляндскій, Князь Семиградскій и проч.— Объявляемъ всенародно: Старостѣ Войскому Лидскому и Намѣстнику Виленскому, Господину Яну Абраамовичу. Представлено Намъ было дѣло Господами Нашей Рады Великаго Княжества Литовскаго, Евангелическаго вѣроисповѣданія, которые въ это время были при насъ въ войскѣ, что въ недавнее время произошла немалая сумятица въ Нашемъ столичномъ городѣ Вильнѣ, отъ тѣхъ, которые Римско-Католической Вѣры, противъ людей и старшинъ Евангелической и Сасской церкви; вопервыхъ: что по приказанію Ксендза—Епископа Виленскаго у типографщика были отобраны книги Евангелическаго ученія и сожжены передъ косцеломъ Св. Іоанна. Католики запрещаютъ носить тѣла умершихъ людей на кладбище для погребенія, и пѣть по улицѣ при тѣлѣ умершаго, особенно идя мимо косцела Св. Іоанна, осмѣивая ихъ, срамословя и подымая за ними крикъ на улицѣ, и это будто они дѣлаютъ по наущенію католическихъ проповѣдниковъ. Потомъ изъ Свентоянскаго училища (іезуитскаго), напавши на двухъ старшинъ сасскихъ и другихъ людей, возвращавшихся съ похоронъ, почти что забросали ихъ каменьями, грозя притомъ опустошить и разрушить ихъ церкви. Слыша все это отъ одной стороны, Мы должны преклонить ухо и къ другой, и если это было такъ, то мы приняли бы это съ большимъ неудовольствіемъ. Слѣдуетъ подумать о томъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ насильно мечемъ и огнемъ, а не наукою и добрыми правами, хотятъ утвердить вѣру, происходятъ большія кровопролитія и опустошительныя внутреннія войны, отъ чего насъ Боже сохрани. Въ простомъ народѣ, а особенно между знатными лицами, Мы не охот-

но видѣли бы это, и должны остерегаться отъ того, такъ какъ Намъ должно стараться теперь о всемъ добромъ и объ увеличеніи Польскаго Королевства и Великаго Княжества Литовскаго, ввѣреннаго Намъ Господомъ Богомъ, жертвуя всѣми силами и подвергая опасности здоровье Наше въ борьбѣ съ непріятелемъ. По этому Намъ было бы весьма желательно, чтобы всѣ жители, одинаковымъ образомъ хваля Единаго Господа Бога, оставались въ неизмѣнной Древней Католической вѣрѣ; но какъ господь Богъ предсказалъ, что въ концѣ міра долженъ явиться соблазнъ (1), то мы никому не хотимъ насильно навязывать вѣры, но соблюдаемъ Нашу присягу, данную на счастливой коронаціи Нашей всѣмъ сословіямъ какъ Короны Польской, такъ и Великаго Княжества Литовскаго, Pacem inter dissidentes de religione tueri et manu tenere. То есть, желая хранить миръ между различными вѣроисповѣданіями, и защищать его, и желая всегда имѣть предъ глазами эту обязанность Нашей присяги, Мы предоставляемъ религіозныя убѣжденія каждаго на судъ однаго Господа Бога всемогущаго; и не только потому, что защищать и сохранять религіозный миръ, вмѣнено въ обязанность Нашей Королевской особѣ отъ всѣхъ сословій обоихъ государствъ, но и на основаніи древняго обычая государства, мы терпимъ богослуженіе иновѣрцевъ. Потому приказываемъ вамъ, что какъ только дойдетъ до васъ это, Наше письмо, вы велѣли бы публично въ городѣ, на площади и по улицамъ города Вильна, огласить, чтобы, по обычаю сохраняемому издавна, до настоящаго времени счастливаго Нашего царствованія — всѣ наблюдали спокойствіе и не подавали никакого повода къ волненіямъ. А еслибъ кто нарушилъ общественное спокойствіе упорно и своевольно возбудилъ какую нибудь неурядицу, то вы каждаго, вамъ подвѣдомственнаго, согласно обязанности вашей, должны держать подъ арестомъ до нашего приговора, и дать Намъ о томъ знать:

(1) Суевѣрное ожиданіе страшнаго суда было тогда распространено по всей Европѣ. Древніе русскіе книжники тоже толковали о томъ, что скоро окончится седьмое тысячелѣтіе отъ сотворенія міра, сатана высвободится изъ неволи, и тогда явится Антихристъ.

а иначе ради милости Нашей не поступать. Данъ въ лагерѣ подъ Псковомъ; мѣсяца сентября 30 дня, 1581 года.— Stephanus Rex» (1). Въ иныхъ отношеніяхъ къ протестантамъ находился Сигизмундъ III, взявшій себѣ въ примѣръ Филлиппа Испанскаго, обожатель іезуитовъ и іезуитской политики, лишившій своего сына русскаго царства, возбудившій непримиримую ненависть казачества противъ Польши и нанесшій жестокій ударъ промышленности въ своемъ государствѣ гоненіемъ противъ диссидентовъ. Образцомъ правительственной дѣятельности этого изувѣра можетъ служить присланный ковенскому магистрату рескриптъ 1618 года; въ немъ король высказываетъ, что, наперекоръ его запрещеніямъ и указамъ, граждане Августанской конфессіи строятъ себѣ новыя публичныя зданія, починяютъ старыя (церковь, госпиталь, училища) и даютъ имъ болѣе обширные размѣры, «ко вреду общественнаго благоденствія и противъ древнихъ законовъ и привилегій города»; такъ какъ этому не слѣдуетъ быть въ «его» государствѣ, то онъ на основаніи просьбы Ковенскаго католическаго магистрата, и обсудивъ это дѣло «съ своими совѣтниками» опредѣлилъ: такъ какъ строить новыя общественныя зданія вредно для государства, а старыя, вслѣдствіе недостатка починки, могутъ грозить разрушеніемъ, то приказать лютеранамъ: въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ изданія рескрипта «сломать совершенно» всѣ ихъ публичныя зданія, и впредь, безъ вѣдома и согласія королевскаго, таковыхъ не сооружать, подъ угрозою штрафа въ 10000 злотыхъ.—Что могло быть поводомъ къ этому интересному рескрипту и какія были его послѣдствія, трудно опредѣ-

(1) Этотъ рескриптъ противурѣчитъ мнѣнію г. П. Кукольника, который въ своемъ сочиненіи «Историческія замѣтки о Литвѣ. 1864» приписываетъ причину гоненій на диссидентовъ при Баторіѣ личному его къ нимъ нерасположенію и говоритъ между прочимъ, что иновѣрцы „ожидали отъ него покровительства, или по крайней мѣрѣ благоразумной терпимости; но скоро по вступленіи его на престолъ они жестоко ошиблись въ своемъ расчетѣ. Новый король далъ большія преимущества іезуитамъ, кои постоянно преслѣдовали иновѣрцевъ,“ и далѣе: „онъ счелъ необходимостью щадить и даже покровительствовать іезуитовъ.“ Не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ документы, извѣстные намъ, доказываютъ, что самъ Баторій всегда соблюдалъ равноправность протестантовъ съ католиками.

лить, по недостатку источниковъ. Виленскіе лютеране, кажется, тоже потерпѣли отъ Сигизмунда гоненіе; объ этомъ можно заключить изъ привиллегіи Владислава IV, данной виленскимъ протестантамъ на коронаціонномъ его сеймѣ 1633 г., въ которой онъ «возобновляетъ» и присягою скрѣпляетъ всѣ права и вольности генеральныя и спеціальныя, данныя его Наияснѣйшими предшественниками людямъ аугсбурской конфессіи, именно: возобновляется свобода вѣроисповѣданія, право говорить проповѣди на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; при похоронахъ дозволяется нести покойниковъ по улицамъ съ обычными церемоніями, пѣніемъ и свѣчами. Старый каменный домъ, въ которомъ виленскіе лютеране отправляли свое богослуженіе, дозволяется возобновить и украсить, а если надо, то построить новый, также починить госпиталь и кладбищенскую ограду; «а наконецъ дозволяется людямъ Аугсбургской конфессіи имѣть колокола и колокольню при церкви и употреблять также колокольный звонъ при похоронахъ». Въ то-же время и ковенскіе протестанты получили возстановленіе своихъ правъ (но съ нѣкоторыми ограниченіями) по слѣдующему документу: «Владиславъ IV, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Лифляндскій, наслѣдственный король Шведскій, Готскій, Вандальскій, изранный великій царь Московскій (1).—Объявляемъ этимъ Нашимъ письмомъ, кому о томъ слѣдуетъ вѣдать. Дозволяемъ нашимъ ковенскимъ гражданамъ Августанской профессіи починить свой молитвенный домъ, лежащій на площади, и сдѣлать на немъ крышу, такъ однакоже, чтобъ онъ не имѣлъ фигуры косцела, фундамента-же не распространять и новаго не строить; кромѣ того оставляемъ за ними кладбище ихъ, огороженное каменною стѣною, и самую стѣну позволяемъ починить и покрыть гонтомъ. Приказываемъ также, чтобъ въ этомъ дѣлѣ они ни отъ кого не терпѣли помѣхи и притѣсненія. Въ чемъ,

(1) Владиславъ IV, вступивъ на польскій престолъ, не хотѣлъ, какъ извѣстно, отказаться отъ титула Московскаго царя, изъ за чего произошла война съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

для лучшаго удостовѣренія подписавшись рукою нашею, повелѣли приложить печать вел. княжества литовскаго. Данъ въ Вильнѣ, 20 дня мѣсяца іюля, года Господня 1633, царствованія же нашего въ королевствахъ: Польскомъ въ первый, а Шведскомъ (?) во второй годъ.— Vladislaus Rex. Эти самыя привиллегіи подтверждены потомъ въ 1649 года въ Краковѣ на коронаціонномъ сеймѣ Яна Казиміра, но съ добавленіемъ, что лютеранамъ «дозволяется, по ихъ собственному желанію, покрыть свой домъ и кладбищенскую ограду не только гонтомъ, но и черепицею.» О такихъ пустякахъ рассуждаютъ на государственномъ сеймѣ, какъ будто это дѣло необыкновенной политической важности; да и не мудрено, если на польскомъ сеймѣ, по праву равенства, участвовали шляхтичи-лапотники, умственная дѣятельность которыхъ во всю ихъ жизнь состояла только въ хлопотахъ о своей хатѣ.

Между тѣмъ ковенскіе лютеране съ своимъ пасторомъ должны были переносить разныя насмѣшки и обиды, наносимыя имъ на улицѣ и въ домахъ, по наущенію іезуитовъ; оборонялись ли они, достовѣрно не извѣстно, только іезуиты 1650 г. обвинили протестантовъ въ возмущеніи, на что совѣтъ 12-ти далъ слѣдующее объясненіе: «Мы, старшины Августанской конфессіи города Ковна, собравъ отъ нашего проповѣдника достаточно доказательствъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ обвиняютъ насъ ихъ милость отцы Іезуиты, отвѣчаемъ такъ: когда проповѣдникъ нашъ въ обычное время шелъ на богослуженіе, неизвѣстно какой-то мальчишка на улицѣ не только нападъ на него, но и непристойными словами сталъ надъ нимъ издѣваться и кричать, и наконецъ подступилъ такъ близко, что проповѣдникъ долженъ былъ его оттолкнуть, но чтобъ онъ избилъ его до крови, этого никогда не бывало напротивъ того, идя мимо косцела отцовъ Іезуитовъ, какъ чрезъ площадь, такъ и закулкомъ, и часто терпя срамныя слова и пущаемыя за нимъ куски грязи, пасторъ, желая сохранить спокойствіе, все это переносилъ терпѣливо и только сообщилъ старшему отцовъ Іезуитовъ, который просилъ его ничего не бояться и увѣрялъ въ спокойствіи на будущее время; однакожъ потомъ 1-го мая, когда проповѣдникъ нашъ возвращался съ богослуженія

мимо косцела отцовъ Іезуитовъ, одинъ изъ ихъ студентовъ бросилъ въ него камнемъ; 3-го мая также одинъ студентъ нѣсколько разъ стрѣлялъ въ окно, гдѣ живетъ проповѣдникъ; на все это мы имѣемъ доказательства и предлагаемъ ихъ на разсмотрѣніе. А такъ какъ жизнь проповѣдника нашего въ опасности и дома, и внѣ дома, какъ бы онъ ни шелъ на богослуженіе: черезъ площадь ли, или проулкомъ сзади косцела отцевъ Іезуитовъ, или же въ иное мѣсто по своей обязанности; по этому — рады-не-рады, мы должны, для одного только спокойствія, похлопотать о другой для него квартирѣ. Но чтобы мы, или проповѣдникъ нашъ замышляли какое-нибудь возмущеніе (какъ это выдумали ихъ милость отцы Іезуиты въ своемъ обвиненіи), то этого не дай Богъ: никогда отъ насъ не могутъ произойти подобныя вещи!» Епископъ виленскій узналъ объ этихъ происшествіяхъ, но вмѣшательство его ограничилось только тѣмъ, что онъ написалъ старшему Іезуиту, своему «брату», вѣжливое письмо, въ которомъ проситъ не прибѣгать къ подобнымъ необузданцымъ мѣрамъ и не употреблять въ дѣло студентовъ, потому что это можетъ даже нарушить общественное спокойствіе, а обращать заблуждшихся лучше «по указанію Апостольскому» католическимъ вѣроученіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ іезуиты снова обвинили лютеранъ въ возмущеніи и занесли въ городской магистратъ жалобу, что нѣкоторые нѣмцы, не обращая вниманія на строгость законовъ противъ осквернителей святыни, и въ обиду католической церкви, изъ давно затаеннаго желанія мести противъ іезуитовъ (слово «месть» показываетъ, что если лютеране и нанесли іезуитамъ оскорбленіе, то имѣли къ тому причину), подговорили своевольныхъ и буйныхъ людей своей конфессіи къ слѣдующему гнусному дѣлу: «образъ надъ воротами и самыя двери, ведущія въ монастырь, съ намалеваннымъ тамъ именемъ и изображеніемъ Іисуса и Ангеловъ, ко гнѣву Божію и сраму человѣческому, умышленно запачкали грязью и каломъ, также дверь, которою входятъ въ косцелъ достопочтенныхъ отцовъ Іезуитовъ, разбили каменьями и завалили грязью. И кромѣ этого грубаго и злостнаго поступка, они еще клеветами и скверными пасквилями на отцовъ Іезуи-

товъ хотѣли склонить на свою сторону г. Эрнеста Корфа, сына Венденскаго воеводы, Жосленскаго старосту, чтобъ онъ защищалъ Августанцевъ въ магистратѣ. Все это дѣло касается не только многихъ почтенныхъ духовныхъ особъ, но и большаго числа родовитой дворянской молодежи, занимающейся въ монастырскомъ зданіи науками, подъ руководствомъ отцовъ Іезуитовъ». Это происшествіе случилось 9 мая; іезуиты оставили послѣдствія его до 21 мая (вѣроятно, чтобъ показывать народу и вооружать его противъ нѣмцевъ-посрамителей), потомъ подали упомянутую жалобу въ магистратъ; этотъ нарядилъ слѣдственную коммисію, которая снова, со всѣми подробностями, описала и занесла въ городскія книги нанесенный косцелу позоръ и представила на судъ виленскому епископу, съ просьбою, чтобъ онъ позволилъ истребить общественныя зданія лютеранъ. Епископъ въ отвѣтъ написалъ 31 мая письмо къ магистрату и іезуитамъ, въ которомъ дѣлаетъ имъ выговоръ, что изъ за пустяковъ они готовы поднять возмущеніе, вредное для церкви Божіей и Рѣчи Посполитой, особенно въ эти несчастныя времена (Польша воевала тогда съ Малороссіею, Россіею и Швеціею), далѣе говорится въ письмѣ: «Требуете, чтобъ сломать Сасскій молитвенный домъ! Да кто-же изъ св. Апостоловъ это дѣлалъ? Это свойственно только тому, у кого нѣтъ здраваго смысла. Мыслями св. писанія и богословіемъ надо воевать съ противниками, дѣйствовать на нихъ ученостью и святостью жизни! но подымать шумъ изъ за какой-нибудь ребяческой пакости — вещь глупая и вредная общественному покою! ужь тутъ надо имѣть такую пустую голову... шиломъ бы вамъ просверлить да мозгу прибавить!... Смотрите, чтобы впередъ такихъ абсурдовъ не дѣлалось. Вѣдь знаете, что со дня на день должно страшиться нашествія Шведовъ, а эти новые апостолы, трутни (т. е. протестанты) могутъ соединиться съ ихъ могуществомъ или бѣжать за границу, гдѣ ужь и теперь имѣютъ постоянныя сношенія съ Данцигомъ, Кенигсбергомъ, Ригою».

Въ томъ же 1655 году ковенскіе лютеране получили отъ короля разрѣшеніе перестроить свою церковь. Уже раньше (1648)

они просили виленскаго епископа о позволенiи перенести, для большаго удобства, церковь свою изъ верхняго этажа въ нижнiй, на томъ основанiи, что «ходить покрутымъ лѣстницамъ неудобно, особенно для людей преклонныхъ лѣтъ, или страдающихъ подагрою, или слабаго здоровья, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, особенно беременнымъ женщинамъ (которые подвергались отъ этого преждевременнымъ болѣзнямъ).» Епископъ снарядилъ коммисiю для осмотра зданiя, и удостовѣрясь, что нижнiй этажъ и въ длину и въ ширину нисколько не обширнѣе верхняго, и что потому новое помѣщенiе не будетъ благолѣпнѣе и величественнѣе прежняго (а на это католики обращали особенное вниманiе), согласился и предложилъ дѣло на разрѣшенiе великому канцлеру литовскому; дѣло тянулось шесть лѣтъ, послѣ чего лютеране получили наконецъ отъ имени короля дозволенiе: «сломавши полъ, раздѣляющiй оба этажа, перенести свой сборъ въ нижнiй, и построить здѣсь олтари, скамьи и другiя церковныя принадлежности, или же перенести туда старыя, бывшiя во второмъ этажѣ. Имѣя однако въ виду предупредить волненiя, которыя могутъ при теперешнихъ обстоятельствахъ произойти въ городѣ отъ самой малой причины, опредѣляемъ, не увеличивать новаго помѣщенiя ни въ длину, ни въ ширину; колоколовъ большихъ и малыхъ не употреблять; проповѣдей не говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго, а катихизиса никогда не вводить даже и на нѣмецкомъ; тѣмъ болѣе католическихъ дѣтей римской религiи не брать съ собою и не водить къ богослуженiю, что строжайше запрещается 1); съ начала богослуженiя до конца онаго, каждый разъ

1) Что Лютеране въ Литвѣ пытались иногда обратить въ свою вѣру католиковъ, видно между прочимъ изъ квитанцiи (1668) ковенскаго ксендза-плебана, въ которой говорится: что старшина и граждане лютерской религiи совратили его слугу на свою вѣру и помогли ему совѣтами, деньгами и рекомендательными письмами бѣжать въ Кенигсбергъ, вслѣдствiе чего ксендзъ жаловался на это преступленiе магистрату и завелъ процессъ, но помирился съ лютеранами на томъ, что принялъ отъ нихъ 526 злотыхъ (на костельный колоколъ), за которое удовлетворенiе выдаетъ росписку, и этимъ отказывается отъ всякихъ претензiй на своего бывшаго слугу, съ тѣмъ однакожѣ условiемъ, чтобы лютеране впредь не совращали католиковъ въ свою вѣру.

должны держать двери на заперти; въ случаѣ нарушенія этого приказа Августанская община заплатитъ штрафу 1000 червонцевъ въ пользу нашей казны и будетъ на вѣчныя времена лишена своего молитвеннаго дома.« — Опасеніе короля и виленскаго епископа, что на Ковно нападетъ непріятель, сбылось; только не шведы, а русскіе, ратуя съ Польшею за Малороссію, овладѣли Ковномъ въ 1655 г.; нѣмцы, ужь и безъ того запуганные, пришли въ еще большій страхъ, и боясь, чтобъ не потерпѣли ихъ коммерческіе обороты, ушли въ Пруссію, преимущественно въ Кенигсбергъ, гдѣ оставались до 1662 г. Возвратясь въ Ковно, они нашли вмѣсто своей церкви только четыре стѣны: домъ этотъ былъ истребленъ пожаромъ (какъ видно изъ послѣдующаго процесса 1676 г.); лютеране стали отправлять свое богослуженіе въ развалинахъ подъ открытымъ небомъ и просили короля о позволеніи произвести починку зданія. Янъ Казиміръ, за собственноручнымъ своимъ подписомъ, присылаетъ въ 1664 г. въ ковенскій магистратъ рескриптъ, которымъ проситъ не возбранять лютеранамъ строить крышу на ихъ сборѣ, но узнавъ, что его воля не исполняется, онъ письмомъ своимъ къ виленскому епископу (1665 г.) проситъ его авторитетомъ епископскимъ содѣйствовать исполненію королевскаго приказанія: «жаждемъ и искренно упрашиваемъ васъ, чтобъ, вопреки праву, данному диссидентамъ нами и предшественниками нашими, съ ними такъ сурово не поступали и не запрещали имъ починить ихъ домъ и покрыть кровлею.» Несмотря на то, католики даже запретили лютеранамъ совершать богослуженіе, и въ костелахъ провозглашалась анаѳема противъ всѣхъ, кто будетъ участвовать въ возобновленіи «нѣмецкой синагоги», съ угрозою штрафа въ 6000 червонцевъ! Виленскій епископъ прислалъ въ Ковно коммисію, обязанную потребовать соблюденія привиллегій протестантовъ и надзирать за безпрепятственнымъ произведеніемъ перестройки ихъ церкви; «магистратъ не противурѣчилъ, но его милость господинъ ковенскій войтъ не согласился; коммисія, съ старшинами Августанской конфессіи, показывали ему и читали приказъ его кор. величества, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и запретилъ постройку.» Протестанты, видя,

что мирными средствами имъ не добиться признанія своихъ правъ, принялись за постройку сами, вооруженною рукою отбиваясь отъ вражескаго нападенія; магистратъ, донося объ этомъ дѣлѣ въ Вильну, приводитъ слѣдующія подробности: «Узнавъ о мятежѣ, весь магистратъ, войтъ и бургомистры, съ комендантомъ ковенскимъ, хотѣли остановить противузаконное дѣло, придерживаясь рескриптовъ короля и инструкцій (?) ясневельможнаго епископа и плебана ковенскаго. Но августанцы, поступая съ большимъ упорствомъ, и собравшись цѣлою громадою насильно, днемъ и ночью, въ бронѣ, съ оружіемъ, приготовленные къ бою, принялись со стрѣльбою починять и покрывать свое зданіе; притомъ давали грубые отвѣты, вся громада единодушно кричала: «пренебрегаемъ вашимъ запрещеніемъ! вооруженные, мы теперь посмотримъ, кто намъ будетъ препятствовать: не одинъ изъ васъ полежитъ вверхъ ногами!» Старшина же ихъ возглашалъ: «будемъ строить во имя Господне!» а господина войта, протестовавшаго на это и приказывавшаго прекратить постройку, ругали бунтовщикомъ, издали показывая какія-то королевскія привиллегіи, а въ руки не давая, и посылая въ магистратъ, если угодно, прочесть копіи тѣхъ привиллегій; наконецъ, замкнувши ворота, не выпускали оттуда подговоренныхъ и нанятыхъ ими (даже изъ другихъ городовъ) разныхъ ремесленниковъ, и заставляли ихъ день и ночь работать надъ постройкою.» Дѣло кончилось тѣмъ, что лютеране были побѣждены, а церковь ихъ запечатана; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1666), по просьбѣ ихъ депутатовъ, король приказомъ своимъ велѣлъ членамъ магистрата снять печать (подъ угрозою штрафа въ пользу короля и обиженныхъ), причемъ замѣчаетъ, что если они, возбраняя августанцамъ починять свой домъ, основывались на его рескриптахъ, то эти рескрипты были ими дурно растолкованы (male narrata), придерживаться-же инструкцій епископа они не имѣли права, а слѣдуетъ лучше исполнять древнія привиллегіи августанцевъ въ свободѣ вѣроисповѣданія, клятвенно подтвержденныя королемъ и сеймовыми конституціями. Преемникъ Яна Казиміра Михаилъ (Корибутъ-Вишневецкій), вступая на престолъ, на коронаціонномъ сеймѣ 1669 г., подтвердилъ

привиллегіи протестантовъ (содержаніе этого документа совершенно сходно съ привиллегіею 1633 г. Владислава IV), а въ слѣдующемъ году далъ ковенскому магистрату рескриптъ, въ которомъ дѣлаетъ выговоръ ксендзу-пшеору соборнаго косцела за его насилія противъ диссидентовъ, которыми нарушается ихъ право Liberi Exercitii Religionis, и дается поводъ къ возмущеніямъ, и требуетъ, чтобы магистратъ не только самъ не дѣлалъ никакихъ насилій изъ религіозныхъ причинъ, но и если бы своевольные люди, какому бы званію они ни принадлежали, рѣшились своимъ буйствомъ нарушить спокойствіе города, то таковыхъ жестоко покарать, какъ враговъ общественнаго благоденствія; въ заключеніе король дѣлаетъ (необходимое!) замѣчаніе, чтобъ его «рескриптамъ не давали превратнаго смысла и не растолковывали ихъ дурно, ко вреду правамъ диссидентовъ.» Но никакіе королевскіе угрозы не могли улучшить положенія лютеранъ, и депутаты ихъ безпрестанно осаждали короля мольбами о защитѣ. Янъ III Собѣсскій, избранный на престолъ послѣ Михаила, на коронаціонномъ сеймѣ 1676 г., снова даетъ протестантамъ привиллегію, подтверждающую всѣ ихъ прежнія права, и посылаетъ въ ковенскій магистратъ рескриптъ, въ которомъ говоритъ, что ксендзъ-пшеоръ и магистратъ, не смотря на столько приказаній, съ 1666 года до настоящаго времени, не позволяли, и теперь еще не позволяютъ, гражданамъ ковенскимъ августанской конфессіи возобновить разоренный, во время нашествія непріятелей, домъ, въ которомъ они съ давнихъ временъ имѣютъ право совершать свое богослуженіе, отчего они терпятъ лишенія, издержки и доведены до окончательной погибели: по этому приказывается магистрату не притѣснять и другихъ удерживать отъ притѣсненій, а въ случаѣ ослушанія взимается штрафъ въ 10000 червонцевъ, изъ которыхъ одну половину должно будетъ уплатить въ государственную казну, а другую жалобщикамъ. Послѣ этого іезуиты, опасаясь, чтобъ чрезъ ихъ упорство не лопнуло королевское терпѣніе, условились не противудѣйствовать протестантамъ; злобясь однакожъ, что лютеранская церковь будетъ красоваться у площади между ихъ собственнымъ и бернардынскимъ косцелами, они попросили

виленскаго епископа приказать лютеранамъ построить свой богослужебный домъ подальше отъ нихъ, гдѣ-нибудь въ глуши. Епископъ, конечно, согласился и прислалъ въ Ковно коммисiю, которая занялась разсмотрѣнiемъ этого дѣла и написала цѣлую тетрадь общихъ фразъ, которыми силилась обвинить протестантовъ въ небывалыхъ преступленiяхъ; обвиняются они, напр., въ томъ, что «частный домъ у площади, посреди католическихъ косцеловъ, ко всеобщему скандалу косцеловъ Божiихъ, обратили въ сборище сасскаго богослуженiя и выставили свои алтари супротивъ алтарей, осмѣлились основывать свои училища, и публично и насильственно, вооруженною рукою, передъ всѣмъ народомъ исповѣдывать свою вѣру, чрезъ что происходитъ не только скандалъ для косцеловъ Божiихъ, но и явная опасность возбужденiя мятежа и безпрестанный случай къ стычкамъ между ими и iезуитскими студентами, которые притомъ шляхетскаго происхожденiя»; по этому коммисiя, такъ какъ происходили возмущенiя, «и могли бы впредь произойти», сообразуясь съ рескриптомъ 1618 г. «святой памяти» короля Сигизмунда III, настоящимъ своимъ декретомъ обращаетъ помянутый каменный сборъ августанской конфессiи въ частное жилище, съ тѣмъ, чтобъ «августанское богослуженiе не возвращалось въ него никогда, ни подъ какимъ названiемъ и предлогомъ»; въ заключенiе члены коммисiи снабжаютъ лютеранъ инструкцiею, гдѣ и какъ должно происходить ихъ богослуженiе: «позволяемъ имъ перенести свое богослуженiе въ мѣсто отдаленное отъ городской площади и римско-католическихъ косцеловъ, то есть — въ каменный сарай, находящiйся въ заулкѣ надъ самымъ берегомъ Нѣмана, минование жидовскую улицу; и этимъ мѣстомъ пользоваться не иначе, какъ съ слѣдующими условiями: прежде всего, не устраивать зданiя своего августанскаго по образцу и формѣ косцеловъ святой римско-католической религiи, оконъ на улицу не дѣлать, развѣ на заднiй дворъ, но все-таки на подобiе частнаго строенiя, съ низкою кровлею и безъ башенокъ; богослуженiе свое чтобъ отправляли въ нижнемъ этажѣ, не смѣли также выставлять ни крестовъ снаружи, ни какихъ-либо другихъ церковныхъ знаковъ;

чтобъ не осмѣливались имѣть колокольни и употреблять колокола; притомъ, чтобъ не отваживались строить школы свои и госпиталь ни у того дома, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, согласно рескрипту 1618 г. короля Сигизмунда III, исключая только квартиры проповѣднику, принадлежащему къ ихъ богослуженію, которому позволяемъ жить тамъ-же, въ мѣстѣ отъ насъ назначенномъ, для того, чтобъ не осмѣливался квартировать ни у площади, ни на иной улицѣ, и чтобы проповѣдникъ избѣгалъ случая производить стычки и возмущенія; при погребальныхъ процессіяхъ, провожая тѣла умершихъ августанской конфессіи, должны сколь можно остерегаться, чтобъ не идти мимо ни одного римско-католическаго косцела; а если ужь не могутъ этого избѣгнуть, то идти тихо, и не пѣть при тѣлѣ умершаго, развѣ ужь совершенно миновавши площадь города Ковна и всѣ косцелы римскаго исповѣданія и находящіяся при нихъ кладбища; а вступивши въ ограду своего кладбища, они могутъ, по древнему обычаю, совершать всякіе обряды, сообразно своему вѣроисповѣданію. А что касается до клеветы, возведенной гражданами ковенскими августанской конфессіи на духовенство каѳедральнаго косцела, то они должны будутъ за эту обиду уплачивать теперешнему ксендзу-пшеору, какъ и преемникамъ его, 150 злотыхъ ежегодно, на вѣчныя времена.» Лютеранъ заставили согласиться, и они взялись устраивать себѣ церковь въ указанномъ мѣстѣ (гдѣ она существуетъ и понынѣ) 1). На этомъ однакожъ гоненія не остановились. Ограниченія были со всею суровостью возобновляемы виленскими епископами по нѣскольку разъ (напр. 1688, 1725). Чтобъ помѣшать лютеранамъ совершать богослуженіе, католики вздумали посадить въ тюрму единственнаго, находившагося

1) Не будучи въ состояніи на собственныя средства произвести постройку, лютеране просили вспомоществія у своихъ прусскихъ единовѣрцевъ, и получили изъ Кенигсберга 800 талеровъ добровольнаго приношенія. Такъ какъ этой суммы было недостаточно, то попросили въ займы еще 1000 талеровъ. Занимать капиталы въ Пруссіи для протестантовъ было выгоднѣе: тамъ съ нихъ брали 5 процентовъ, а если занимали въ Ковнѣ, у католиковъ, то надобно было платить 10.

въ Ковнѣ протестантскаго проповѣдника: послѣдній въ 1685 г. обратился въ магистратъ съ жалобою на какую-то обиду со стороны ковенскаго аптекаря (бывшаго прежде лютераниномъ); вмѣсто произведенія слѣдствія, пастора взяли подъ арестъ и грозили взять съ лютеранъ 1000 червонцевъ штрафу, если будутъ молиться въ своей церкви, такъ что имъ пришлось оставаться безъ богослуженія даже въ свѣтлый Христовъ праздникъ. Протестантскими депутатами было сообщено Яну Собѣскому какъ объ этой продѣлкѣ, такъ и о ежегодномъ поборѣ 150 злотыхъ. Виленскій епископъ находился въ то время въ Варшавѣ и по приказанію короля написалъ ксендзу-канонику виленскому, чтобъ онъ избавилъ ковенскихъ лютеранъ отъ побора и освободилъ проповѣдника. Этотъ былъ выпущенъ изъ тюрмы, просидѣвши въ ней однакожъ около 4 мѣсяцевъ. Послѣ этого происшествія (напоминающаго намъ пасочный сборъ въ Малороссіи) слѣдуетъ опять цѣлый рядъ королевскихъ рескриптовъ и виленскому епископу о соблюденіи свободы вѣроисповѣданія диссидентовъ, и ректору іезуитскихъ студентовъ въ Ковнѣ, чтобъ онъ велѣлъ своимъ питомцамъ вести себя поскромнѣе и запретилъ бы нападать на похоронныя и свадебныя процессіи протестантовъ. Рескрипты остались, конечно, безплодны. Лютеране жалуются, что въ первый день Рождества Христова (1702), во время богослуженія, нѣсколько іезуитскихъ студентовъ вломились въ ихъ церковь, съ громкимъ крикомъ и хохотомъ передразнивали ихъ пѣснопѣніе, мѣшали пастору говорить проповѣдь и, выходя изъ церкви, кричали разныя позорныя и срамныя слова; хотя лютеране и обратились къ ректору іезуитовъ и сообщили имена буяновъ, но не получили никакого удовлетворенія. Безнаказанность сдѣлала іезуитскихъ питомцевъ (польскую «родовитую шляхту», какъ сами іезуиты ихъ называютъ) еще наглѣе: они напали (1707) на причетника лютеранской церкви и, поваливши его на каменное крыльцо своего училища, избили до полусмерти; члены магистрата по жалобѣ совѣта 12-ти отправились къ обиженному для разъясненія дѣла; они нашли его въ постели, харкающаго кровью, видѣли, что вся спина его окровавлена отъ ударовъ дубинами, нога перелом-

лена, лице окровавлено и изуродовано каменьями, причемъ больной разсказалъ слѣдующее: «когда меня въ первый разъ ударили господа студенты отцовъ іезуитовъ, то голова моя очутилась на камнѣ, а ноги на землѣ; потомъ мнѣ заткнули ротъ, чтобъ я не кричалъ, а когда ужь меня избили, какъ хотѣли, и я упалъ съ камня, они прислушивались, живъ ли я еще, и когда я, долго лежавши поднялъ голову, они снова положили меня на камень, и еще крѣпче избили, чѣмъ прежде. Потомъ когда жена моя и г. Антонъ Розенбергъ пришли спасать меня, они и въ третій разъ меня избили, такъ что я едва былъ спасенъ; а когда меня принесли въ домъ г. Розенберга, то и тамъ искали меня съ неистовыми криками, но не могли найти, потому что я былъ хорошо спрятанъ; послѣ этихъ мученій, я теперь сомнѣваюсь въ моемъ излѣченіи, потому что кровь течетъ сильнѣе и я все болѣе ослабѣваю.» Это происшествіе, вполнѣ достойное іезуитскихъ учениковъ, было занесено въ магистратскія книги, но, кажется, осталось безъ всякихъ послѣдствій, (въ противномъ случаѣ сохранилась бы въ лютеранскомъ архивѣ хоть копія съ послѣдовавшей резолюціи); виленскій епископъ только совѣтуетъ магистрату не нарушать древнихъ правъ диссидентовъ, такъ какъ всѣ короли на коронаціи присягою обязуются соблюдать ихъ.

(*Продолженіе впредь*).

III.

НОВѢЙШАЯ ПРОПАГАНДА.

Всему міру извѣстно, что нашъ простой южно-русскій народъ вышелъ, изъ отеческой-dziedzicznéj опеки ясневельможныхъ пановъ, не только бѣднымъ, нищимъ, но,—что всего печальнѣе,—грубымъ,невѣжественнымъ,искаженнымъ, искалѣченнымъ душевно и нравственно. Но то еще не бѣда, если нашъ простолюдинъ, благодаря гуманности и сердоболію ясневельможныхъ милостивцевъ,едва умѣетъ затесать колъ для плетня, стачать самую неуклюжую телегу, если онъ, вообще,по дѣламъ техники и коммерціи,совершенный невѣжда, далеко отставшій на пути промысла и мастерства отъ своего собрата великоросса,—самаго предпріимчиваго, промышленнаго и мастероваго человѣка; — все это говоримъ еще пол-бѣды. Не много времени, отдыха—и нашъ простолюдинъ познакомится съ мастерствами и промыслами. Но вотъ горе, достойное глубокаго сожалѣнія,—что нашъ южно-руссъ обязанъ попеченію и управленію милостивыхъ самыми черными своими пороками !!—Стоитъ ли тутъ изображать мрачную картину нравственности нашего южно-русскаго мужичка, когда она всѣмъ такъ извѣстна! Могла ли развиваться нравственность нашего крестьянина подъ опекой dziedziców, rządców, posessorów, ekonomów,—короче и яснѣе—подъ опекой łóż, nahaików, kanczuków, arapników? Панскій деспотизмъ и гнётъ, давившій и тормозившій на каждомъ шагу нравственное и матеріальное улучшеніе крестьянина, пріучилъ, принудилъ его лукавить и хитрить: молотить, напримѣръ, не вымолачивая, вязать снопы, не сжимая ихъ, роняя колосья, пахать, не подрѣзывая земли,

косить въ полтравы. Вѣчный трудъ, горе и нищета пріучили горемыку искать утѣшенія, или хоть забвенія своихъ страданій, своей недоли, въ сивухѣ; заливать свои раны и боли ея одурающимъ свойствомъ; непрерывность египетскихъ работъ, подъ которыми стоналъ народъ русскій, заставила его или работать на себя только въ праздники, или бѣгать, въ воскресные и праздничные дни, по ярманкамъ;—такъ называемыя толочи и выписи (расчеты по барщинѣ), назначаемыя панствомъ въ воскресные и другіе св. дни, сѣнокосъ, наприм., жатва, свозъ хлѣба съ полей въ такіе дни, какъ день св. ап. Петра и Павла, Преобр. Господня, Успенія Божіей Матери; работа и порка въ дни говѣнія,—все это ослабило любовь народа къ церкви, благоговѣніе къ богослуженію, уваженіе къ праздникамъ православнымъ. Эта мрачная туча, въ теченіи вѣковъ висѣвшая надъ головою нашего народа, хоть и пронеслась, но оставила за собой глубокіе слѣды нравственнаго и матеріальнаго опустошенія.

Послѣ прекращенія панской надъ народомъ деспотіи, послѣ сдачи въ архивъ разныхъ сортовъ нагаекъ, конечно, станутъ заживать и нравственныя язвы нашего южно-русскаго народа; но въ томъ-то и несчастіе, что безъ сторонней помощи и участія, онѣ будутъ заживать почти незамѣтно, безъ замѣтнаго вліянія на здоровье народнаго организма. Отъ чего это? *Вельможные и шановные паны* прежде деспотизмомъ деморализовали народную нравственность, а теперь ловкими маневрами парализуютъ и уродуютъ христіанскую сторону жизни нашего простаго народа. Они изобрѣли для этого такое средство, которому позавидовалъ бы и самъ незабвенный Лойола,—это денежный расчетъ съ народомъ за полевыя и всѣ хозяйственныя работы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ эти только дни панство ведетъ свои счеты съ народомъ у насъ—во всей околицѣ, и чуть ли не во всѣхъ другихъ. „Чтожъ? панство дѣлаетъ, возразятъ намъ, хорошее дѣло, выплачивая народу заработанныя деньги!“ Казалось бы такъ, но въ существѣ дѣла,—въ выборѣ панствомъ времени для такихъ расчетовъ, заключается много зла нравственно-религіознаго, этого главнѣйшаго зла для народной жизни.

Обыкновенно начинаются расчеты или наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня, или рано утромъ въ празд-

нуемый день. Въ то время, когда въ церкви совершается вечернее богослуженіе, чаще всего въ то время, когда совершается божественная литургія, въ эти священнѣйшія для христіанина минуты, народъ, по предварительному панскому оповѣщенію (вошедшему въ привычку) чрезъ своихъ вѣстовыхъ „осаулъ“,— минуя св. храмъ Божій, торопится въ панскій или экономскій дворъ для расчета, для объясненія по работамъ, для полученія причитающихся денегъ. Понятно, что отъ такой системы расчетовъ, церкви остаются, во время богослуженія, почти пусты, а панскія прихожія, сѣни, даже подворья набиты народомъ, жаждущимъ получить заработанную копѣйку. Можно ли придумать болѣе неприличное время для житейскихъ расчетовъ, которые весьма легко покончить во всякое другое, хоть бы въ праздничный день вечеромъ? Можно ли найти болѣе хитрое средство для лишенія народа руководительства церкви, освѣженія и освященія своей души религіей, назиданіемъ и вразумленіемъ, почерпаемымъ изъ пастырскихъ, во время богослуженія, поученій,—для ослабленія и подрыва нравственно-религіознаго начала человѣка, безъ котораго онъ нисходитъ на степень животнаго едва ли *разумнаго?* Народъ нашъ, по своей исторической судьбѣ, очутился въ состояніи невѣжества и нравственной грубости. И такъ если онъ, по милости панскихъ воскресно-праздничныхъ расчетовъ, станетъ бѣгать церкви, по цѣлымъ мѣсяцамъ и полугодіямъ перестанетъ участвовать въ богослуженіи, то что изъ него выйдетъ, въ самомъ не далекомъ будущемъ? Не отемнѣетъ ли онъ окончательно, не огрубѣетъ ли онъ неисправимо? Внѣ св. храмовъ, неозаряемый свѣтоносным словомъ божественнаго Евангелія, не согрѣваемый благодатнымъ вліяніемъ богослуженія, этотъ народъ будетъ по имени только христіанскій......

Мало того, что панскіе воскресно-праздничные расчеты отторгаютъ народъ отъ церкви, отъ участія въ богослуженіи, они еще толкаютъ народъ въ самую глубь пороковъ. Чтобы видѣть пагубные результаты выше сказанныхъ расчетовъ, мы раскажемъ просвѣщенной публикѣ эпизоды одного расчета, сцены котораго розыгрывались предъ нашими глазами. Расчетъ этотъ начался съ вечернимъ благовѣстомъ; словно послѣдній былъ сигналомъ для перваго. Когда заунывно разливался въ сельской тиши благовѣстъ

къ вечерни, народъ группами плелся не во храмъ Божій,— принесть Богу жертву вечернюю, а въ панскій дворъ. Когда совершалось вечернее богослуженіе,—церковь, въ буквальномъ смыслѣ, была пуста; а панское подворье, въ то самое время, было залито массами народа. Расчетъ продолжался до разсвѣта—воскреснаго дня. Народъ, получивъ чрезъ ночь деньги, торопился къ шинкамъ, которыхъ, по услужливости евреевъ, явилось довольно въ селѣ, и тамъ предавался разгулу-пьянству, и панскія деньги чрезъ жида возвращались снова къ пану. Когда началась божественная литургія, ночные гуляки или храпѣли, или валялись возлѣ шинковъ, по улицамъ, или продолжали ночную оргію. Послѣ литургіи, спавшіе просыпались и, привлекаемые близостію шинковъ и долетавшими до нихъ веселыми звуками, спѣшили похмѣлиться. Это пьянство, козлогласованья, какой то дикій вой, шумъ, бранный крикъ, драки, начавшись съ разсвѣта воскреснаго дня, продолжались за полночь, противъ понедѣльника. Немного спустя, мы узнали, что въ то время, когда многіе, хватившіе по горло, храпѣли по улицамъ, у одного изъ этихъ несчастныхъ, валявшагося на кучѣ сору у корчмы, украдено 25 р. с., добытыхъ, конечно, длиннымъ рядомъ рабочихъ дней. И вся эта грустная картина, осквернившая святость воскреснаго дня, поправшая самыя святыя обязанности, обязана своимъ исполненіемъ легкой рукѣ панскаго расчета! Ужели подобныя языческія сцены и оргіи должны повторяться, продолжаться? Правда, похожія сцены могутъ совершаться и въ будніе дни, по случаю денежныхъ расчетовъ съ панствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ тогда совершаться не въ такомъ ужасающемъ размѣрѣ, такъ какъ въ будніе дни—самая неотложность работъ много можетъ удерживать сельскихъ кутилъ отъ корчемныхъ оргій; а съ другой стороны будничное бражничанье, хотя и не ослабитъ порока, но все таки не будетъ идти, такъ сказать, въ явную борьбу съ намѣреніями церкви, съ святостію воскреснаго или праздничнаго дня, и возлагаемыхъ имъ на христіанина обязанностей.

И такъ, во имя озаренія народа свѣтомъ евангельской истины, во имя чистоты народной нравственности, во имя спасенія этой нравственности отъ растлѣнія и цинизма,— мы рѣшаемся возвысить свой умоляющій голосъ къ властямъ предержащимъ и просить ихъ—обратить свое благо-

творное вниманіе на ту пагубу, какая происходитъ для народной нравственности съ поводу денежныхъ расчетовъ, открываемыхъ панствомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ,—въ самые часы церковнаго богослуженія. Это самая хитрая уловка іезуитской пропаганды, для растлѣнія народной нравственности, подрыва религіозныхъ убѣжденій, возвращенія панскихъ денегъ къ своему источнику и обнищанія народа; противъ нея и мѣры—самыя скорыя и дѣйствительныя. Конечно, голосъ одного—другаго пастыря церкви не пресѣчетъ зла, какъ таящагося въ воскресно-праздничныхъ расчетахъ, такъ и вытекающаго изъ нихъ. Какъ самое панство, ни во что поставляющее сельскаго пастыря, такъ и самый народъ, соблазняемый и увлекаемый возможностію, удобствомъ, съ полученіемъ денегъ, предаться разгулу въ праздничный день, — пренебрегутъ отеческимъ голосомъ священника, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ священники, подъ вліяніемъ своего житейскаго гнета, своихъ тяжелыхъ хозяйственныхъ хлопотъ,—могутъ и не обратить своего вниманія на новую панскую пропаганду, пагубнѣе которой едва ли изобрѣла что либо ксендзо-шляхетская злость. Чтожъ намъ предпринять? Естественнѣе и надежнѣе всего то, чтобы панство было обязано подписками, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, не дѣлать своихъ денежныхъ расчетовъ съ народомъ, по разнымъ дѣламъ, ни въ воскресные, ни въ другіе праздничные дни, а тѣмъ болѣе въ часы богослуженія, совершаемаго въ эти дни, съ представленіемъ таковыхъ росписокъ высшей административной власти. Съ другой стороны прекрасно было бы, если бы, по всѣмъ церквамъ, или волостнымъ управленіямъ нашего края, было прочитано къ народу возваніе высшей власти—не ходить въ воскресные и праздничные дни, а особенно во время богослуженія, ни къ панамъ за расчетомъ, ни съ отобранными *деньгами* по шинкамъ. Мы увѣрены что для православія и народной нравственности, на которыхъ зиждется благо обществъ, обращено вниманіе не только священниковъ, но и высшихъ властей, тѣмъ болѣе, что всякое ихъ распоряженіе народъ принимаетъ съ послушаніемъ и уваженіемъ.

Православный св. N. N.

1864 года 27 октября.

Физическіе и нравственные элементы сѣверо-западныхъ губерніи Россіи.

(По поводу матеріаловъ по географіи и статистикѣ Минской губерніи, собранныхъ *И. Зеленскимъ*. 2 части, 1865 г.)

Ст. I.

Въ описаніи губерніи, въ такъ называемыхъ матеріалахъ для статистики и географіи Россіи, входятъ данныя, объясняющія прошедшее и современное положеніе страны, соединенныя въ одно цѣлое по источникамъ большою частію мало извѣстнымъ нашей русской публикѣ, по массѣ рукописныхъ и печатныхъ статей, по грудамъ нетронутымъ десятками лѣтъ матеріаловъ, валяющихся на полкахъ канцелярій.

Въ особенности такія работы весьма важны въ западныхъ губерніяхъ Россіи, которыя, по своей прошедшей жизни, по своему племенному составу и соціальному быту, невполнѣ еще изслѣдованы. Наукѣ предстоитъ еще здѣсь громадная работа. И потому появленіе всякаго новаго труда о западныхъ губерніяхъ, къ какой бы области свѣдѣній онъ ни принадлежалъ, мы встрѣчаемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каждый новый трудъ, принадлежитъ ли онъ къ исторіи, или статистикѣ, или этнографіи, или сельскому хозяйству, или области естественныхъ наукъ - есть не только важное пріобрѣтеніе въ литературѣ, но и новый шагъ къ политическому объединенію съ Россіей странъ, на которыя до сихъ поръ русское общество, можетъ быть, не обращало надлежащаго вниманія.

Съ особеннымъ сочувствіемъ мы встрѣтили трудъ Г. Зеленскаго: *„Матеріалы для исторіи и географіи Россіи, Минская губернія.“* Въ его трудѣ мы видимъ добросовѣстную разработку матеріаловъ, встрѣчаемся со многими живыми картинами современнаго быта, знакомимся съ топографическимъ характеромъ страны и народа въ мелчайшихъ оттѣнкахъ-и узнаемъ, какъ еще не удовлетворительны наши отчеты, таблицы и разныя вѣдомости, составляемыя даже мѣстной администраціей, изъ которыхъ приходится черпать главныя свѣдѣнія для статистики.

Указываемые авторомъ промахи въ исчисленіи пространства и народонаселенія, въ собираніи данныхъ по различнымъ отраслямъ промышленности, по разнымъ учрежденіямъ, заставляютъ насъ разбирать источники и доказывать неточность и небрежность нашихъ первоначальныхъ данныхъ. А между тѣмъ такимъ даннымъ даютъ авторитетъ и значеніе нѣкоторые изъ нашихъ даже весьма замѣчательныхъ статистиковъ. Незначитъ ли это строить зданіе на гниломъ фундаментѣ!— Критическому анализу въ подобныхъ трудахъ мы придаемъ особое значеніе. Ошибки и противорѣчія въ цифрахъ, указываемыя авторомъ, убѣждаютъ въ необходимости обратить строгое вниманіе на провѣрку нашихъ, даже оффиціальныхъ данныхъ; надобно еще положить много труда на ихъ разработку, прежде нежели приступать къ полной статистикѣ всего государства.— Если бы каждая губернія была описана съ такою добросовѣстностію, съ такимъ умѣніемъ разоблачать неточность источниковъ, съ такимъ искуствомъ обрисовывать всѣ картины современной жизни, то статистика Россіи пріобрѣла бы драгоцѣннѣйшіе матеріалы для изображенія вѣрной картины физическихъ и нравственныхъ элементовъ. Трудъ Тенгоборскаго выигралъ бы весьма много въ цѣломъ, если бы сдѣлана была предварительная разработка всѣхъ частностей нашего обширнаго отечества. А эти частности столь разнообразны, и у насъ они такъ мало еще разработаны, что на каждый трудъ, обходящій эти частности, какъ бы ни великъ былъ талантъ автора, приходится смотрѣть съ недовѣрчивостію, опасаясь принять за истину — факты, основанные на неточныхъ данныхъ.

Нашимъ статистическимъ матеріаламъ недостаетъ окончательной точности; и это, конечно, самый крупный ихъ недостатокъ. Не сличая этихъ данныхъ, не подвергая ихъ критическому разбору, легко впасть въ невѣрность и дать силу и значеніе не провѣреннымъ фактамъ. И всякій, принимаясь не статистику страны, прежде всего долженъ взяться за эту кропотливую работу. Много пропадаетъ труда, много испортится крови прежде, чѣмъ установится наллежащая цифра, выльется на бумагу надлежащій фактъ. „Мы бы погрѣшили противъ истины, говоритъ г. Зелен-

скій, обозрѣвая источники свѣдѣній о населеніи края *), утверждая что унасъ нѣтъ статистическихъ данныхъ. Напротивъ: въ каждомъ губернскомъ городѣ найдутся цѣлыя кипы разнаго рода вѣдомостей и отчетовъ о народонаселеніи, въ которыя, повидимому, должно быть записано каждое явленіе въ человѣческой жизни. Сердце ревностнаго статистика должно было бы исполниться радости, при видѣ этихъ грудъ матеріаловъ, этого безконечнаго числа цифръ, на основаніи которыхъ, казалось бы, можно составить вѣрную и точную картину о состояніи края въ данный моментъ. Но чтобы познакомиться съ нашими оффиціальными свѣдѣніями, — ему достаточно взять нѣсколько вѣдомостей и сравнить ихъ между собою, тогда радость его будетъ напрасная.“ Въ таблицахъ статистическаго комитета встрѣчаются ошибки.

Статистическій комитетъ имѣетъ много формъ для таблицъ, итоги вездѣ подведены вѣрно. Но въ самыхъ цифрахъ не рѣдко встрѣчаются недосмотры и противорѣчія. Статистическія свѣдѣнія доставляются полиціей. Отчего же разница въ показаніяхъ? Простое сличеніе доказываетъ шаткость данныхъ, которыми нужно пользоваться съ необыкновенною осторожностію; и въ нашихъ метрическихъ записяхъ и ревизскихъ сказкахъ есть также недостатки: послѣднія составляютъ важный документъ для всѣхъ государственныхъ соображеній. Ошибки ревизскихъ сказокъ немогутъ быть открыты никакими мѣрами. „Ни разсылка чиновниковъ на мѣста составленія сказокъ, ни страхъ взысканія за прописныхъ, ни постановленія о бѣжавшихъ, находящихся въ отлучкѣ и безъ вѣсти пропавшихъ, не искоренятъ зла, которое между евреями доходитъ до ужасающихъ размѣровъ“ **). Вотъ фактъ, обращающій на себя вниманіе не въ одной Минской губерніи. Обыкновенно дѣтей до 5 лѣтняго возраста считается отъ 12 до 15 процентовъ. Между тѣмъ евреевъ до 5 лѣтъ въ Минской губерніи считается 2.₂%, въ Гродненской только 2! Христіанъ же до 5 лѣтъ, какъ въ той, такъ и другой на 100 приходится около 14 %. Чтобы добиться истины пришлось бы развер-

*) Матеріалы 1,431.
**) Матеріалы, 1,440.

нуть всѣ ревизскія сказки. Но эти сказки для частныхъ лицъ не всегда недоступны, хотя въ нихъ заключаются весьма важныя данныя, драгоцѣнныя для статистики. Многія событія человѣческой жизни, отмѣчаемыя въ ревизскихъ сказкахъ-рожденіе, смерть, сдача въ рекруты, нахожденіе въ неизвѣстной отлучкѣ и въ бѣгахъ, переходъ крестьянъ отъ однаго владѣльца къ другому—остаются достояніемъ казенныхъ палатъ. Равно не всегда точны и метрическія книги, въ которыхъ вносятся рожденіе, бракъ и смерть. Недостатки ихъ доказаны еще Журавскимъ *).

При сличеніи двухъ ревизій 9 и 10 и свѣдѣній изъ метрическихъ книгъ г. Зеленскій, для народонаселенія Минской губерніи, получилъ разные итоги.

	9-й (1850)	10-й (1857)
По переписямъ **). . . .	953,059 об. п.	909,025 об. п.
По метрическимъ книгамъ	1,019,689 —	955,099 —

Въ другомъ мѣстѣ авторъ доказалъ, что народонаселеніе губерніи ежегодно увеличивается отъ вліянія одной естественной причины на 1%, а отъ всѣхъ другихъ болѣе полупроцента. Такимъ образомъ, является новое затрудненіе - оказывается, что въ послѣднюю перепись недописано значительное число людей, и однихъ евреевъ неменѣе одной трети.

Не вполнѣ точны и данныя о пространствѣ. Г. Зеленскій представилъ 8 варіантовъ разнообразныхъ цифръ о пространствѣ Минской губерніи ***). Разница между показаніями наибольшимъ 80,272 кв. вер. и наименьшимъ 75,753 кв. вер. въ 4,519 кв. вер. почти соотвѣтствуетъ (а по другимъ даннымъ даже значительно превосходитъ) пространству наименьшаго изъ уѣздовъ Новогрудскаго и составляетъ до 1/11 доли всей площади губерніи. Такой разницы авторъ необъясняетъ и находится вынужденнымъ принять вычисленіе, сдѣланное астрономомъ Цвейцеромъ. Но и по-

*) Матеріалы 1,452. Доводы Журавскаго, въ большинствѣ своихъ положеній и указаній, не состоятельны. Вообще, для статистическихъ данныхъ православнаго народонаселенія,—самыя надежныя точки опоры заключаются въ церковныхъ записяхъ. *Ред.*

**) Подлежащихъ и неподлежащихъ переписке, всѣхъ сословій.

***) Матеріалы I. 63.

казаніе г. Швейцера о пространствѣ Минской губерніи не можетъ быть вполнѣ точнымъ.

Въ частныхъ описаніяхъ Россіи по губерніямъ, при всемъ желаніи, мы не можемъ дать вѣрныхъ цифръ о двухъ главнѣйшихъ отрасляхъ статистики-пространствѣ и народонаселеніи. Если и имѣются объ нихъ свѣдѣнія, то эти свѣдѣнія, говоритъ авторъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ стать на ряду съ подобными же данными въ другихъ государствахъ, въ которыхъ межевыя и кадастровыя работы приведены уже къ концу, и гдѣ переписи, распространяясь одинаково на всѣ классы населенія, не имѣютъ той исключительно финансовой цѣли, какую онѣ имѣютъ у насъ *). Такимъ образомъ всѣ усилія нашихъ ученыхъ— поставить отечественную статистику на должную степень— увѣнчаются успѣхомъ не прежде, какъ послѣ тщательной разработки первоначальныхъ свѣдѣній, въ собраніи которыхъ необходимо прежде всего устранить важныя причины ихъ неточности. Тѣмъ не менѣе, однако, данныя, провѣренныя критикой, приносятъ большую пользу для науки; эти данныя легче провѣрить въ каждой губерніи отдѣльно. Обширность труда нельзя ставить ни въ упрекъ, ни въ извиненіе, когда требуется добросовѣстный анализъ и критическія изслѣдованія. Въ результатѣ получаются данныя, если и не вполнѣ вѣрныя, то достаточно вѣроятныя для выводовъ. Въ матеріалахъ, собираемыхъ офицерами генеральнаго штаба, если они тщательно разработаны и провѣрены, статистика Россіи получаетъ важное пріобрѣтеніе, потому что имѣется возможность ознакомиться съ физическими и нравственными элементами каждой части, каждаго уголка нашего обширнаго отечества.

Статистика, несмотря на свою молодость, уже разработала много фактовъ, для уясненія тѣсной зависимости человѣка отъ окружающихъ его свойствъ и явленій природы. Ни одна наука не заключаетъ въ себѣ такого богатства данныхъ для изученія физическихъ и нравственныхъ элементовъ страны. Еще болѣе обширное предстоитъ ей поприще, когда разработаются спеціалистами почва, климатъ, естественныя произведенія, и другія явленія физической природы, отъ которыхъ зависитъ существованіе

*) Матеріалы 1,457.

человѣка. Матерія и духъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, вездѣ тѣсно соприкасаются. Чѣмъ благопріятнѣе физическія свойства природы, тѣмъ легче живется человѣку, тѣмъ менѣе употребляется труда на добываніе средствъ существованія, и напротивъ, чѣмъ онѣ суровѣе, тѣмъ болѣе нужно труда, тѣмъ болѣе нужно употребить энергіи человѣку на добываніе пищи, сбереженіе здоровья, накопленіе богатствъ и многоразличныхъ удобствъ жизни.

Наши сѣверо-западныя губерніи имѣютъ скудную почву и не благопріятный климатъ; хлѣбъ и плоды созрѣваютъ медленно и требуютъ хорошаго ухода, много стараній, сопряженныхъ съ лишеніями. Въ лѣнивой природѣ безпрерывно выдвигаются обстоятельства, разрушающія надежды земледѣльца. Топографическія свойства мѣстности однообразны. Тутъ не проходимыя болота, тамъ—неменѣе доступные лѣса; рѣки, текущія большими извилинами, мелководны; дороги весною и осенью представляютъ огромныя затрудненія къ быстрымъ сношеніямъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно въ полѣсьи, въ такъ называемыхъ припетскихъ болотахъ, гніющая вода заражаетъ атмосферу злокачественными испареніями, развивающими колтунъ, уродующій челокѣка,—лихорадки, горячки; трава, ростущая на обширныхъ болотатъ, жестка для пищеворенія животныхъ. Естественныя произведенія, обусловливаемыя качествомъ почвы и климатомъ, при излишкѣ влажности, недаютъ человѣку достаточно питательной пищи. Все неблагопріятное въ природѣ выражается здѣсь часто повторяющимися неурожаями; голодъ и болѣзни нерѣдко поглощаютъ людей, отнимая такимъ образомъ у страны нравственныя силы, которымъ суждена тяжкая борьба съ силами физическими.

Сколько неблагопріятныхъ условій соединяется здѣсь для развитія человѣка, сколько препятствій и преградъ тормозитъ его духъ, останавливая способы къ размноженію народонаселенія, къ накопленію богатствъ! Мы не разъ останавливались на причинахъ особенностей въ бытѣ и характерѣ бѣлоруссовъ. Они блѣдны, тощи, недовѣрчивы, апатичны, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивы и честны. Безъ сомнѣнія, кромѣ продолжительнаго гнета, на нихъ отражается сама природа, физическія свойства которой,

по своей скудости, по своему однообразію, положили тяжелый отпечатокъ на духѣ и характерѣ этого славянскаго племени. При всемъ томъ, въ немъ много живучести, много тихой, упорной энергіи, если онъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, устоялъ противъ наплыва враждебныхъ нравственныхъ элементовъ и сохранилъ свои племенныя особенности, свой особый типъ, свой языкъ и даже вѣру. На его характеръ, внѣшній видъ, даже на предразсудки вліяло тажкое иго и самая природа. Для полнаго торжества человѣка надъ физическими элементами, ему неблагопріятствующими, безъ сомнѣнія необходимъ достаточный запасъ нравственныхъ силъ. При ихъ недостаткѣ, онъ останется рабомъ окружающихъ его физическихъ явленій, осужденнымъ на безнадежную борьбу.— Многія страны въ мірѣ, благодаря энергіи и уму своихъ жителей, успѣвшихъ одолѣть неблагопріятные физическіе элементы, изъ странъ бѣдныхъ, малодоступныхъ, сдѣлались богатыми, промышленными. Тамъ въ трудѣ человѣка видно проявленіе мощнаго духа, съ которымъ онъ, послѣ долгихъ усилій, успѣвалъ торжествовать надъ неблагопріятными свойствами внѣшняго міра и, посредствомъ накопленія богатствъ, достигалъ общественнаго развитія. Энергія и правилность въ трудѣ и степень вознагражденія труда у такихъ народовъ составляли первый залогъ, первый шагъ къ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ борьба человѣка съ внѣшнимъ міромъ была легка, гдѣ труду благопріятствовали свойства климата и характеръ почвы, тамъ обогащеніе давалось легко, ибо человѣку немного нужно было труда на пріобрѣтеніе пищи; тамъ же, гдѣ эта борьба встрѣчала неодолимыя затрудненія въ свойствахъ внѣшняго міра—тамъ человѣкъ угнетаемъ былъ бѣдностію и, тревожимый неудачами, оставался въ униженномъ состояніи. Мы полагаемъ, что нашъ вопросъ ближе всего можетъ уяснить статистика. Мы обращаемся къ ея выводамъ, чтобы понять, въ какой тѣсной зависимости благосостояніе народа находится отъ физическимъ элементовъ и какъ этими элементами обълсловливается степень развитія. А если народъ ведетъ безплодную борьбу съ внѣшнимъ міромъ, то какія тому причины: однѣ ли физическія условія страны сковали духъ предпріимчивости въ народѣ, или, можетъ быть, были другія историческія

причины, подъ вліяніемъ которыхъ ослабѣвали нравственныя силы?

Мы обращаемся къ матеріаламъ для статистики и географіи Россіи, какъ единственному источнику, въ которомъ сгруппировано множество данныхъ, въ высшей степени важныхъ для современнаго изученія статистики Россіи. Мы особенно остановились на вновь вышедшемъ трудѣ г. Зеленскаго какъ потому, что это трудъ замѣчательный, такъ и потому, что Минская губернія значительно обширнѣе каждой изъ сѣверо-западныхъ, что, по внѣшней природѣ, она представляетъ всѣ особенности, свойственныя сѣверо-западнымъ губерніямъ, что, находясь въ центрѣ сѣверо-западнаго пространства, она содержитъ всѣ свойственные ему элементы.—При болѣе или менѣе общихъ всѣмъ губерніямъ сѣверо-западнаго края физическихъ свойствахъ почвы и климата, при однородномъ составѣ народонаселенія и его одинаковой исторической судьбѣ,—все, что сказано будетъ здѣсь о Минской губерніи, въ большей или меньшей степени повторяется въ каждой изъ сосѣднихъ губерній, на пространствѣ отъ Припети до Западной Двины. Мы воспользуемся и другими вышедшими изданіями только для поясненія болѣе крупныхъ фактовъ, и если не дѣлаемъ полнаго статистическаго обзора, то единственно въ ожиданіи появленія въ свѣтъ статистики еще двухъ губерній Могилевской и Витебской *).

Разработка физическихъ элементовъ территоріи сѣверозападныхъ губерній едва начата, и изъ „матеріаловъ" видно, что въ изслѣдованіяхъ о почвѣ, климатѣ и производительности чувствуется крайняя необходимость.

Г. Зеленскій съ полною добросовѣстностію воспользовался незначительными, и частію устарѣлыми источниками, дополнивъ изслѣдованія по физической природѣ Минской губерніи нѣкоторыми любопытными замѣчаніями. Тѣмъ не менѣе въ этомъ отдѣлѣ матеріаловъ у него встрѣчаются нѣкоторыя не точности.

---

*) До сихъ поръ вышли въ печати матеріалы для географіи и статистики 4-хъ губерній: Ковенской, 1861 г., Виленской, 1862 г., Гродненской, 1863 г. 2 час. съ приложеніями и Минской, 2 час.—Всѣ шесть книгъ стоятъ 6 руб., цѣна неимовѣрная!

Минская губернія заключаетъ 78,500 кв. вер. или 8177,000 дес. пространства и составляетъ около одной трети всего низменнаго пространства Россіи *).—По собраннымъ свѣдѣніямъ г. Зеленскимъ, народонаселеніе Минской губерніи въ 1857 г. составляло съ войсками до 1 мил., безъ войскъ—978,012 д. об. п.—Слѣдовательно, при пространствѣ 1622 кв. миль на одну квадр. милю, придется 603 душъ. Эта губернія населена весьма слабо относительно другихъ сѣверо-западныхъ.

	кв. м.	душъ об.	на одну кв. миль	на 1 кв. в.
Виленская **) ...	751	841,095	1118	23.
Ковенская **) ...	758	959,369	1278	26.
Гродненская **)	697	861,000	1236	25.
Минская **) ...	1622	978,012	603	12.

Населеніе по площади Минской губерніи распредѣлено крайне неравномѣрно.—Въ Мозырскомъ на одну квадратную версту приходится 5 душъ, тогда какъ въ Новогрудскомъ 31, т. е. въ шесть разъ болѣе.—Вся юговосточная часть губерніи имѣетъ населенность вообще слабую до того, что въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ приходится среднимъ числомъ на кв. версту 7 душъ; и здѣсь болѣе ¾ пространства покрыто лѣсами, болотами и землями неудобными. Пинскій ***), Борисовскій и Игуменскій уѣзды имѣютъ на кв. версту среднимъ чи-

*) Подъ именемъ низменнаго или сѣверо-западнаго пространства понимаются губерніи—Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская и Могилевская,—общее пространство которыхъ содержитъ 5,538 кв. мил., что почти соотвѣтствуетъ пространству великобританіи съ Ирландіей.— Все сѣверо-западное пространство заключаетъ только 5614,115 д. об. п., т. е. на одну кв. милю приходится едва 1015 д. Въ Гродненской губерніи литовцы составляютъ только 0. 3%, тогда какъ русскіе, бѣлорусесы и часть маллороссовъ—77,8%.

**) Для всѣхъ губерній пространство принято по исчисленію военно-топографическаго депо, кромѣ Минской, въ которой по исчисленію депо—75,753 кв. в.—Для народа и населенія взяты цифры 1857 г., а въ Гродненской среднее (за 15 л.), болѣе близкое къ дѣйствительному. См. матеріалы для статистики и географіи Россіи.

***) Пинскій-то уѣздъ и есть самый болотистый. Смот. путевыя замѣтки Крашевскаго. *Ред.*

столъ до 12 душъ, полями и лугами здѣсь занята $1/3$ ча— пространства.—Наконецъ въ сѣверо-западныхъ уѣздахъть Слуцкомъ, Минскомъ и Новогрудскомъ на версту прих-одится 24 души, и пахатныя земли и луга здѣсь составляютъ $3/5$, т. е. болѣе половины пространства.

Такое неравномѣрное распредѣленіе народонаселенія, уменьшающагося съ запада на Востокъ, конечно объусловливается физическими свойствами природы, съ которой жизнь человѣка весьма тѣсно связана, а общая слабость относительной населенности есть слѣдствіе малой производительности почвы и неблагопріятнаго климата. При скудныхъ дарахъ природы, особенно въ юговосточной полосѣ, нравственные элементы столь слабы, что накопленіе богатствъ требуетъ необыкновенныхъ усилій.

Дѣйствительно, хозяйственныя средства минской губерніи скудны, и онѣ распредѣлены столь же неравномѣрно, какъ и самое населеніе:—

Поля	1922,000	дес.	24%.
Луга	792,000	дес.	9.
Лѣса и кустарники	4277,000	дес.	52.
Болота	947,900	дес.	11.
Пески и выгоны и проч.	168,100	дес.	2.

Пахатныхъ земель въ Новогрудскомъ уѣздѣ 60%, въ Минскомъ 52%, а въ Мозырскомъ менѣе 12%.— Луговъ, въ первыхъ двухъ уѣздахъ, около 15%, а въ послѣднемъ около 7%, лѣсами покрыто почти $2/4$ пространства: Борисовскаго, $7/10$ Игуменскаго, болѣе $6/10$ Бобруйскаго, — а въ Новогрудскомъ ихъ едва $1/5$. Сплошными массами болотъ покрыты Мозырскій и Пинскій уѣзды, въ которыхъ общее пространство болотъ равняется почти $1/3$ всѣхъ пахатныхъ земель въ Минской губерніи!

	Полей и луговъ. %	Лѣсовъ. %	Болотъ и земель неудобныхъ. %
Минская	36	52	12.
Виленская	53	30	17.
Гродненская	55	27	18.
Ковенская	71	20	9.

Только Новогрудскій, Минскій и сѣверная часть Слуцкаго, въ общемъ составѣ производительной почвы, составляютъ счастливое исключеніе, имѣя въ своихъ естествен-

ныхъ элементахъ всѣ условія для развитія богатства. Всѣ же прочія, и особенно Полѣсье, представляютъ для достиженія благосостоянія много неблагопріятныхъ условій.

Геологическій и геогностическій составъ почвы Минской губерніи изслѣдованъ, кажется, однимъ только г. Эйхвальдомъ.— Небольшой кряжъ, служащій продолженіемъ Алаунской центральной возвышенности Россіи, и пролегающій по Минской, Гродненской и Виленской губерніямъ, служитъ водораздѣломъ бассейновъ Балтійскаго и Чернаго морей. — По топографическому очертанію, этотъ кряжъ не представляетъ непрерывнаго ряда высотъ, идущихъ въ опредѣленномъ направленіи, а болѣе или менѣе обширныя группы холмовъ. Высшія точки (до 1000 ф.) достигаютъ наибольшей высоты въ западныхъ частяхъ Минской губерніи, гдѣ беретъ начало р. Нѣманъ, и откуда истекаетъ нѣсколько притоковъ въ р. Припеть.— Южный склонъ водораздѣла быстро опускается въ Припетскую долину, представляющую на всемъ пространствѣ обширную котловину, или большую впадину, наполненную обширнѣйшими, непросыхающими болотами.

Все пространство кряжа имѣетъ одинъ общій геологическій характеръ, обнаруживающій всюду ясные признаки позднягo намывнаго происхожденія: огромными пластами намывной формаціи вездѣ покрыты системы такъ называемыхъ Виленскихъ формацій, отнесенныхъ Блэде къ южному басейну, т. е. къ Черному морю. Виленская система, говоритъ Эйхвальдъ *), находится на границѣ обоихъ бассейновъ (т. е. сѣвернаго или бассейна Ледовитаго моря и южнаго или бассейна Чернаго моря), на которые раздѣляется поверхность европейской Россіи и соединяетъ одинъ съ другимъ.“

Непомѣрное развитіе влажности въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, можетъ быть, составляетъ причину богатства лѣсовъ, покрывшихъ эти края въ древнія времена, и такъ еще недавно извѣстныхъ по своей дремучести и мало-доступности. Образчики такихъ лѣсовъ представляютъ теперь нѣкоторыя пущи, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна, побогат-

*) Эйхвальдъ. Геогнозія, преимущественно въ отношеніи къ Россіи 349. Матеріалы „Минская губернія“ стр. 101 и 102.

ству и разнообразію растительныхъ породъ, „Бѣловѣжская пуща“, въ Гродненской губерніи. Все, такъ называемое Полѣсье, нѣкогда „Древлянская земля“, и теперь состоитъ изъ лѣсовъ, которыми покрыты обширныя низменныя пространства. Многіе песчано-глинистые ровнины, по водораздѣльному кряжу, до того проникнуты влагою, что Наполеонъ, съ горькой и справедливой ироніей, признавалъ здѣшнюю грядь „пятою стихіею“.

Какъ по топографическому очертанію, такъ и въ отношеніи геогностическаго состава почвы, Минскую губернію авторъ дѣлитъ на двѣ части—*сѣверную и южную.*

Къ первой относятся Новогрудскій, Минскій, Игуменскій, Борисовскій и часть Слуцкаго уѣздовъ, къ послѣдней-вся южная остальная половина Минской губерніи. Въ этой послѣдней половинѣ почва представляетъ признаки болотнаго происхожденія. По сосѣдству съ огромными болотами и особенно на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, находятся и чистые пески. Прилежащая къ песчанымъ буграмъ черная и сѣропесчаная земля есть нечто иное, какъ остатокъ ила, нанесеннаго и оставленнаго здѣсь бывшею когда-то огромною водою. Образованіе болотныхъ осадковъ и теперь продолжается,смѣшиваясь съ наливочными животными, прѣсноводными водорослями и даже деревьями. По этому *торфъ* составляетъ отличительную черту геогностическаго состава почвы всего Полѣсья. При осушкѣ здѣшнихъ болотъ, получаются прекрасные луга и пахатныя поля. Этимъ способомъ можно было бы увеличить пространство производительной земли. Во всѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ хозяйство устроено на осушеніи торфяныхъ болотъ, незаключающихъ желѣзной окиси, поля и луга имѣютъ почву сѣропесчаную, иногда совершенно черную, лежащую на песчаной, глинистой или супесчаной подпочвѣ.— Но въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ надъ окружающею мѣстностію почва песчаная съ глинистой подпочвою.

Вовсемъ Полѣсьи, только правый берегъ долины р. Припети, отъ Турова до Днѣпра, и часть Пинскаго уѣзда, между Яселдою и Пиною, какъ болѣе возвышенные, имѣютъ сухую, супесчаную и суглинистую почву, мѣстами весьма плодородную, а по строенію верхнихъ пластовъ, эти незначительныя пространства или большіе острова, среди окружающихъ ихъ торфяныхъ болотъ, имѣютъ характеръ

одинаковый съ возвышенными уѣздами сѣверной половины губерніи.

Г. Зеленскій, въ описаніи почвы сѣверной половины губерніи, основывается на мнѣніи графа Тышкевича. *) Въ Новогрудскомъ, Минскомъ и части Слуцкаго уѣздовъ господствуютъ различнаго рода суглинистыя и глинистыя почвы. Здѣсь глина лежитъ на слоѣ глинистой подпочвы и рѣже на слоѣ супеска. Въ Борисовскомъ же уѣздѣ наносныя глинистыя и песчаныя породы лежатъ на пластахъ мѣловыхъ, но низменныя мѣста сѣверной половины губерніи, долины рѣкъ и болота, по строенію наружныхъ пластовъ, совершенно сходны съ долиною р. Припети.

---

*) Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847, стр. 168—170. См. Матеріалы I, 107 и 108.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

и

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе)

Часть II.

VI.

Воевода Волчій Хвостъ отправляется въ походъ противъ ляховъ-радимичей.

Зной лѣта располагалъ великаго князя проводить довольно часто цѣлые дни въ теремѣ на Берестовѣ.

Не проникаемая солнечными лучами тѣнь берестовскихъ дебрей, разливавшая упоительную, среди полудневнаго зноя, прохладу, множество свѣтлыхъ, какъ хрусталь, ручейковъ, катившихъ съ вершинъ холмовъ, по серебристому песку, свои струйки, яркая, бархатная зелень вершинъ холмовъ, ароматическій воздухъ, да передъ глазами очаровательное зеркало днѣпровскихъ водъ, а за нимъ синева дали, да заливы Днѣпра, извивавшіеся среди безпредѣльныхъ зеленыхъ луговъ,—услаждали великаго князя, весьма любившаго Берестовое, въ теремахъ коего жило нѣсколько сотъ его приближенныхъ женщинъ.

Въ одинъ изъ знойныхъ дней, великій князь, облегчивъ себя отъ верхней одежды, сидѣлъ подъ дощатымъ навѣсомъ своего терема, окруженный самыми любимѣйшими своими одринницами, изъ коихъ двѣ были гречанки, а большая половина кревлянокъ-крещенокъ. Предъ великимъ княземъ стояли огромная *куфа*)баклага) съ медомъ и подлѣ нее турій рогъ.

На скамьѣ, противъ великаго князя, сидѣлъ воевода Волчій-Хвостъ, а изъ за его спины высовывалась сѣдня и страшно блѣдная голова еле еле живого Костаря, который былъ позванъ одринницами-перунщицами погадать имъ о судьбѣ ихъ.

Великій князь, послѣ отдыха, вышелъ подъ навѣсъ и усѣлся на любимое свое мѣсто, чтобы въ тѣни нѣсколько освѣжиться отъ зноя въ душной атмосферѣ своей опочивальни.

Взявшись за ручку куфы и наливая изъ нее въ рогъ медъ, великій князь обратился къ Костарю и ласково, съ усмѣшкою, сказалъ:

— Я и забылъ о тебѣ, печенѣжскій кудесникъ; вотъ кого еще слѣдовало послать съ тобою, воевода, противъ триклятой *ляхвы*-радимичей.

Воевода улыбнулся и сказалъ:

— Да, вотъ только его и недоставало ко всѣмъ, которые отправляются со мною. Ну, да будетъ съ него уже и грецкаго олельняго огня, который ему, въ покоѣ Игоря, своротилъ голову.

— Да хранитъ богъ Перунъ тебя, великій князь, и дастъ тебѣ онъ побѣду на супротивныхъ тебѣ поганыхъ ляховъ, да вложитъ онъ громоносныя стрѣлы свои въ десницу и шуйцу воеводы твоего и да послетъ онъ и самъ громы и молніи на главу ляхвы, и побѣдишь ты, княже, и дань снова съ нихъ возмешь и покоришь ихъ подъ ноги твои... сказалъ вдохновенно Костарь, своимъ хриплымъ голосомъ.

— Добрѣ речешь ты, кудесникъ! сказалъ, вздохнувъ, великій князь Владиміръ,—но я думу думаю и думу крѣпкую,—да не о богѣ твоемъ Перунѣ. Не пора ли уже и всѣмъ намъ кіянамъ исповѣдать того Бога, котораго мы не видимъ, котораго сами не обтесываемъ топоромъ и своими руками, но который создалъ свѣтъ и все, что видимъ и невидимъ, и насъ всѣхъ,—того Бога, котораго чтятъ крещеные, котораго исповѣдуетъ и стоящій предо мною воевода....

— Все въ твоей волѣ, великій княже!

— Если побѣда будетъ надъ треклятою поганою ляхвою-радимичами, продолжалъ князь, то не захочу съ ними быть одной вѣры, попытаю испытать всѣ вѣры и истинную приму самъ и весь народъ мой ее приметъ.

— Великій княже!, отозвался воевода, нѣтъ вѣры истиннѣе той, которую познала и приняла твоя славная и приснопамятная бабка, великая княгиня Ольга, и твоя мать;—вѣра эта дастъ и мнѣ побѣду надъ погаными нечестивыми ляхами. Я уповаю на Господа Бога и его Единороднаго Сына, истиннаго Бога и Спасителя моего Іисуса Христа...

— Если побѣдишь, то пріиму и я твою вѣру, ту вѣру, которую познала и держала моя бабка и мать моя.

— Великій князь склонилъ голову на руку и на мгновеніе задумался. Потомъ онъ наполнилъ турій рогъ медомъ, поднялъ его вверхъ и, привставши, смотря на небо, произнесъ:

— Не видимый и незнаемый мною, Боже! даруй мнѣ побѣду надъ нечестивою ляхвою-радимичами, и я тебя буду чтить въ своей землѣ и вси народы мои тебя будутъ чтить и приносить угодныя тебѣ жертвы!

Испивши изъ рога, князь подалъ рогъ воеводѣ и сказалъ:

— Испей, воевода, со мною: да увѣнчаетъ незримый нами Богъ оружіе твое побѣдою. Я на него надѣюсь, прошу Его одного и ему поручаю тебя и всѣ мои рати, которыя пойдутъ съ тобою и со мною.

— Волчій Хвостъ принялъ изъ рукъ великаго князя рогъ, и, устремивъ глаза къ небу, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ:

— Господи, Вседержителю! даруй великому князю побѣду надъ нечестивыми врагами нашими ляхами; да увѣруетъ онъ въ небесную, всемогущую Твою благость и силу, да познаетъ Тебя единаго истиннаго; да престанетъ литься праведная христіанская кровь, предъ богомерзкимъ Перуномъ, какъ пролилась она въ прошломъ лѣтѣ, когда были убиты крещеные варяги Ѳеодоръ и Іоаннъ! Произнесши эти слова, воевода испилъ изъ рога и, обратясь къ великому князю, продолжалъ:

Дозволь, великій княже, подать рогъ и кудеснику; пусть и онъ изпьетъ въ знаменіе того, что скоро падутъ въ градѣ твоемъ идолы, перестанетъ литься христіанская кровь приносимыхъ въ жертвы людей и по всѣмъ твоимъ землямъ народъ познаетъ единаго истиннаго Бога.

— Дай и ему испить, приказалъ Владиміръ. Смерть несчастныхъ крещеныхъ варяговъ Өеодора и Іоанна мучитъ меня, не даетъ покоя моему сердцу. Я раскаиваюсь, что рѣшился тогда исполнить упорное желаніе бояръ и старцевъ градскихъ......

Видно было по выраженію лица великаго князя, что воспоминаніе о смерти двухъ невинныхъ христіанъ сильно тяготило его душу.

— Великій княже! ты одержалъ побѣду надъ Мечиславомъ королемъ ляхскимъ, который просвѣтилъ святою и истинною вѣрою свой народъ, и ты праздновалъ это торжество, какъ поклонникъ и чтитель бога славянскаго-перуна: ты и дозволилъ воеводамъ и старцамъ принести въ жертву людей, но теперь, когда Богъ небесный даруетъ тебѣ вновь побѣду надъ ляхами,— ты уже отвергни требованіе народа твоего: праздновать побѣбу пролитіемъ человѣческой крови; иначе Богъ не даруетъ тебѣ побѣды....

— Нѣтъ, нѣтъ! кровавыхъ жертвъ болѣе не будетъ, пока я на отнемъ кіевскомъ столѣ, пока я князь, пока я живъ!..

— Великій Княже! народу твоему не легко будетъ отстать отъ дѣдовской вѣры,—сказалъ Костарь.

— Ты же ихъ научишь забыть истукановъ, съ улыбкой сказалъ великій князь.

Одринницы, бывшія свидѣтельницами разговора, не могли скрыть своего восторга. Двѣ изъ нихъ, гречанки, стоявшія въ самомъ близкомъ растояніи отъ князя, позади его, даже неоднократно творили на себѣ крестное знаменіе; язычницы же мало понимали къ чему клонилось дѣло.

— Великій князь бесѣдовалъ съ воеводою довольно долго. Солнце замѣтно уплыло къ западу; жаръ замѣнился вечернею прохладою и повѣялъ вѣтерокъ вверхъ по Днѣпру, у пристани котораго стояли, совершенно изготовленныя къ отплытію ладьи.

— Однако, мой милый воевода, приближается година твоего отъѣзда. Еще разъ прошу Бога, создавшаго сей свѣтъ, чтобы онъ даровалъ мнѣ побѣду надъ ляхами; чтобы онъ укрѣпилъ оружіе въ рукахъ твоихъ и всей твоей рати... Приступи ко мнѣ, я хочу тебя обнять. Воевода приблизился къ великому князю, который горячо и искренно заключилъ его въ свои объятія.

— Ты вся моя надежда... Уповаю на незримаго мною Бога, что Онъ утвердитъ твою десницу противъ враговъ и даруетъ

намъ побѣду. Прощай, прощай, дорогой мой воевода! Я поспѣшу во слѣдъ за тобою съ моего дружиною.

Слезы навернулись на глазахъ великаго князя и воеводы, который, поклонясь къ ногамъ великаго князя, поцѣловалъ его руку.

— Господь, Спаситель мой, не оставитъ меня; не оставитъ для тебя, великій князь, и для всего твоего люда; уповай на небеснаго Бога и получишь побѣду.

Еще разъ великій князь прижалъ Волчьяго-Хвоста къ своей груди и потомъ, возведши очи къ небу, сказалъ:

— Боже, живый на небесахъ! благослови на битву съ супостатами моего воеводу...

Одринницы наклоненіемъ головъ прощались съ воеводою.

Въ то время пришли къ берестовому терему Петро и Ивой. Они вышли изъ густоты лѣса, среди котораго тянулась дорога во градъ. На лицахъ ихъ выражалась торопливость. Завидѣвъ великаго князя, уходившаго въ теремъ, они было пріостановились, но потомъ, сказавъ другъ другу нѣсколько словъ, еще быстрѣе начали приближаться къ терему.

— Отпустилъ! сказалъ воевода, обратившись къ Ивою и Петру. Время, други, намъ отправляться.

— Да, все уже готово; мы долго ожидали тебя, воевода, у берега, сказалъ Ивой.

— Суда и вои готовы, ждутъ у пристани—на Ручаю появленія твоего, что же ты, Костарь-дѣдушка, будешь безъ насъ скучать? спросилъ Петро.

— Пока мы возвратимся, такъ онъ всѣхъ своихъ чурбановъ-боговъ прадѣдовскихъ сожжетъ въ печкѣ, проговорилъ Ивой.

— Почему же и не такъ! на все воля великаго князя: повелитъ усъ позолотить богу Перуну и позолотимъ, а повелитъ его стащить со стояла и сжечь, и то сдѣласмъ; дѣло не мудреватое...

— Да ужъ пора и очень пора,—проговорилъ Ивой.

— Вотъ то-то и жаль, что вы нѣсколько пораньше не пришли сюда, а то бы услыхали рѣчь великаго князя.

— Ну-те, други, что съ нимъ говорить! поспѣшимъ къ нашему старцу, попу Григорію, да благословитъ онъ насъ на путь, и потомъ зайдемъ къ нашимъ—въ пещери, а оттуда уже на пристань. Пойдемте къ конямъ.

Снявъ шапки предъ одринницами, стоявшими еще подъ навѣсомъ терема и смотрѣвшими на воеводу, наши знакомые по-

клонились имъ и ушли въ чащу лѣса. Приблизившись къ своимъ конямъ, коихъ они оставили въ чащѣ лѣса привязанными къ вѣтвямъ деревъ, путники повели ихъ на поводахъ за собою, и пошли по направленію къ Аскольдову.

На площадкѣ, предъ церковкою, попъ Григорій, окруженный многими крещеными, въ числѣ коихъ были мать воеводы, мать Юніи, сама Юнія и еще нѣсколько близкихъ и знакомыхъ воеводы,—ожидалъ Волчьяго Хвоста и его друзей.

— Попъ Григорій и всѣ наши собрались вмѣстѣ насъ провожать. О, какъ мнѣ тягостна эта разлука! Я оставляю престарѣлую мать и мою Юнію, которую пора бы, и давно пора, назвать мнѣ женою, произнесъ воевода, идя впереди Ивоя и Петра. Хотя онъ желалъ казаться спокойнымъ, но глухой и дрожащій голосъ обнаруживалъ его внутреннее смятеніе; видно было, что душа его болѣла.—Если я и послушался великаго князя и рѣшился вести его воевъ на рать противъ радимичей, то только потому, что великій князь обѣщалъ, въ случаѣ побѣды, не приносить въ жертву идоламъ живыхъ людей крещеныхъ, а признаетъ побѣду за милость Бога небеснаго и Ему поклонится и Его начнетъ исповѣдывать со всѣмъ людомъ.

— Не печалься, воевода! Богъ милостивъ! онъ даруетъ намъ побѣду, и ты еще болѣе будешь любъ великому князю и Юніи, говорилъ Ивой.

— Будемъ молить Его всемогущую благость и Онъ не оставитъ нашу рать безъ побѣды надъ врагомъ, добавилъ Петро.

— Бесѣдовавшіе такимъ образомъ приблизились къ сидѣвшимъ и ожидавшимъ ихъ друзьямъ. Оставивъ, по обыкновенію, коней у дерева, воевода подошелъ прежде къ попу Григорію.

— Дряхлый старецъ, сидѣвшій на обрубкѣ дерева, едва могъ подняться на ноги, и дрожа весь, поддерживаемый Юніею и матерью воеводы, возложилъ изсохшія руки свои на голову воеводы, который склонилъ се предъ старцемъ, принимая его святое благословеніе. Ивой и Петро остановились позади воеводы; всѣ сняли шапки и головные платы.

— Да благословитъ тебя Господь Богъ, Вседержитель, произнесъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ попъ Григорій, возведши очи свои къ голубому небу,... какъ въ то самое мгновеніе изъ чащи лѣса, скорыми шагами вышелъ великій князь, съ слѣдовавшими за нимъ двумя отроками и нѣсколькими мечниками: вдали изъ чащи лѣса, видны были кони великаго князя и его

провожатымъ. Великій князь снялъ шапку и съ замѣтнымъ благоговѣніемъ подошелъ къ попу Григорію.

— Я пришелъ сюда, чтобъ и отъ себя попросить тебѣ, мой милый воевода, благословенія отъ старца Григорія. Я здѣсь не въ первый разъ. Сюда меня въ дѣтствѣ приводила за руку бабка моя и мать, а потомъ я и часто самъ сюда бѣгалъ и слушалъ сладостное для души пѣніе богу крещеныхъ.. Старче Григорій, благослови моего воеводу на рать, попроси Бога, создавшаго всѣхъ и все видимое и не видимое, даровать побѣду оружію моему надъ сопротивнымъ намъ ляхскимъ людомъ, и я возблагодарю Бога небеснаго.

— Да благословитъ тебя, Творецъ вселенной и укрѣпитъ десницу твою на сопротивныхъ воевъ, идущихъ противъ великаго князя нашего, воскликнулъ вдохновенно старецъ Григорій, и въ тоже время, снявъ съ груди своей мѣдный крестъ, далъ его поцѣловать воеводѣ и потомъ, надѣвая на него этотъ крестъ, прибавилъ:

— Прими это непобѣдимое на всякіе супостаты оружіе и побѣди имъ враговъ, на коихъ ведешь вои великаго князя... Потомъ, обратясь къ великому князю, попъ Григорій сказалъ: княже, возложи всю твою надежду на милость Бога незримаго, создавшаго сей міръ; не надѣйся на помощь бездушныхъ идоловъ, кои стоятъ на площадяхъ града твоего, и тебѣ Богъ небесный пошлетъ побѣду надъ ляхскимъ народомъ......

— Возлагаю всю мою надежду на Бога небеснаго, громко и твердо произнесъ великій князь и принялъ въ объятія старца Григорія.

То мгновеніе было поразительное для всѣхъ присутствовавшихъ. Великій князь, впервые заключаетъ въ свои объятія попа крещеныхъ,—того самаго попа, котораго звѣрскіе перунщики жаждали въ продолженіе многихъ десятовъ лѣтъ и еще жаждутъ растерзать на мелкія части...

— Молись, молись, Богу небесному, да пошлетъ онъ мнѣ побѣду! Я твердо вѣрю, что твоя молитва будетъ услышана Богомъ, говорилъ великій князь, прижимая къ груди своей старца.

— Молюсь и буду молить Отца Небеснаго, но и ты, княже уповай на Него......

— Да почіетъ надъ тобою благословеніе и бабки моей—Ольги, да умолитъ она Бога небеснаго о дарованіи тебѣ побѣды, говорилъ великій князь, возложивъ свои руки на голову воеводы,

въ подражаніе попу Григорію. — Если Богъ небесный не услышитъ моей мольбы, какъ мольбы перунщика, то, по молитвѣ бабки моей, да услышитъ онъ мое прошеніе!...

Поблагословивъ воеводу, великій князь обнялъ и его, поцѣловалъ въ уста и сказалъ:

— Ну-прощай, прощай, мой милый воевода!..

— Воевода поцѣловалъ руку великаго князя и потомъ подвелъ ему самъ коня, помогъ сѣсть на него князю и низко ему поклонился. Князь снялъ шапку, обратился къ попу Григорію и произнесъ: прощай, старче, прощайте и вы всѣ, добрые люди! Поворотивъ коня, князь скрылся въ чащѣ лѣса; сопровождавшие его поспѣшили за нимъ.

Едва великій князь скрылся въ густотѣ лѣса, какъ воевода бросился въ объятія своей матери. Сцена была безмолвная. Поцѣлуемъ въ голову сына мать заключила прощанье свое съ нимъ, на глазахъ матери и сына видны были слезы.

Потомъ воевода простился съ матерью Юніи и съ самою Юніею.

— Быть можетъ вы всѣ видите меня въ послѣдній разъ. Мнѣ жаль васъ покидать, но на все воля Божія,—говорилъ воевода, смотря то на мать, то на Юнію...

— Богъ даруетъ тебѣ побѣду надъ врагомъ,—говорила мать воеводы,—но что чувствовало въ ту минуту ея сердце, то знаетъ, каждая мать, разстающаяся съ сыномъ, отправляющимся на смертный подвигъ.

Простился Ивой и Петро съ попомъ Григоріемъ, который и ихъ напутствовалъ своимъ благословеніемъ, простились они со всѣми, и всѣ православные вмѣстѣ съ попомъ вошли въ церковку.

Отецъ Григорій вошелъ въ олтарь, облачился и, растворивъ царскія врата, вынесъ евангеліе, положилъ его на налой и началъ напутственное моленіе. Всѣ пали на колѣна и начали пламенно молиться.

Крещенаго люда столько собралось подъ конецъ молебствія, что церковка не могла всѣхъ вмѣщать, и много народа стояло на дворѣ, вокругъ церковки.

Кончилось богослуженіе, когда уже совершенно стемнѣло.

Вышли изъ церкви, еще разъ сынъ заключилъ въ объятія мать, еще разъ поклонился предъ матерю Юніи и самою Юніею, и потомъ приблизился къ попу Григорію, принялъ и отъ него въ послѣдній разъ благословеніе, приложился къ иконѣ, вышелъ

изъ церковки, поклонился на всѣ стороны собравшемуся люду, подошелъ къ коню, послѣдній разъ поцаловавъ руку матери и, садясь на коня, сказалъ: прощай! сѣлъ но коня и умчался, за нимъ послѣдовали Ивой и Петро.

Въ сумракъ вечера, народъ, собравшійся на прощанье съ воеводой, разбрелся по своимъ жильямъ, душевню прося ему у Бога побѣды надъ ляхскимъ народомъ радимичами.

VII.

Поруганіе Костаремъ идоловъ.

Три Новугородскихъ *гостя*, пріѣхавшихъ въ Кіевъ для продажи *скоръ*, окончивъ благополучно свои дѣла, принесли къ истукану Перуна черного козла; они желали принессніемъ этой жертвы возблагодарить своего славянскаго бога за удачную торговлю, и затѣмъ отправиться въ обратный путь, на родину.

Это совершалось съ восходомъ солнца. Утро было тихое, небо безоблачное, и только что поднявшееся изъ за стѣны бора солнце, освѣтило едва только проснувшійся городъ Кіевъ, и его живописные холмы, удолія, озолотило воды Днѣпра и Почайны и отразилось на серебряной головѣ и золотомъ усѣ Перуна, предъ которымъ стояли, съ торжествующими лицами новугородскіе гости,. положивъ предъ жертвищемъ связанное животное, въ ожиданіи прихода старика Мислава, за которымъ они послали, чтобъ онъ пришелъ и принесъ жертву Перуну.

Гости ждали не долго. Посланный челядинъ, который постоянно находился для людскихъ надобностей, при принесеніи жертвъ Перуну, возвратясь, сказалъ, что старецъ Миславъ безъ Костаря самъ ничего не сдѣлаетъ, что Костарь одинъ только знаетъ порядокъ, какъ слѣдуетъ приносить жертву, а онъ только можетъ ему помогать и помолиться Перуну, чтобы жертва была принята.

Послали отыскивать Костаря, о которомъ Новугородцы слышали, какъ о чародѣѣ и кудесникѣ печенѣжскомъ, но лично его не видѣли и страшились его, чтобы онъ не испортилъ ихъ жертвы, если они какъ либо не угодятъ ему. О старцѣ же Миславѣ слышали, что и онъ часто закалаетъ предъ идолами жертвы и молится имъ о принятіи жертвъ, что онъ не кобникъ и напусковъ на жертвы и людинъ не дѣлаетъ.

Костаря въ его жильѣ не застали, а отыскали его въ поселеніи козарскомъ, пьянымъ. Онъ спалъ подъ деревомъ недалеко отъ почаевской пристани; и вокругъ его забавлялась толпа мальчишекъ, которые наложили ему въ разинутый ротъ листьевъ и привязали за ноги къ дереву. Посланный, разогнавъ мальчишекъ, едва могъ разбудить Костаря; отвязавъ его ноги, помогъ ему подняться. Мальчишки не унялись. Опомнившись нѣсколько, Костарь пустился было преслѣдовать шалуновъ, но посланный объяснилъ, за чѣмъ пришелъ, прибавивъ, что *Новугородскіе гости*, по принесеніи жертвы, ни сколько не медля, отправятся въ свой городъ, и кое-какъ этимъ уговорилъ его идти къ Перуну и принесть жертву.

— А медъ будетъ? спросилъ костарь.

— Будетъ, сколько душѣ твоей угодно.

— То-то! недадутъ меду, и жертва будетъ не въ жертву.

— Нальютѣ тебя полного, — какъ куфу какую медомъ. Гости людъ съ серебромъ и златомъ; не поскупятся для тебя.

— Ну, добро, такъ жертву принесу, — говорилъ, шатаясь и едва едва переступая съ одной ноги на другую, дряхлецъ — Костарь.

— Много ли тебѣ, труха, надобно, чтобы упоить! двѣ капли, вотъ ты и мертвецки пьянъ!

— Лжешь, выпью два турьихъ и еще не буду пьянъ.

— О го.. го! прошло твое, не то теперь! а много ли теперь выпилъ?

— Куфу полную.

— Не бай байки, выпилъ двѣ ложки, вотъ и пьянъ... Ну скорѣе же, вотъ ужъ недалеко...

— Кое какъ дошли къ истукану. Гости отъ нетерпѣнія, ходя вокругъ истукана, устали и одинъ изъ нихъ, досадуя на Костаря, сказалъ:

— Лучше бы по заходѣ солнца было прійти...

— Мы-то пришли, а ты, что горланишъ? а меду приготовилъ? нѣтъ? ну такъ и жертвы не зарѣжу. Давай меду.

— Меду не было. Чтобъ умилостивить кудесника, надобно было послать за медомъ. Послали. Между тѣмъ полупьяный Костарь легъ у подножія стояла Перуна отдохнуть. Гости, въ досадѣ на не своевременное принесеніе жертвы, также усѣлись подлѣ жертвища, гдѣ лежалъ ихъ козелъ. Народъ, шедшій чрезъ перунову площадь, на *Бабій торгъ* и изъ торга въ

Пасынту беседу, Казары и на *Лыбедь*, останавливался на площади и, видя, что будетъ приноситься жертва, да еще Новугородскими гостьми, оставался близъ истукана и мало по малу наполнилъ всю площадь. Безъ праздника сдѣлался праздникъ. Поднялся шумъ и говоръ, какъ и всегда бываетъ при стеченіи большой толпы любопытнаго и болтливаго народа, собравшагося поглазѣть на какое нибудь событіе.

Не больше какъ треэъ часа принесъ челядинъ куфу меда и судину.

— Вотъ тебѣ, кобникъ, медъ и судина; выпьешь? спросилъ гость, у котораго сѣдая и густая борода достигала почти до пояса.

— Выпью, какъ же не выпить; наливай-ка поскорѣе!—

— Гость наполнилъ судину, а Костаръ, съ помощію другаго гостя, который былъ помоложе двухъ своихъ ближниковъ,— привсталъ на ноги и, подойдя къ гостю, наполнившему судину, взялъ отъ него судину и, указывая рукою на истукана Перуна, сказалъ:

— Пью медъ, и желаю, чтобы такъ какъ онъ польется въ мое горло, по лилось вамъ отвсюду злато и серебро; а что до вашей жертвы, которую ввы сюда принесли, то теперь не та година наступила, чтобы людъ за правду думалъ, что этотъ деревяный обтесокъ могъ вамъ принести счастіе или несчастіе. Вѣдь, что ужъ говорить намъ, когда нетолько воеводы, мужи и старцы градскіе, но даже вся *чадь*, мечники, гридни, пасынки отроки, дѣтски и юноши — и тѣ нынѣ только головами киваютъ, проходя мимо Перуна или Чернобога, или Мокоша или Стрибога, говорилъ Костаръ,—мало по малу выпивая изъ судины хмельной медъ.

Народъ отъ удивленія выпучилъ глаза на жреца Перунова и не могъ взять въ толкъ, что говоритъ Костаръ. Одни изъ близъ стоявшихъ къ нему говорили, что онъ отъ старости совсѣмъ потерялъ разсудокъ, другіе утверждали, что онъ пьянъ и незнаетъ что языкъ его болтаетъ... Но нашлись, преимущественно между женами и юницами, которые высказали такую мысль, что пьяный Костарь теперь высказалъ то, что хранитъ на сердцѣ, когда бываетъ трезвъ, что презирать Перуна и боговъ славянскихъ научили его ордынницы велико княжескія, которыя въ любви живутъ съ аскольдовскими крещенками, что ордынницы то и дѣло твердятъ великому князю, что боги сла-

вянскіе—не боги, а полѣно дровъ—чурбаны, что стыдно такому великому въ мірѣ князю, какъ князь кіевскій, покланяться полѣньямъ, а не тому Богу, которому покланяются греки.... Словомъ—толковъ было много, и каждый толковалъ по своему, а между тѣмъ Костарь, осушивъ судину, неохотно принялся за козла. Будучи безсильнымъ, онъ попросилъ, чтобы помогли ему положить козла на жертвище. Для этого надобно было выбрать человѣка, достойнаго такой чести, словомъ угоднаго богу Перуну, иначе жертва не будетъ ему угодна.

— Кто изъ васъ, люди, ближникъ бога Перуна? съ язвительною усмѣшкою произнесъ Костáрь, шатаясь отъ хмѣля то въ одну, то въ другую сторону

— Кромѣ тебя, кобникъ, нѣтъ истиннаго ближника бога Перуна, сказалъ новугородскій гость съ сѣдою бородою, желая этимъ придать болѣе чести Костарю.

— Нѣтъ, друже, и ты такой же ближникъ, какъ и я. поди-ка подымемъ вмѣстѣ, твоя же жертва, отъ тебя Перунъ и приметъ ее.

— Мнѣ не слѣдуетъ это творить.

— Пустое, друже! подымемъ!

— Нѣтъ, не можно.

— Ну такъ давай кого хочешь, а не то я брошу и уйду, а ты самъ управляйся съ своимъ козломъ.

— Нечего было дѣлать! Гость положилъ козла на жертвище съ помощію Костаря.

— А вотъ еще бѣда: ножъ жертвенный тупъ, надобно его поточить, а поточить можно не чѣмъ другимъ, какъ медомъ. Наливай-ка въ судину меду, говорилъ Костарь, взявши жертвеный ножъ съ стояла перунина и повертывалъ его въ рукахъ.

— Поостри, вотъ тебѣ медъ, проговорилъ гость, снова наполнивъ судину изъ куфы и подавъ ее Костарю. Костарь выпилъ медъ, поставилъ судину на стояло, у ногъ Перуна, чего онъ не смѣлъ и не долженъ былъ дѣлать изъ благоговѣнія къ истукану, а потомъ принялся за жертву.

— Вотъ лучше вы бы мнѣ самому принесли въ жертву этого козла; я за ваше здоровье и за ваше счастіе съѣлъ бы его, а то приносите-кому? полѣну, бревну, поганому идолу; пригоже ли теперь кусокъ дерева почитать за бога!...

— Кобникъ, совершай жертвоприношеніе, но не глумись надъ богомъ Перуномъ! помни, что въ его десницѣ громы, а въ шуйцѣ

молніи небесныя: онъ тебя поразитъ, говорилъ старикъ гость, вышедши изъ терпѣнія.

— Кто поразитъ меня? этотъ турбанъ? А поди-ка спроси на аскольдовой-у крещенныхъ, что они тебѣ скажутъ, на какого бога они тебѣ укажутъ?

— Не глумись, не глумись, сдѣлай милость! Богъ нашъ Перунъ, ему предки наши покланялись и чтили его и были счастливы и жили ладно, будемъ и мы слѣдовать ихъ примѣру, и намъ пошлетъ богъ Перунъ счастіе.

— Старая вѣра, старая шутка! теперь ужъ не то; я самъ былъ тридцать лѣтъ кобникомъ Перуна, а что это полѣно мнѣ сдѣлало добраго? что я отъ него получилъ? Бревно, просто бревно, говорю вамъ; а вы еще жертвы ему приносите! Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принесли въ жертву этому чучелу и людей живыхъ, крещеныхъ вярягъ, а какъ теперь великій князь раскаивается, какъ жалѣетъ, что послушался глупаго народа!... Ну козла еще ничего, козла, пожалуй! все таки и мнѣ отъ него какой кусокъ мяса останется.

— Ну приноси-приноси жертву! ты больно пьянъ и болтаешь вздоръ, говорилъ гость.

Идольщики, столповшіеся вокругъ ограды, коею былъ окруженъ истуканъ Перуна разсвирѣпѣли, слыша поношеніе своего бога Костаремъ. Они хотя и свыкались уже съ мыслію, что времена наступили не тѣ, чтобы безпрекословно вѣрить въ всемогущество Перуна и признавать самое вещество, изъ котораго сдѣланъ онъ, за божественное, но закоренѣлое въ сердцахъ ихъ, отъ многихъ лѣтъ изувѣрство не позволяло разсудку ихъ понять, что истуканъ, сдѣланный руками человѣка,—не богъ.

— Совершай правдиво и честно жертву! закричалъ старикъ изъ толпы.

Костаръ оборотился въ ту сторону, откуда услыхалъ эти слова и среди толпы увидѣлъ старца Мислава.

— А, старикъ Миславъ! милости просимъ помочь жертву принесть великому богу Перуну, славянскому полѣну... насмѣшливо говорилъ Костаръ.

— Ну, чтожъ! и помогу, когда ты хмѣленъ, болтаешь пустое и дѣла святаго не творишъ.

— Пью, друже, добрый медъ, значитъ дѣло доброе творю.

Миславъ пробрался сквозь толпу къ жертвищу и, видя, что Костаръ едва держится на ногахъ, взялъ изъ рукъ его жертвен

ный ножъ и принялся съ особымъ благоговѣніемъ возлагать жертву на жертвище.

— Что такъ ухаживаешь за козломъ! вѣдь все равно сгоритъ, а самъ не съѣшъ. Ну, полно съ нимъ возиться! рѣшь его, а я вотъ подожгу кладь, болталъ хмѣльной Костарь.

— Не мѣшай,—не мѣшай! что претишъ святое дѣло творить! слышались голоса изъ толпы, но Костарь не обращалъ на нихъ вниманія и засуетился подлѣ костра, пылавшаго у подножья Перуна.

— Прочь его! крикнулъ какой то старикъ, стоявшій въ толпѣ.

— Кого-прочь? спросилъ Костарь.

— Тебя! повторилъ старикъ, ты стараго бога нашего не честишъ а безчестишъ; ты забылъ, что имъ живешъ и дышешь.

— Этимъ чурбаномъ? кажись что нѣтъ, а живу потому, что не умеръ еще, вотъ и все, а Перунъ этотъ, что онъ мнѣ или тебѣ? вотъ тотъ Перунъ, что на небѣ, вотъ тотъ дѣло иное!...

— Пьяница, да мы тебя деревяными пилами пополамъ распилимъ, да мы тебѣ желѣзный гвоздь въ голову вколотимъ!... Прежде былъ такой почтительный, такой усердный къ великому богу, а вотъ какъ по наслушался крещеныхъ-аскольдовцевъ, да козаръ, такъ и запѣлъ иную пѣсенку!...

— Старинушка, не шуми! не то напущу злую годину...

Въ продолженіе этого разговора Миславъ успѣлъ заколоть козла и собрать въ сосудъ его кровь. Послѣ наставленія и упрековъ старика, и Костарь, казалось, началъ усерднѣе ухаживать возлѣ жертвы, когда же онъ разрѣзалъ козла и обнажилъ его внутренности, то къ жертвищу подбѣжали двѣ женщины и хотѣли было гадать по внутренностямъ животнаго, но Костарь оттолкнулъ ихъ и, вырвавъ изъ рукъ ихъ внутренности, хотѣлъ было бросить ихъ въ лице женщинъ!...

— Да-что, онъ, пьянъ!...

— Вонъ его!

— Разорвать его на части, кричалъ народъ, недовольный поступками Костаря.

— Да-что я вамъ! да я всѣхъ васъ превращу въ такихъ же козловъ, какъ вотъ этотъ, котораго сейчасъ зарѣзали, а васъ, гадальщицы-боярини въ сѣрыхъ кошекъ...со мною не шутки! о, я хоть, и хмеленъ, да свое дѣло знаю!

— Незнаешъ! гадина подземная, незнаешь, потому что великаго бога Перуна поносишъ, онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ...

— Кто? вотъ этотъ чурбанъ? а вотъ ему сладкій кусъ! въ остервеніи сказалъ Костарь и бросилъ на истуканъ всю внутренность животнаго.

— Посрамленіе великаго бога!

— Такого сраму отъ вѣкъ вѣчныхъ не было! да это небывалое и не слыханное богохульство!...

— Смерть ему!

— Растерзать его!

— Убить его! кричалъ народъ.

—Отвесть въ каменный теремъ, пусть судитъ его великій князь.

— Отвесть!

— Отвесть!

— Берите его, берите!

Костаря схватили. Онъ, дряхлый, хмельной и немощный, конечно, немогъ сопротивляться. Его отвели отъ идола и повели по дорогѣ къ терему. Толпа народа перестала смотрѣть на жертвоприношеніе и потянулась за Костаремъ,

— Ну, для чего ведете вы меня къ великому князю?

— Ты повиненъ смерти!

— Тебя казнимъ!

— Ты поругался надъ нашимъ богомъ, ты осрамилъ великого Перуна.

— Богъ на небѣ, самъ великій князь это знаетъ и говорилъ, а Перунъ, стоящій на площади, кусокъ обдѣланнаго дерева, идолъ, скажите это, и я повторю тоже и предъ княземъ.

— Молчи, не то мы тебя еще здѣсь на части разорвемъ, вопили ведшіе Костаря.

— Не велика бѣда; ну разорвите и не будетъ у васъ Костаря кобника и ближника, а потомъ, что будетъ?...

— Оставьте его, онъ пьянъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ не помнитъ себя, говорили иные въ толпѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ—оставьте его!...

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ опозорилъ нашего древняго бога; онъ зараза для нашихъ юнцевъ и дѣтей; онъ научаетъ ихъ не чтить древнихъ боговъ, а поклоняться богу крещеныхъ,—мы этого не хотимъ, мы его убьемъ!...

Костаря внесли въ ограду окружавшую каменной теремъ и дворъ теремной наполнился до того народомъ, что если бы бросить въ народъ яблоко, то оно не упало бы на землю.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОВРЕМЕННЫЕ ОЧЕРКИ.

Мимолетная тучка.

II.

Въ концѣ сентября 1864 года, въ воскресный день, крестьянинъ села Ивановки Павелъ Павлюкъ, часу въ пятомъ вечера, возвращался домой изъ ближайшаго отъ его села мѣстечка Чернилова. Надвинувъ на лобъ свою высокую сѣрую баранью шапку, онъ слегка и какъ бы машинально стегалъ батогомъ своихъ старыхъ гнѣдыхъ клячь, а судя по сдвинутымъ сѣдымъ бровямъ Павлюка, по его унылой и мрачной физіономіи, не трудно было догадаться что онъ былъ чѣмъ то сильно огорченъ. Миновавъ длинную плотину и выѣхавъ въ село, Павлюкъ, не доѣзжая еще нѣсколькихъ сотъ шаговъ до своей пространной и опрятной хаты, увидѣлъ уже, что его жена Хылька стояла у воротъ и видимо его ожидала.

— Буде тобі! ой буде, буде!.. тоскливо проворчалъ Павлюкъ, увидѣвъ свою жену.

А горщки де? заглядывая въ возъ строго спросила Павлюка Хылька, въ ту минуту, когда онъ остановилъ своихъ гнѣдыхъ, подъѣхавъ къ хатѣ. Хылька была нрава суроваго и Павлюкъ порядочно таки потрухивалъ ее, но на этотъ разъ онъ даже и не отвѣчалъ женѣ на ея грозный вопросъ, а только слѣзши съ воза началъ выпрягать клячь.

— Чы ты оглухъ, чы ты сказывся (сбѣсился)? флегматически, но съ непоколебимою вѣрою въ силу своей власти проговорила Хылька, глядя на своего все еще молчавшаго мужа.

— Буде тобі—сказывся! отвѣчалъ наконецъ Павлюкъ—бида!

— Яка тамъ бида?

— А така що не до гарщкивъ теперь.

— Не до гарщкивъ? Або що?

— На панщыну повертають, отъ що!

Хылька остолбенѣла. За секунду предъ симъ она собиралась бранить своего мужа, но, услыхавъ сообщенное имъ громовое извѣстіе, забыла и думать не только что о горщкахъ, но даже и о томъ, что мужъ, вопреки ея воли и безконтрольному приказу, осмѣлился не купить ихъ.

— Тату, тату! а бынды (ленты) купылы? радостно спрашивала, выскочившая въ эту минуту изъ хаты, шестнадцатилѣтняя красавица Хрыстя, дочь Павлюковъ.

— Видчепысь (отвяжись), не до бындъ теперъ,—угрюмо отвѣтила Хрысти мать.

— На своихъ заручинахъ я буду безъ новой бынды, сказала пригорюнясь и надувъ коралловыя губки Хрыстя, и недавняя радость въ одно мгновеніе улетѣла.

— И не до заручинъ теперъ! сказалъ Павлюкъ, грустно махнувъ рукой.

Услыхавъ сказанныя отцомъ слова Хрыстя подумала было не нализался ли ея отецъ въ мѣстечкѣ, а то иначе, какъ бы онъ могъ утверждать, что на бѣломъ свѣтѣ можетъ быть что нибудь важнѣе бындъ и ея обручинъ съ «мылымъ сердцю» Карпомъ? Предположеніе, что отецъ пьянъ, на минуту нѣсколько успокоило Хрыстю, но тутъ же слова отчаянной матери повергнули ее въ неописанное уныніе.

— Чыжъ ты не чуешь дурна, що мужыковъ на панщыну повертають? сказала мать дочери. Хрыстя въ ужасѣ сплеснула руками, барщина казалась ей въ стократъ хуже чумы и въ отчаяніи она начала рыдать.

— Пишла, скажена до хаты! прикрикнула мать и, всегда послушная родительской волѣ, Хрыстя сейчасъ ушла.

— Кто же це тобі разказывавъ? спросила, послѣ ухода дочери, Хылька мужа.

— Въ мистѣ, Квятковскій разсказывавъ.

— Квятковскій? повторила Хылька и опечалилась больше прежняго.

— Шляхтичь Квятковскій былъ хорошимъ знакомымъ Павлюковъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти и слылъ вообще человѣкомъ, хотя и хитрымъ, но солиднымъ, который, слѣдовательно вздору молоть не станетъ. Если бы еще у Квятковскаго были прежде крестьяне, то пожалуй и можно было бы заподозрить его въ томъ, что онъ мечтаетъ о возвратѣ недавняго залотаго панскаго вѣка, но такъ какъ у Квятковскаго отъ роду крестьянъ не бывало, слѣдовательно, такъ какъ по всей вѣроятности, его очень мало интересовало и интересуетъ работаютъ ли крестьяне барщину или нѣтъ, то собразивъ все это Хылька, такъ же какъ и мужъ ея, рѣшила въ умѣ своемъ, что сообщенное Квятковскимъ извѣстіе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Квятковскій былъ прежде экономомъ въ Ивановкѣ; а такъ какъ Павлюкъ былъ самымъ зажиточнымъ тутъ крестьяниномъ, то и неудивительна ихъ старая дружба. Квятковскій, какъ и подобаетъ быть эконому, былъ страшнымъ взяточникомъ, а съ

кого же, въ прежнія блаженныя времена, было всего удобнѣе ему брать взятки, какъ не съ зажиточнаго мужика? Квятковскій и не дремалъ: ежели напримѣръ случалось, что лошади Павлюковы забредутъ на помѣщичье поле, или Павлюковы свиньи поцарапаютъ кое гдѣ барскій огородъ, то Квятковскій, строго бывало каравшій подобнаго же рода преступниковъ, Павлюка покроетъ, а сей послѣдній, по чувству благодарности и тащитъ въ этотъ же день миску меду или копу яицъ, но Квятковскій былъ себѣ на умѣ.

— Медъ медомъ, говаривалъ онъ при подобныхъ случаяхъ Павлюку, а два злотыхъ, коханый мій братику, таки подавай.

Почешетъ, бывало, услыхавъ эти слова Павлюкъ, затылокъ, а все таки кончается тѣмъ, что 30 коп. перейдутъ изъ кожанаго кисета Павлюка въ карманъ Квятковскаго.

Собирая такимъ образомъ, гдѣ злотые, гдѣ гроши, а вчастую поживившись и на панскомъ гумнѣ, Квятковскій собралъ было таки малую толику на черный годъ, но года три тому назадъ съ нашимъ предусмотрительнымъ шляхтичемъ случился такой казусъ, что онъ обѣднѣлъ. Принципалъ Квятковскаго занялъ у всѣхъ своихъ офиціалистовъ и у сосѣднихъ жидковъ, гдѣ сколько можно было, а вслѣдъ за тѣмъ и обанкрутился. Ивановка продана была съ публичнаго торга. Жидки имѣли векселя и получили по сороку копѣекъ за рубль, а офиціалисты, давая своему принципалу деньги изъ уваженія къ ясневельможному пану, не взяли, не то что векселей, но даже и простыхъ квитковъ, а потому не получили ни гроша. Отъ такой спекуляціи пропало и три тысячи злотыхъ Квятковскаго, что составляло все его имущество. Сначала пріунывъ Квятковскій опустилъ было руки, но потомъ взявшись за умъ, нанялъ у новаго владѣльца Ивановки, *поедынокъ* (9 десятинъ) поля и кое какъ перебивался. Быть можетъ Квятковскій и вполнѣ утѣшился бъ, еслибъ у него не было и другаго постояннаго горя, въ видѣ двадцатилѣтняго, какъ говаривалъ самъ Квятковскій, ни къ чорту негоднаго болвана сына. И дѣйствительно молодой Ясь, былъ таки порядочный болванъ: не смотря на всѣ усилія отца, не смотря даже на постоянную добрую нагайку, старую и добрую знакомую Ясиной спинѣ, онъ не научился ни писать ни читать. Къ полевымъ работамъ Ясь чувствовалъ шляхетное отвращеніе, да наконецъ и самому старику Квятковскому казалось постыднымъ, чтобы его Ясь, родной сынъ пана эконома, работалъ на равнѣ съ какимъ нибудь простымъ мужичьемъ. У Яся былъ только одинъ талантъ, а именно: необыкновенная способность съѣдать огромное количество разной про-

визіи съ непостижимой быстротой. Въ особенности онъ мастеръ былъ уничтожать любимые имъ столько же какъ и его отцемъ гречаныя голушки съ саломъ. По шляхетскому обычаю у Квятковскаго за столомъ вся семья ѣла изъ одной общей миски. Поставятъ бывало миску съ голушками, старикъ не успѣетъ еще и оглянуться, а его любимыя голушки одна за другой мелькнутъ въ пасть Яся, скользнутъ по его горлу и плотно улягутся въ его животѣ. Досадно было Квятковскому, сильно хмурилъ онъ свои сѣдыя брови при видѣ пустой миски. Въ прежнія времена достатка Квятковскій сносилъ еще кое какъ сыновній аппетитъ, oto swinia podła, бывало скажетъ онъ, и прикажетъ женѣ прибавить изъ горшка галушекъ,—теперь же, когда приходится кровавымъ потомъ добывать себѣ не только голушки съ саломъ, но даже и черствый кусокъ хлѣба, Квятковскій сильно началъ подумывать о томъ, какъ бы сбыть съ своихъ рукъ да перевести на чужой дворъ обжору. Подумавъ, погадавъ, Квятковскій рѣшилъ, что удобнѣе всего женить Яся и сдать его въ чужую зажиточную семью какого нибудь крестьянина. Шляхетскій гоноръ и сильно страдалъ отъ такихъ связей, но все таки онъ обратилъ свой экономическій взоръ на единственную дочь богатаго крестьянина Хрыстю Павлюкову. Дней за десять до описаннаго выше дня, встрѣтивъ Павлюка въ корчмѣ, Квятковскій сдѣлалъ ему предложеніе. Павлюкъ согласился, Хылька не рѣшалась, а Хрыстя отказала на отрѣзъ. Въ тотъ же вечеръ пришли въ Павлюкову хату сваты отъ сына зажиточнаго сосѣда крестьянина Карпа, а Хрыстя, хотя по дѣвичьему обычаю и поколупала стыдливо спину и плечи, но все таки объявила что Карпъ ея коханый, что Карпъ ея жаданы и что она ни чьей, кромѣ Карпа, женой не будетъ.

— На чорта намъ ляшок, та ще прыдурковатый, сказала Хылька мужу. Въ домашнемъ совѣтѣ рѣшено было, что за недѣлю «отъ *недѣли* будутъ Хрысти съ Карпомъ заручины.

Въ описанный нами день, т. е. въ день обручинъ, Хылька зарѣзала *курку*, заколола *порося*, наварила, напекла, а между тѣмъ привезенное Павлюкомъ изъ мѣстечка страшное извѣстіе, какъ мы это видѣли, разстроило всѣ планы. Не успѣла покорная родительской волѣ Хрыстя скрыться въ хату, какъ Павлюкъ и Хылька увидѣли, что Квятковскій вошелъ къ нимъ во дворъ.

— Помогай Богъ, куме! Якъ ся маете? сказалъ Квятковскій, снисходя, въ надеждѣ спасенія своихъ голушекъ, съ своего величія до того, что заговорилъ съ Павлюкомъ не на приличномъ его сану польскомъ, а на простомъ мужицкомъ нарѣчіи.

— Злецько маемся пане! грустно отвѣтила Хылька.

— А що?

— Тожъ Павло каже, що вы расказывали въ мисти що насъ на панщину повертають

— Правда, кумо, правда повертають.

— Хто жъ вамъ цэ казавъ?......

— Въ барабаны въ Старомиколаевы публикованы.

— Въ барабаны публикованы! всплеснувъ руками повторила Хылька; ноги ея подкосились и убитая горемъ она сѣла на землю.

Квятковскій вралъ. Правда, что у него нестало бы на столько изобрѣтательности, чтобы самому придумать возстановленіе барщины, но все таки онъ вралъ. Въ дѣйствительности вотъ какъ было дѣло. Не задолго до описаннаго нами дня новый владѣлецъ Ивановки, адвокатъ Вонжаровскій, получилъ отъ народоваго жонду предписаніе, стараться всѣми мѣрами лично и посредствомъ своихъ кліентовъ всячески бунтовать *руссиновъ*. Получивъ предписаніе Вонжаровскій поодиночкѣ призывалъ къ себѣ всѣхъ живущихъ въ Ивановкѣ и въ ея окрестностяхъ шляхтичей и по секрету (по секрету!) объявлялъ имъ, что получилъ самое достовѣрное свѣдѣніе, что снова возстановляется барщина. Сначала эта новость понравилась Квятковскому съ одной только и именно съ поэтической стороны. Онъ припомнилъ себѣ съ какимъ бывало наслажденіемъ давалъ волю своимъ батогамъ! и это воспоминаніе радостно взволновало его шляхетску *крéвъ*. Но увы! Квятковскій уже болѣе не экономъ, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, ему не случится болѣе наслаждаться, но всежъ таки ему хоть удастся быть свидѣтелемъ милаго его шляхетско-экономскому сердцу дивертисмента! Впослѣдствіи же, вникнувъ поглубже въ суть дѣла, Квятковскій нашелъ вѣсть о возстановленіи барщины интересною не только съ поэтической, но и съ практической стороны, вѣдь его Ясь вольный шляхтичь: на барщину его не закабалятъ, такъ кто знаетъ, быть можетъ теперь, при перемѣнѣ обстоятельствъ, Павлюкамъ болѣе понравится вольный Ясь чемъ хлопъ Карпо? Вслѣдствіе этаго глубокомысленнаго соображенія, Квятковскій прежде попугалъ въ мѣстечкѣ Павлюка барщиной, а потомъ и явился съ дипломатическою цѣлію во дворъ Павлюковой усадьбы.

— Бачыте кумэ, не хтелысте витдаты дочки за мово Яся, а теперъ отдасьте за панщенного, угрожающимъ голосомъ сказалъ Квятковскій.

— Не витдамъ за панщеннаго! отозвался первый Павлюкъ.

— Лишше въ магылу! добавила Хылька.

— А попомните за мого Яся заключилъ Квятковскій.

На минуту всѣ замолчали.

— Чуешъ Павло пійдемъ до корчмы; може тамъ щось довидаимыся, спохватилась Хылька.

— Пійдемъ, отвѣтилъ Павло.

— Идите, идите, съ увѣренностью проговорилъ Квятковскій. Корчма была не болѣе какъ въ трехъ стахъ шагахъ отъ Павлюковой хаты и черезъ нѣсколько минутъ, Павлюкъ, Хылька и Квятковскій были уже возлѣ нея. Возлѣ корчмы была, какъ это обыкновенно бываетъ не только что въ воскресенье, но часто и въ будніе дни, не смотря на всѣ запрещенія и мироваго и волостнаго,—куча народа. Мѣстный артистъ коваль игралъ на скрыпкѣ, молодежъ неистово отплясывала, а старики, покуривая люльки важно толковали о мирскихъ дѣлахъ.

— Помогай Богъ, сказалъ Павлюкъ, обращаясь къ громадѣ.

— Помогай Богъ отвѣтили Павлюку.

— А чулысте биду? спросилъ Павлюкъ обращаясь къ иванковскому народному мудрецу Данилѣ Данилюку.

— Яку биду? отозвался Данилюкъ.

— На панщыну повертають.

— Що! що кажете протянулъ Данилюкъ, а люлька его такъ и вывалилась изо рта.

— Квятковскій разказуетъ.

Толпа мужиковъ окружила Квятковскаго.

— Кто цэ вамъ казавъ? Дэ вы цэ чулы? спрашивали на перерывъ одинъ передъ другимъ мужики.

— Въ Старомыколаеви въ барабаны публикованы.

— Въ барабаны публикованы!

Страшное извѣстіе распространилось въ одну минуту въ толпѣ. Молодежъ перестала плясать, артистъ играть, въ ужасѣ всѣ повѣсили головы.

— Ой лыха годына! ой горенько наше! восклицали тамъ и здѣсь въ толпѣ, а Квятковскій! межъ тѣмъ шептался съ Беркомъ, жидомъ арендаторомъ; а Берко весело кивалъ ему своей рыжей бородкой.

— Чы вы показылыся? отозвался наконецъ сельскій староста, высокій и статный мужчина. Квятковскій брешеть, а вы слухаете! Чыжъ цэ може буты що бы царь зломавъ свою руку?

— Бреши, Квятковскій, бреши! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Спытайся соби Берки, отвѣтилъ Квятковскій.

Какъ за минуту предъ симъ Квятковскаго, такъ теперь Берка, окружила толпа, а Берко подтвердилъ, что онъ давно слыхалъ о поворотѣ мужиковъ на барщину, но что онъ, боясь опечалить громаду, изъ любви къ ней не распространялъ этаго страшнаго извѣстія; теперь же когда все равно громада объ этомъ знаетъ, то онъ Берко объявляетъ, что мужики опять будутъ работать панамъ барщину!

Опять опечалились ивановскіе мужички, а многіе изъ нихъ, разумѣется, по преимуществу посѣтители Берки, тутъ же рѣшили, что такъ какъ теперь оброковъ платить не нужно, и такъ какъ все равно приходится погибать на барщинѣ, то и денегъ не для чего хранить, а лучше ихъ пропить. Водка потекла ручьемъ изъ Берковой бочки, а счастливый арендаторъ, опять шептался съ Квятковскимъ и весело кивалъ ему бородкой.

— Пійдемъ до хаты, сказала Хылька мужу.

И они пошли. Квятковскій вмѣстѣ съ ними. Во всю дорогу онъ съ жаромъ описывалъ преимущества своего Яся передъ Карпомъ.

— Биглэ лиише за Яся! сказалъ наконецъ, пристально глядя женѣ въ глаза, Павлюкъ въ ту минуту, когда они вошли въ хату.

— Не хочу за Яся—Хрыстя плакаты буде, отвѣтила Хылька.

— Не хочешь за Яся? хочешь за панщиннаго, спрашивалъ Квятковскій. А помятаете кумо, якъ литъ съ пятнадцять тому, разъ въ ночи, прышлы со двора панскіе казаки и повелы васъ до пана. Якъ посля вы хотѣлы въ рѣчьцѣ утопытыся, якъ Павло плаковъ?

— Не кажысь, не кажысь! грозно перебила Хылька Квятковскаго, и при воспоминаніи о случившейся съ нею въ ея молодости страшной катастрофѣ, въ глазахъ у нея сверкнулъ огонь.

— Такъ буде и съ Хрыстею добавилъ Квятковскій.

— Не витдамъ за панщиннаго! не сгублю своей детыны! Лиише въ могилу Хрыстю! воскликнула Хылька. Нехай буде воля Божья, — не хай иде за Яся!

Услыхавъ слова матери Хрыстя прежде побледнѣла, а потомъ выскочила вонъ изъ хаты и выбѣжала на улицу. Старики принялись толковать о предстоящей свадьбѣ, а черезъ нѣсколько минутъ Хрыстя возвращалась уже вмѣстѣ съ блѣднымъ и дрожащимъ Карпомъ.

— Мамо, тату! Голубоньки вы мои! Чыжъ то може буты?

стенал Карпо, войдя въ хату и въ отчаянiи падалъ въ ноги, то отцу, то матери своей недавней еще невѣсты.

— Пійду въ ричку утоплюся! рыдая говорила Хрыстя.

— Не витдамъ за панщиннаго, не сгублю своей детыны, повторялъ Павлюкъ.

— Голубонько мой Карпо! Чыжъ тобі нема дивка опричь нашей Хрысти? проговорила тронутая Хылька.

— Коханая моя, жаданая моя! Чыжъ я ее не любывъ.

— Ой не любишь ты ее, отозвался Квятковскій.

— Не кажысь, пане Квятковскій! не гнѣвайте Бога!

— Якъ бы ты ее любывъ, то не хтялъ бы сгубыты.

— Хрыстю сгубыты!

— Альбожъ не буде вона сгублена, якъ поженуть отъ недѣли до недѣли на панщыну? Пійдуть и кони, пійдуть и коровы, а сама якъ не выйде ще до свита на панщыну, то и дадуть въ шкуру!

Страшное предвѣщаніе Квятковскаго до того ошеломило Карпа, что онъ растерялся и не зналъ что отвѣтить, а Хрыстя продолжала громко рыдать.

— Бачишъ що Квятковскій ма рацію, сказалъ Павлюкъ Карпу.

— Карпо простоялъ еще молча съ минуту, а потомъ и вышелъ изъ хаты.

— Нехай не Карпа, да не хочу и Яся! воскликнула Хрыстя послѣ ухода Карпа.

— Чы ты сказылася Хрыстя? отозвался отецъ. Маты наварыла, напекла, я взявъ въ корчмѣ видро гарылки, тай щобъ не було заручинъ.

— Не дуры, дивка, пійдешь за Яся! сказала Хылька, идить пане Квятковскій, клычни пани и свого Яся.

Квятковскій, разумѣется, не заставилъ себя долго просить; съ быстротою юноши онъ побѣжалъ за своей дражайшей половиной и за милымъ сынкомъ.

— А галушки будутъ? былъ первый вопросъ Яся, когда онъ вошелъ въ хату невѣсты.

— И съ масломъ, и съ саломъ, и пшеничныя, и гречаныя отвѣтила Хылька.

Вскорѣ собрались и гости: пономарь, гуменный съ женой, побережникъ (полѣсовщикъ) съ дочкой и нѣсколько человѣкъ почетныхъ крестьянъ. Пани Квятковская, какъ и подобаетъ особѣ аристократическаго происхожденія, усѣлась на почетномъ мѣстѣ, т. е. въ углу подъ образами, Хрыстя все еще продолжала громко рыдать въ углу у печки, а Хылька собиралась было уже тор-

жественно передать родителямъ жениха обручальную хустку (платокъ), какъ неожиданное обстоятельство сразу все повернуло въ верхъ дномъ.

Послышался звонъ колокольчика.

— Чы не становый часомъ? спросилъ Павлюкъ.

— А якъ становый то що? отвѣтилъ Квятковскій. Пріихавъ и поиде къ чорту.

— Добре вамъ казаты пане Квятковскій, сказалъ Павлюкъ. Може вонъ прыихалъ пытаты за магазинъ, а выжъ знаете, що я магазинный.

— Вставъ коло корчмы, продолжалъ Павло, услыхавъ что колокольчикъ затихъ. Трэ (нужно) мни итты, може буде яки прыказъ. Посэдить,—я заразъ вернуся.

И Хылька и гости, разумѣется, понимали важность дѣла и потому не удерживали Павлюка; онъ вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и любопытный Квятковскій. Когда они подошли къ корчмѣ, то увидѣли, что дѣйствительно пріѣхавшій въ село становой сидѣлъ въ своей брычкѣ, а толпа мужиковъ почтительно и безъ шапокъ окружала его.

— Не вѣрьте, это ложные слухи; на барщину васъ никогда не возвратятъ, говорилъ становой сильно обрадованнымъ мужикамъ. Что сказалъ русскій Царь, того ничто на свѣтѣ измѣнить не можетъ, прибавилъ онъ.

— А бычите, я вамъ казавъ, що Квятковскій бреше, отозвался староста, обращаясь къ толпѣ.

— Доставить Квятковскаго въ становую квартиру, продолжалъ становой, обратясь къ старостѣ.

— А отъ винъ и самъ ваше в-діе, сказалъ староста, завидѣвъ приближавшагося Квятковскаго.

— Какъ ты смѣешь распространять ложные слухи? прикрикнулъ становой на Квятковскаго.

— Я тоже слыхалъ, вельможный пане, оправдывался струсившій Квятковскій.

— Кто тебѣ говорилъ..

— Берко говорилъ.

— Неправда, неправда, вопилъ, поблѣднѣвъ, Берко.

— Правда, правда и Берко говорилъ, увѣряли мужики.

— И Берка доставить въ становую квартиру.

— Ясне пане! Да чѣмъ же я виноватъ? Квятковскій говорилъ, что это панъ Вонжаровскій расказывалъ.

— А! Вонжаровскій? Старый плутъ!—Доставить и Берко и

Квятковскаго! А васъ, крестьяне, я убѣждаю впередъ не вѣрить ложнымъ слухамъ.

— Ну, пошелъ! крикнулъ становой своему кучеру.

Колокольчикъ становаго опять зазвенѣлъ, брычка его завернувъ за уголъ корчмы скрылась изъ виду, а восторженные мужики все еще отвѣшивали низкіе за добрую вѣсточку поклоны. Ясв во время отсутствія Павлюка и контроля со стороны отца до того надоѣлъ Хылькѣ требованіемъ гречаныхъ галушекъ съ саломъ, что та, вопреки обычаю, не дождавшись общей трапезы, насыпала ему огромную миску, которую тотъ уничтожилъ съ такой непостижимой быстротой, а потому такъ усердно началъ упрашивать другой миски, что смѣтливая Хылька испугалась и подумала: не навариться мнѣ будущему зятю галушекъ, а въ это время материнское сердце пани Квятковской невыразимо наслаждалось при видѣ блаженства ея сынка.

— Сбрехавъ, сбрехавъ! не буде панщыны! радостно воскликнулъ Павлюкъ, вбѣгая въ свою хату.

— Кто сказавъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

Становой!

— Хвалыть Господанька! воскликнула, всплеснувъ руками Хылька.

— Пани Квятковска! идыте хутенько (скорѣе) до корчмы.

Вашего человѣка въ полицію беруть! сказалъ Павлюкъ.

Нашлы въ кристовскомъ спискѣ? съ ужимкой спросила Квятковская.

— Не за то, а за тэ, що сбрехавъ о панщынѣ.

— Изъ этихъ словъ пани Квятковская ни чего не поняла но, разумѣется, все таки полетѣла, къ своему арестанту?

— Иды соби и ты вражый ляхтля! Витдамъ Хрыстю за Карпа, сказала Хылька Ясю, который нимало не смутившись сообщеннымъ ему извѣстіемъ, преспокойно улепетывалъ вторую миску галушекъ.

— Пійду, пійду, нехай галушки доимъ, простодушно отвѣтилъ незлобивый Ясь.

— Ой мамо, ой тату! Ой серденько ими! восклицала въ тоже время восхищенная Хрыстя.

Квятковскаго и Берка отвели въ становую квартиру; Вонжаровскаго арестовали; Хрыстя въ тотъ же вечеръ обручилась съ счастливымъ Карпомъ, а авторъ этаго разказа порадовался и за Хрыстю и за Карпа, а еще болѣе тѣмъ, что недавній еще предметъ тоски и ужаса въ селѣ—полицейскій колокольчикъ, теперь

уже не тревожитъ ни сердца, ни кармана его, а волнуетъ душу не тоской и ужасомъ, но противоположными чувствами, безпрестанно извѣщая о благодѣтельныхъ, благоразумныхъ и предупредительныхъ распоряженіяхъ правительства.

Шигаринъ.

12 февраля 1865 г. С. Писаревка.

Письма изъ западнаго края *)

IX.

Г...... Л...... Н...... у,

Вильна 1 *іюня* 1864 *года.*

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ говорилъ я о старомъ товарищѣ нашемъ, артиллерійскомъ капитанѣ Д... На дняхъ я съ нимъ встрѣтился: все тотъ же; ничего не перемѣнился.

А сколько ужъ лѣтъ незамѣтно прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ Польшѣ
И сколько вина ужъ съ тѣхъ поръ протекло
А чистой воды еще больше... и т. д.

(*Ширковъ*).

Меня судьба гоняла изъ одного края въ другой, Д. все время, т. е. болѣе десяти лѣтъ, не оставлялъ Польши и западныхъ губерній.

Заговоривши разъ о капитанѣ Д. надобно познакомить васъ съ этою типическою личностью... Д. еще въ тридцатыхъ годахъ вышелъ изъ фельдфебелей дворянскаго полка въ артиллерію, не столько по успѣхамъ въ наукахъ, сколько по отличію во фронтовомъ образованіи. Плавность ординарческаго его шага была изумительна: поставятъ ему на киверъ полный стаканъ воды—ни капли не прольетъ, а тѣло вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ должный наклонъ. До одного никогда не могъ онъ дойти, хотя по собственному признанію это его мучило денно и нощно, не умѣлъ онъ ломать приклада при вскидѣ ружья на краулъ, какъ это дѣлалъ Х***, старый кадетъ, занимавшій крайнее мѣсто съ лѣваго фланга на задней скамейкѣ.

Тутъ необходимо сдѣлать маленькое отступленіе. Х*** это тотъ самый пѣхотный офицеръ, который подъ Севастополемъ,

---

*) Первыя восемъ писемъ были помѣщены въ «Военномъ Сборникѣ».— *Ред.*

во время самой горячей перестрѣлки, ложился спиною на брустверъ, поднималъ въ такомъ положеніи ноги, и дрыгая ими въ воздухѣ, кричалъ непріятелю: «ну—валяй на полную пенсію»! Желаніе Х*** не осуществилось, онъ остался съ ногами; въ послѣдствіи, однакожъ, на одной изъ ночныхъ вылазокъ, получивъ сильную контузію, удостоился покровительства комитета о раненныхъ, и попалъ въ городничіе; не посчастливилось Х*** на новомъ поприщѣ: этаго гомеровскаго героя выключили изъ службы за взятки.

Хоть грустно, надобно признаться, что Х***ы у насъ явленіе не исключительное. Чтожъ это такое? Неужели, какъ увѣряютъ иностранцы, полуцивилизація испортила насъ до костей?— Нѣтъ, мы не испорчены, кости наши цѣлы, кожа только потрескалась отъ нѣмецкаго лоска. Очистимъ же русское поле отъ иноземныхъ плевелъ, засѣемъ его русскою пшеницей — и черноземная сила возьметъ свое; преобразуемъ нѣмецкія наши заведенія въ русскія училища, и мы скоро переживемъ поколѣніе Х***овъ. — Для насъ все еще впереди. Пойдемъ же живѣе ребята! Отъ начальства задержки нѣтъ; тихій шагъ уничтоженъ;—введенъ шагъ бѣглый!

Вернемся однакожъ къ капитану Д... Кромѣ ломки приклада при вскидкѣ на краулъ не давался ему еще одинъ предметъ: нѣмецкій языкъ; но это нисколько его не мучило, и понынѣ не мучитъ. Напротивъ того, онъ гордится отвращеніемъ своимъ къ этому діалекту, такъ, что, подъ веселый часъ, расказываетъ какъ онъ новичкамъ, говорящимъ по нѣмецки, ловко давалъ под... затыльники.

Ненависть свою ко всему нѣмецкому Д. перенесъ на все *не русское;* вотъ почему, встрѣтившись съ нимъ послѣ долголѣтней разлуки, я и не счелъ нужнымъ задавать ему обычныхъ политическихъ вопросовъ, съ которыми въ здѣшнемъ краѣ въ настоящее время встрѣчаются русскіе; я только съ извѣстной интонаціей, и употребляя его любимое выраженіе, спросилъ: «ну что батюшка, вы имъ хорошо завинтили?»

— Да, почтеннѣйшій, отвѣтилъ мнѣ Д. съ многозначительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустной улыбкой: завинтили мы имъ винтъ не простой, а Архимедовъ.

Не знавъ никогда за Д. никакихъ механическихъ познаній, я полюбопытствовалъ узнать, что онъ подразумѣваетъ подъ архимедовымъ винтомъ?

— Винтъ съ глубокими нарѣзами и безъ шляпки! — объяснилъ онъ мнѣ.

«Вотъ оно что! ну теперь понимаю.»

— Противу польскихъ агитаторовъ, продолжалъ Д., это единственно дѣйствительная система....

«Да вы уже понѣмецки выучились говорить, остановилъ я его. *Агитаторы, система.*

— Время почтеннѣйшій такое, что поневолѣ у прапорщиковъ и по нѣмецки выучишься!

Я вздохнулъ съ добрымъ Д., но собственно за него успокоился, когда онъ объяснилъ мнѣ, что *агитаторъ* по польски значитъ шляхтичъ, а *система* — висѣлица. Заинтересованный такимъ гуманнымъ взглядомъ моего стараго товарища, я разговорился съ нимъ, и вотъ что повѣдалъ онъ мнѣ:

— Вы удивляетесь, что я русскую рѣчь свою искажаю иностранными словами. Скажу вамъ болѣе: русская душа моя чуть было не исказилась иностранными понятіями. Да-съ, много я въ эти послѣдніе годы перестрадалъ, многому и научился, много передумалъ, Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, — да польскій мятежъ отрезвилъ. — Помните-ли, кромѣ устава да зеленой книжки **) я ничего не читалъ; въ послѣднее же время я все вычиталъ, я исчерпалъ всю глубь человѣческихъ знаній... я почти ученый... Замѣчаете ли вы, что я ужъ не говорю по прежнему, какъ прилично всякому почтенному капитану? Рѣчь у меня сдѣлалась плавная, катковская.

Я глядѣлъ съ недоумѣніемъ на Д. При послѣднихъ словахъ у него глаза даже загорѣлись зловѣщимъ огнемъ; я не узнавалъ стараго товарища. Каково же было мое удивленіе, когда онъ глухо и таинственно признался мнѣ:

— Я, почтеннѣйшій, Бокля прочиталъ!...

Я отшатнулся. — «Что же это съ вами сдѣлалось? Чтоже вы вынесли изъ этого чтенія?»

— Какъ вынесъ? выпучивъ глаза возразилъ мнѣ Д.: — я читаю всегда лежа предъ сномъ.

«Но скажите мнѣ, какъ это вамъ вздумалось заниматься такой дребеденью?»

— Вы знаете мою слабость... то есть на счетъ женскаго пола? вы также знаете, что я владѣлъ умѣньемъ...

**) Зеленою книжкой называли артиллеристы маленькое руководство или уставъ для практическихъ занятій, т. е. для стрѣльбы.

«Прельщать?» хотѣлъ я докончить рѣчь потупившаго взоры Д. Но онъ со скромностію поправилъ:

— Не быть противнымъ. Да, за нѣсколько лѣтъ это было не трудно; выучишься бывало: *о кобеты пухумарны* или *тихо вшендзе, глухо вшендзе,*—и достаточно при нѣкоторой ловкости. Но съ нѣкоторыхъ поръ все начало измѣняться, пошли *высшія воззрѣнія, прогрессъ, гуманность,*—нашъ братъ не суйся! Начнется разговоръ.... ничего не понимаешь, сидишь какъ дуракъ. Я не говорю уже о какомъ нибудь высшемъ кругѣ, и поссесорскія дочки туда же! Бывало чины уважаютъ, вдругъ начали къ прапорщикамъ да къ юнкерамъ льнутъ! Скажешъ: моя панна, что вы въ такомъ то прапорщикѣ нашли? вамъ болѣе къ лицу быть капитаншей!...а она отвѣчаетъ: не въ чинѣ дѣло, а въ сродствѣ идей; что же это за мужъ, съ которымъ не объ чемъ поговорить, который ничего не читаетъ, у котораго не выработаны убѣжденія? Дошло до того, что я сдѣлался какимъ то отверженцемъ. Подойду къ кружку молодыхъ людей и паненокъ, сейчасъ же всѣ замолчатъ или предложатъ такой... вопросъ, что сконфузишься, а они примутся шушукаться, да зубоскалить... что тутъ дѣлать! пришлось курицѣ у яйцъ учиться!

Изо всей молодежи пришелся мнѣ болѣе всѣхъ по нраву прапорщикъ В... Онъ хотя и изъ университетскихъ, менѣе всѣхъ носъ задиралъ, да и по службѣ былъ старателенъ: даже на *пѣшее по конному* не опаздывалъ. Залучилъ я его къ себѣ; пошли тары—бары, говорю: что вы совсѣмъ отъ насъ стариковъ отшатнулись, контру завели,—не хорошо, молодой человѣкъ! А онъ то мнѣ въ отвѣтъ про молодое поколѣніе, да опять про сродство идей, что вѣкъ уже не тотъ, надо-молъ учиться. «Да что вы, капитанъ, говоритъ онъ мнѣ наконецъ, въ старики записались, вы изъ нашихъ; съ вашимъ умомъ вы инстинктивно къ намъ льнете, стоитъ только отъ старой рутины вамъ отдѣлаться! Зачѣмъ вы гнушаетесь всего печатнаго? Зачѣмъ съ насмѣшкою называете насъ *учеными?* Развѣ учиться хуже, чѣмъ по цѣлымъ днямъ въ преферансъ рѣзаться.» Я задумался; а онъ этимъ воспользовался, сперва самъ началъ мнѣ вычитывать разныя вещи; потомъ далъ мнѣ книжку, другую, третью... дошло и до запрещенныхъ.

— Что со мною въ это время дѣлалось—не могу разсказать! Нашелъ какой-то туманъ. Читаю, бывало, читаю—ничего не понимаю, а кинуть не хочется—какъ то лестно. Новымъ словамъ выучился... всѣ одобряютъ... паненьки не гнушаются... какъ-то помолодѣлъ! Съ другой стороны совѣсть начала мучить,

чувствую что-то не то... похоже на правду, да неправда... не вѣрится, а отвѣта дать не могу: повѣрьте, ночи безсонныя проводилъ! Все это продолжалось года,—почтеннѣйшій,—два.. вспыхнулъ мятежъ.

Мы всѣ давно знали, что онъ подготовляется; при насъ не стѣснялись говорить; мы продолжали ѣздить въ дома, гдѣ насъ просто-таки въ глаза ругали. Всего не перескажешь; ну чегоже болѣе: я самъ—повѣрите ли?—подтягивалъ въ хорѣ *съ дымэмъ пожаровъ...* *) Какъ все это дѣлалось? Какъ произошло?—Не могу дать себѣ теперь отчета! Туманъ, просто туманъ! Свобода національностей! Духъ примиренія! Борьба цивилизаціи противъ варварства... и Богъ знаетъ еще какая фанаберія!

— Мятежъ вспыхнулъ. Вы думаете, мы опомнились? Я уже не говорю о людяхъ польскаго происхожденія— это исключеніе. Я вамъ скажу о себѣ и о многихъ другихъ, которые, какъ я, подъ старость вздумали учиться прогрессу у прапорщиковъ: мы всѣ разумѣется остались вѣрными своему знамени; но, стыдно вспомнить, не только прощали, даже находили натуральнымъ это, какъ мы называли, *стремленіе къ свободѣ и возстановленію независимости своей отчизны!* Мы укоряли солдатъ нашихъ въ жестокости! Были случаи, что, подходя къ опушкѣ лѣса, въ которомъ укрывалась шайка, мы заводили перестрѣлку, чтобы дать средство *несчастнымъ* разбрестись. Къ счастію нашему въ одно прекрасное утро польскій туманъ разсѣялся.

«И этому вы обязаны, замѣтилъ я, *великому возстановителю русской народности* въ здѣшнемъ краѣ.

— Вы знаете, я не вольнодумецъ, всегда уважалъ и буду уважать начальство, но я долженъ вамъ сказать, что вы ошибаетесь... Тутъ Д. таинственно понизилъ голосъ: обязаны мы не ему, а деньщику моему Ивану!

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Д.

— Слушайте, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое изумленіе. Послѣ одной стычки съ мятежниками, въ которой, по принятому нами правилу, мы *повеликодушничали*, я легъ отдохнуть. Заснуть не могу! ворочаюсь съ боку на бокъ... то потушу, то опять зажгу свѣчу... закурю папироску,—не могу заснуть. Все мысли тревожатъ! чувствую, что идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ... дисциплина не та... въ себѣ какъ-то нѣтъ у-

---

*) Одна изъ современныхъ мятежническихъ пѣсенъ.

вѣренности... въ войскахъ будто ропотъ... вотъ я и говорю Ивану: что это Иванушка мнѣ не спится? все нездоровится!— А Иванъ-то у меня, знаете, какой антикъ? прямо мнѣ въ лицо: «не спится, значитъ совѣсть не чиста!»—

Что ты, дуракъ, не чиста?

«Да такъ—нечиста. Не на чистоту дѣло дѣлаете! Какъ бы разомъ съ поляками порѣшили, такъ и заснули-бы спокойно». Ахъ братъ, Иванушка, порѣшить-то можно, да слышалъ ли ты, что умные люди говорятъ: что мы завоевали ихъ страну, что они за свободу свою встали! Ну, разумѣется, надо ихъ усмирить, да надо и пожалѣть!

«Не знаю я, что ваши умные люди говорятъ, а мы дураки такъ другое говоримъ... мы говоримъ, что тутъ нѣтъ Польши, одни паны тутъ поляки; а мужички все русскіе, что на сто мужичковъ вѣдь только полъ-пана; стало быть тутъ не Польша, а Россія, а паны только ее заполонили, ну такъ и надо съ панами порѣшить, какъ въ старину съ французомъ порѣшили! Врага нечего жалѣть! Вы еще говорите, ваше выс... діе, что они за свободу встали: нѣтъ, ужъ вѣрно васъ совсѣмъ вражья сила обошла,—все видите на изворотъ. Кто далъ мужичкамъ свободу?—Царь. А мятежъ то они когда подняли?—какъ только манифестъ объявили: стало быть они не за свободу встали, а противъ свободы ополчились!...

Пока Иванъ говорилъ, у меня все отъ души какъ-то отлегало... Какъ будто мнѣ кто-то руки, ноги развязывалъ... Я все говорилъ про себя: дуракъ я—дуракъ! скотина я—скотина! Какъ онъ кончилъ, я кинулся его обнимать:— «Иванушка, благодѣтель мой! спасъ ты меня! уму разуму научилъ!»... да сейчасъ же къ прапорщику В... и началъ ему говоритъ: «такъ молъ и такъ-то...» все съ Ивановыхъ рѣчей! Прапорщикъ В., человѣкъ умный, все выслушалъ... поблѣднѣлъ... началъ по комнатѣ ходить... Все ходитъ, а я на него гляжу, да думаю про себя: ну, что отвѣтитъ мнѣ на это сей ученый мужъ? Вотъ и сталъ онъ предо мною, скрестивши руки Наполеономъ, да и говоритъ: «Если-бы не Иванъ, погибли-бы мы съ вами, знаете ли вы это капитанъ?... «Я обнялъ прапорщика В., такъ я былъ радъ, что не пришлось мнѣ съ нимъ спорить!

Не буду распространяться о томъ, какъ мы съ нимъ вдвоемъ и другихъ товарищей повели на путь истинный, скажу вамъ только то, что скоро послѣ того прочли мы приказы и распоряженія

главнаго начальника края, и можете себѣ вообразить — всѣ со словъ Ивана, только слогъ получше.

Вы видите, почтеннѣйшій, заключилъ капитанъ Д., что вся честь принадлежитъ Ивану, а *онъ* только его подслушалъ!

Дѣйствительно, согласился я, вся честь за Иваномъ. Да не только теперь, и во всѣ трудныя эпохи нашей исторіи, тоже Иваны выносили матушку Россію на своихъ плечахъ. Заслуга же Суворовыхъ, Кутузовыхъ и Ермоловыхъ только та, что они первые подслушали, что говорятъ и чего желаютъ русскіе Иваны.

— Вещь, кажись, не хитрая, а все таки, значитъ, башка!...»

О южно-русскихъ пословицахъ.

(*Окончаніе.*)

Б.) Антропологическія пословицы имѣютъ предметомъ своимъ человѣка и общество, внѣшнюю жизнь народа и внутренній бытъ его; поэтому онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы—пословицы *историческія*, или былевыя, и *бытовыя*. Первыя указываютъ на достопамятныя, по чему-либо, для народа явленія изъ его исторической жизни, явленія, глубоко врѣзавшіяся въ памяти народа, и потому запечатлѣнныя творческимъ умомъ его и фантазіей. Вторыя изображаютъ различныя стороны быта народнаго и представляютъ человѣка въ различныхъ положеніяхъ жизни частной и общественной.

I.) Историческія пословицы суть намеки на событія,примѣняемыя къ различнымъ случаямъ жизни. Но каждое событіе, каждый случай прикрѣплены къ извѣстнымъ лицамъ, времени и мѣсту и вслѣдствіе того носятъ на себѣ печать особенности, свой, такъ сказать, индивидуальный характеръ; поэтому и пословицы историческія, какъ изображающія такія событія и случаи, отличаются конкретностію знаменованія, частностію содержанія. А будучи слишкомъ частны по своему содержанію, онѣ, становясь достояніемъ народа, скоро забываются и выходятъ изъ употребленія большинства; если же иногда онѣ и живутъ въ народѣ, то, примѣняясь къ новымъ происшествіямъ и случаямъ, нерѣдко утрачиваютъ свою первоначальную характеристичность и знаменательность содержанія. Въ первоначальной своей чистотѣ и неприкосновенности, онѣ сохраняются въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ и по-преимуществу у лѣтописцевъ, которые

вносили ихъ въ свои замѣтныя хартіи, какъ приговоръ народа или доказательство. Изображая положеніе различныхъ историческихъ дѣятелей при извѣстныхъ условіяхъ, а также положеніе народа и государства въ данный моментъ времени, историческія пословицы могутъ служить въ извѣстной степени матеріяломъ для исторіи. Приведемъ примѣры. *Знай, ляше: по случь наше!* Эта историческая пословица указываетъ на тотъ фактъ, что Хмѣльницкій, разбивъ поляковъ у Жолтыхъ Водъ и Корсуня, отбросилъ ихъ за р. Случь и тѣмъ какъ-бы установилъ границу между тогдашнею Польшею и Украйной. Пословица: *за короля Саса наѣлися люди хлѣба й мяса, а якъ наставъ Понятовскій, то все пошло почортовьски*-характеризуетъ относительное благоденствіе южно-русскаго народа при королѣ польскомъ Фридрихѣ-Августѣ Саксонскомъ.— Извѣстно, что, по смерти Богдана Хмѣльницкаго, гетманское достоинство въ Малороссіи сдѣлалось предметомъ интригъ и кровавыхъ споровъ между различными честолюбцами, и гетманская булава переходила изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Мазепа, пользуясь милостію Петра Великаго, не успѣлъ упрочить за собою власть и возвысить упавшее достоинство гетмана. Это время внутреннихъ раздоровъ и партій народъ запечатлѣлъ пословицей: *одъ Богдана до Ивана не було гетмана* (1).

Пораженіе Карла XII подъ Полтавою увѣковѣчено въ народѣ поговоркой: *добувся якъ Шведъ подъ Полтавою.*

Пословицею *Иванъ несе плахту, а Нястя булаву* народъ заклеймилъ недостатокъ энергіи, нравственную слабость гетмана Скоропадскаго и вмѣшательство въ дѣла административныя жены его (2). Эти примѣры достаточно показываютъ, что въ историческихъ пословицахъ южнорусскихъ равно увѣковѣчивается и память добрыхъ дѣлъ и пороки историческихъ дѣятелей: наравнѣ съ именами героевъ и знаменитыхъ мужей, онѣ представляютъ намъ, какъ примѣръ, и такихъ дѣятелей, которые не могутъ быть помянуты добромъ, и потому справедливо заклеймены народнымъ порицаніемъ. Такимъ образомъ, онѣ являются нелицепріятнымъ цѣнителемъ и строгимъ поборникомъ

(1) И однакожъ у малорусскаго народа самое имя Мазепы обратилось, такъ сказать, въ поговорку, въ эпитетъ, примѣняемый къ самой сердитой брани, къ самому рѣзкому проклятію. *Ред.*

(2) Имя Скоропадскаго было Иванъ, а жены его Анастасія.

истины и правды. Изображая же нерѣдко стороны и изгибы явленій жизни, ускользнувшіе отъ вниманія лѣтописцевъ, обрисовывая ихъ рѣзкими и меткими чертами, и, говоря вообще, представляя неподкупный взглядъ народа на историческія событія и лица, онѣ состоятъ въ тѣсной связи съ исторіей народа и съ полнымъ правомъ могутъ дополнять лѣтописи и утѣшать въ утратѣ исторіи.

II.) Бытъ народа слагается изъ внутренняго и внѣшняго бытія; а то и другое имѣетъ различныя стороны. По этому бытовыя пословицы, по своему содержанію, чрезвычайно разнообразны: онѣ бываютъ *нравоописательныя, сатирическія, юридическія, медицинскія и психологическія.*

а) Нравоописательныя пословицы, показывая, какъ народъ прилагалъ законы нравственности къ жизни, изображаютъ нравы и обычаи народа, его добродѣтели и пороки, хорошія и дурныя его свойства, свѣтлыя и темныя его стороны. Очевидно, онѣ существенно отличаются отъ нравоучительныхъ и никакъ не должны быть смѣшиваемы съ ними. Въ то время, какъ нравоучительныя предлагаютъ то, что въ жизни народа должно быть, нравоописательныя показываютъ, какъ и что изъ этого *должнаго* осуществилось въ жизни; тѣ изображаютъ нравственность народа со стороны идеальной или возможной, эти рисуютъ ее со стороны реальной. Такимъ образомъ, показывая, какъ неизмѣнныя идеи нравственности реализировались въ извѣстной средѣ, нравоописательныя пословицы изображаютъ жизнь народа во всей ея пестротѣ и разнообразіи, въ ея фактической положительности и опредѣленности. Поэтому, взятыя вмѣстѣ, онѣ представляютъ важную характеристику народа. Южнорусскія нравоописательныя пословицы изображаютъ частную и общественную жизнь малоросса, со всѣми ея условіями, опредѣленіями. Онѣ показываютъ: а) главные и второстепенные роды промысловъ—земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, рыболовство: *на доброй землѣ що посѣешь, то й уродить; на жито орю, а гречки не маю; на Юрія ховаетьця въ жито ворона; на святого Макара ранній овесъ, позьня татарка* (извѣстный сортъ пшеницы); *до святого Миколы не сѣй гречки, не стрижи овечки; у кого волъ да коса, ў того и грошей киса; безъ вола хата гола; на Анны зачатіе пджолы медъ нести починають; держись берега, а рыба буде; не лови попередъ невода рыбы;* б) Козачество: *Сѣчь-мати, а великій Днѣпръ-*

батью; козакъ не безъ доли: онъ *якъ не сало йсть, то Турка рубае и журбы не знае*, а также *зъ биды не заплаче*, потому что онъ *зъ бидою, якъ рыба зъ водою; но умеръ казакъ, да й лежить, да й никому затужить;* с) пищу: *почали, Боже, зъ неба, чого намъ треба: хлиба й сала, молока й меду;* потому что *безъ хлиба нема обида*, равно какъ *безъ каши обарицъ удовець;* d) домоводство и распредѣленіе его между супругами: *не въ дорогу вдавайся, а въ хозяйствѣ кохайся;* потому что *безъ хозяина дворъ, а безъ хозяйки хата плаче;* такъ какъ *добрый хозяинъ збере, а поганый розгребе;* е) отношенія супруговъ между собою: *законъ принявши, не поособачи жить*, а такъ, чтобы *мужъ и жена* были *одна сатана, человикъ и жонка-найлучча сполка*, да *жонка безъ мужа и жити не дужа;* но, въ случаѣ надобности, *люби жонку якъ душу, а тряси якъ грушу;* потому что *не поможе й кадило, якъ бабу сказило;* f) воспитаніе дѣтей, сопровождаемое любовью и строгостію наказанія: *дитя плаче, а у матери сердце болить; сорочка биленька—е мати родненька; у кого матка, у того й головка гладка;* но *пусти дитей по воли—будешь самъ въ неволи*, а потому, *якъ Богъ давъ дитей, учи ихъ и бій*, такъ какъ *де страхъ, тамъ и Богъ; кого люблю, того и бью; за битого двухъ небитыхъ дають, да й то не беруть;* равнымъ образомъ *коли хочешь зъ дивки малодиць, держи й въ ежовыхъ рукавицяхъ;* g) время и условія вступленія въ бракъ: *не будешь каятьця, якъ рано встанешь, да змолоду женишься;* потому что *рано женившись, скорийше помочи дождешь;* но выбирай жену или такъ, чтобы *хоть ев одной ліоли, абы до любови; хоть корова, абы здорова; или хоть видьма, абы хлибна; хоть свинка, да грошей скринька;* во всякомъ же случаѣ *лучче чорта затримать, нежъ ледачу жонку мать;* h) отношеніе господъ къ слугамъ и крестьянамъ: *не смийся раби, буде й тоби*, когда *попадешься жучку, панови въ ручку;* ибо *Богъ высоко, Царь далека, а паны вертять, якъ хотять*, и когда *бьютьця, у мужиковъ чубы трещать; зробишь—панъ бере, не зробишь—панъ дере, нехай же чортъ его побере!* i) простоту въ жилищѣ и одеждѣ, умѣренность въ пищѣ и вообще довольство малымъ: *хоть не пышно, абы затишно; хоть не богацько, да на тарилочци; половняный хлибъ—не голодъ, а пасочна сорочка—не нагота; якъ хлиба край, то и въ хлиби рай; добре собаци й муха, а пьяници капля;* и вообще—

якъ большь нема, то й такъ нехай! Вмѣстѣ съ этими и многими другими наружными чертами и особенностями быта, утвердившимися въ народѣ и образовавшими его обычаи, южнорусскія пословицы этого вида рисуютъ и нравы его, слагающіеся изъ добродѣтелей и пороковъ. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ здѣсь прекрасныя свойства малоросса, дѣлающія честь и ему, и его натурѣ, напр.: a) любовь родителей къ дѣтямъ, не ограничивающуюся одними матеріальными заботами о нихъ, но въ формѣ молитвы и благословенія напутствующую ихъ въ жизни: *родительске благословніе въ водѣ не тоне, въ огнѣ не горить; материна молитва изъ дна моря віймае;* b) пожизненное повиновеніе дѣтей родителямъ и уваженіе къ памяти ихъ по смерти: *шануй батька да Бога—буде тобѣ всюды дорога; хто не слуха тата, той послуха ката; живъ батько-зповажай, и ўмеръ поминай;* c) любовь къ родной землѣ: *зъ родной земли умри, да не сходь; въ чужій край не залѣтай; до свого роду хоть черезъ воду;* d) почтеніе къ старшимъ и властямъ: *старецъ старцемъ, а повагу любить; борода-честь, а усы и ў кота есть; громада-великій чоловѣкъ; скачи, враже, якъ панъ каже; кому служишь, тому й кланяйся;* e) отвращеніе отъ лжи: *правду кажи, да одного грѣха бойся; брехнею не выбрешешься; брехнею свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься; правда изъ дна моря вyринае, а неправда потопае;* f) общительность и развившіяся изъ нея-братство, хлѣбосольство, гостепріимство, доброе сосѣдство и общее доброхотство: *добре братство милише багатства; дороги гости, да въ середу трапились; пѣжьте, гости, да мочаите, а на решту выбачайте; хто зразу давъ, той двѣчи давъ;* g) уваженіе къ чужой собственности: *кумъ, не кумъ, а въ горохъ не лѣзь; на чужее пшонце не ставь окропцю; на чужій трудъ ласый не будь;* вообще *не займай ничого, и не бойся никого, а купи, да й лупи;* h) уваженіе къ общественному мнѣнію, а вслѣдствіе того—страхъ стыда, заботу о пріобрѣтеніе добраго имени и честность: *въ комъ Богъ, въ томъ и стыдъ; хто людей не стыдиться, той и Бога не боиться; нехай буде, якъ скажуть люде;* i) смиреніе непамятозлобіе, состраданіе и терпѣніе и вытекающія изъ нихъ частнѣйшія добродѣтели: *гордому Богъ противиться, а смиренному благодать дае: ворога нагодуй, напой, да щей на дорогу дай;* (1) *хто дае, той мае; терпи*

(1) Напрасно авторъ повторяетъ нѣкоторыя пословицы. *Ред.*

горе—добро буде; за терпѣніе Богъ дасть спасеніе, и т. п. Съ другой стороны, нравоописательныя малороссійскія пословицы показываютъ намъ, что народъ южнорусскій, украшаясь добродѣтелями, весьма не чуждъ и многихъ недостатковъ и различныхъ пороковъ: такъ, рядомъ съ любовію родителей къ дѣтямъ и покорностію дѣтей власти родительской, видимъ неповиновеніе послѣднихъ и ожесточеніе первыхъ; рядомъ, съ простотою, воздержаніемъ, правдивостью, смиреніемъ, честностію, бережливостью и другими добродѣтелями, видимъ грубость, пьянство и обжорство, ложь, вспыльчивость и раздражительность, сквернословіе, обманъ, тщеславіе, мотовство и др. Чтобы вывести изъ этихъ противоположностей какое-нибудь заключеніе объ основныхъ стихіяхъ народнаго духа и быта, мы сличимъ безпристрастно оба противоположные элемента, на основаніи самыхъ же пословицъ, выразившихъ ихъ. Собравъ пословицы, изображающія отрицательную сторону народнаго характера и противопоставивъ ихъ тѣмъ, которыя изображаютъ сторону положительную, получимъ въ результатѣ: что первыхъ несравненно менѣе, чѣмъ послѣднихъ, такъ что не всякому хорошему свойству народа находится соотвѣтственное дурное, не для всякой добродѣтели оказывается соотвѣтственный порокъ, изъ чего можно аналогически заключать, что хорошихъ сторонъ въ южнорусской натурѣ болѣе, чѣмъ дурныхъ. Къ тому же, нѣкоторые пороки, какъ напр. тщеславіе, вспыльчивость и др., суть пороки обще человѣческіе и предъ судомъ нравственности осуждаются не абсолютно; почему дурныя стороны, слагающіяся изъ такихъ недостатковъ, даютъ въ суммѣ менѣе зла, чѣмъ соотвѣтственныя имъ хорошія — добра, и тѣмъ самымъ даютъ перевѣсъ надъ собою послѣднимъ. Такимъ образомъ, сличеніе наше показываетъ, что свѣтлыя стороны въ нравахъ южнорусскаго народа—и количествомъ и качествомъ своимъ превалируютъ надъ темными. Этотъ результатъ подтверждается еще слѣдующими соображеніями: во первыхъ, большая часть пословицъ, изображающихъ дурныя стороны народа, получила свое начало въ позднѣйшія времена, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе жизни народа, и потому пороки, ими выраженные, не могутъ быть мыслимы, какъ постоянный признакъ, народнаго характера, а слѣдовательно и не должны почитаться коренными и исконными свойствами его натуры. Во-вторыхъ малороссъ, какъ вообще русскій человѣкъ, отличался и отличает-

ся способностію убѣждаться добрымъ словомъ,—что доказывается его бытомъ и многими пословицами, въ родѣ слѣдующей: *добре да ласкаве слово лучче мягкого пирога.* А при такой способности, возможность отрѣшаться отъ всего (1) дурнаго становится болѣе-чѣмъ вѣроятною. Наконецъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости выведеннаго нами заключенія въ пользу добрыхъ свойствъ и качествъ южноруссa служитъ присутствіе во многихъ его пословицахъ сатирическаго элемента, который свидѣтельствуетъ, что народъ издревле склоненъ былъ къ воспріятію и усвоенію гражданственности: потому что если народъ любитъ слушать горькую правду, если позволяетъ указывать на свои недостатки, то онъ уже не хочетъ коснѣть въ этихъ недостаткахъ, уже готовъ сбросить ихъ съ себя.

b) Пословицы, въ которыхъ сатирическій элементъ является преобладающимъ, на основаніи особеннаго ихъ характера, можно поставить въ отдѣльную группу и считать особеннымъ видомъ пословицъ нравоописательныхъ. Сатирическая стихія составляетъ исконную типическую черту русской натуры вообще. Присутствіе ея уже замѣтно въ прозвищахъ, какія давались и даются людямъ въ насмѣшку или похвалу, потомъ въ различныхъ прибауткахъ и нѣкоторыхъ пѣсняхъ, наконецъ во многихъ пословицахъ. Сатирическія пословицы наши возникли изъ особеннаго расположенія духа русскаго человѣка, въ отрицательныя мгновенія его жизни: нашъ простолюдинъ, видя что-нибудь не хорошее въ себѣ или въ другихъ, любитъ грустно улыбнуться и, какъ бы въ утѣшеніе себя и въ облегченіе сердца своего, сказать при этомъ острое словцо.— Предметъ южнорусскихъ сатирическихъ пословицъ, какъ сатиры вообще, смѣшное и комическое въ жизни человѣка. Приведемъ примѣры. Пословицы *на нозѣ сахвьянъ рыпитъ, а въ борщѣ* (чаще-*горщку*) *трясця кипить; чоботы скрыплять, а горшки безъ сала киплячь*— представляютъ злую насмѣшку надъ тщеславіемъ; *спереду—блаженъ мужъ, а ззаду вскую шаташася* (2) равносильна пословицѣ *ангельскій голосокъ, да чортова думка* и обѣ составляютъ ѣдкую иронію на двуличность и притворство; *та корова дуже реве, що мало молока дае* (3) — пустая бочка Крылова;

---

(1) Нѣсколько много сказано, да и несовсѣмъ гармонируетъ съ предъидущимъ. *Ред.*

(2) Пословица не народная, а если можно такъ выразиться дьяческая. *Ред.*

(3) Польская пословица. *Ред.*

и ўже таки дары — сметанку збери, а сыроватку дай — сатира на притворное доброхотство; *видно Ганна блинци пекла, бо й ворота въ тѣстѣ* — насмѣшка надъ неряхами и неопрятными; *господиня на весь городъ одна дыня* — иронія на плохихъ хозяекъ; *до церквы, той й грязько, а до шинку — хоть по пôдъ тыномъ* — сатира на пьянство, и др. Вглядываясь въ характеръ южнорусской сатиры, нельзя не замѣтить, что она болѣе добродушна и горько-грустна, чѣмъ остроумна, и, слѣдственно, рождалась не изъ пустаго и празднаго желанія съострить, а изъ судорожно сжавшагося сердца въ тяжкія минуты жизни; потому она не столько сердила, сколько наводила раздумье, не рѣдко смѣшила.

с) Пословицы судныя или юридическія изображаютъ рѣшенія правды народной. Большая часть ихъ получила свое начало еще въ глубокой древности, когда власть судебная и законодательная находилась въ рукахъ народа, когда всякаго рода дѣла и споры разбирались на мірскихъ сходкахъ и рѣшались приговоромъ старѣйшинъ мірскихъ. Эти вѣчевые приговоры получали въ глазахъ народа силу закона, становились общественнымъ достояніемъ, служили руководительнымъ началомъ въ общественной и семейной жизни, обращались въ пословицы и наконецъ вошли въ составъ письменныхъ законовъ или, по крайней мѣрѣ, послужили имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніемъ. Такимъ образомъ, первымъ источникомъ юридическихъ пословицъ были суды, приговоры, рѣшенія дѣлъ мірскихъ по старымъ обычаямъ. Вторымъ источникомъ ихъ были опредѣленія святительскаго суда, рѣшенія соборовъ русскихъ и приговоры судовъ монастырскихъ. А такъ какъ эти рѣшенія и приговоры основывались на св. Писаніи и Номоканонѣ, то въ пословицы юридическія обратились многіе тексты св. Писанія и нѣкоторыя статьи изъ Кормчей книги. Входя въ письменные законы, какъ судебные обычаи, и служа правилами при рѣшеніи разныхъ случаевъ, даже въ судахъ, юридическія пословицы, въ свою очередь, восполнялись заимствованіями изъ этихъ законовъ. Разумѣется, при этомъ заимствованіи, оставался неизмѣннымъ только смыслъ законовъ, форма же вырабатывалась изъ народнаго разума, вкуса и фантазіи. И такъ, южнорусскія юридическія пословицы, взятыя въ совокупности, слагаются изъ трехъ главныхъ элементовъ: чисто-народнаго, церковнаго и государственнаго, а потому могутъ служить не только къ поясненію исторіи нашего законодательства,

судоустройства и судопроизводства, но и всей жизни старинной Руси, которая раскрыла, главнымъ образомъ, тѣ же самые элементы. Но важность изученія ихъ не ограничивается однимъ только этимъ-историческимъ ихъ значеніемъ; онѣ важны и по отношенію къ настоящему времени. Составляя доселѣ народную юриспруденцію, текучее законодательство большинства народной массы, которое, на основаніи ихъ, чинитъ судъ и расправу въ своемъ частномъ быту, а нерѣдко и въ жизни общественной, онѣ, очевидно, проливаютъ свѣтъ на многія явленія жизни народной. Чтобы фактически ознакомиться съ этимъ видомъ бытовыхъ пословицъ Малороссіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ: *порука наука; я ёго выручивъ, а винъ мене выучивъ; поплатитьця не сватъ, а той, хто виноватъ; но зъ дужимъ боротьця, зъ багатымъ судитьця, такъ лучче покинь;* а потому, *хто ўтёкъ, той и правъ; перо страшне не ў гусака, а у дьяка!* ибо когда *заведе перомъ, не выгняшь й воломъ; братъ братомъ, сватъ сватомъ, а гроши не родня;* а потому *братъ мой, а хлѣбъ ѣжь свой; чья земля, того и хлѣбъ; чій конь, того и возъ; лежачого не бьють; безъ суда нихто да не накажетьця; собственне признаніе паче тьмы свидѣтелей,* и др. (1).

d.) Медицинскія пословицы предлагаютъ правила сохраненія, поддержанія и возстановленія здоровья; это-народная діететика и гигіена, по которымъ: *хлѣбъ на хлѣбъ не вадить, и першій кусъ—всему голова;* но *першій шматъ ззѣьси въ смакъ, а другій ўже не такъ;* и хотя *душа мѣру знае, и на добрый камень що ни скинь, измеле;* однако *поганому животу и пироги завадять;* а потому *смачного потрошку, щобъ животъ не болѣвъ;* такъ какъ *здоровье всему голова, и лихо входить пудами, а выходить золотниками;* къ тому же *на лѣченной кодылѣ не багацько ўѣдешь* и пр.

e.) Какъ весь бытъ народа, самъ по себѣ, въ высшей степени занимателенъ для мыслящаго человѣка, такъ всѣ бытовыя пословицы, выражающія его, равно заслуживаютъ глубокаго и тщательнаго изученія, равно важны предъ лицомъ знанія. Но на сколько духовная сторона въ человѣческомъ организмѣ важнѣе тѣлесной, на столько и явленія внутренняго нашего міра важ-

---

(1) Жаль, что авторъ необратилъ вниманія на весьма характерную въ этомъ родѣ пословицу: *нема лучче, якъ старому брехать, а богатому красты. Ред.*

ніе явленій внѣшней дѣйствительности. По этому, психологическія пословицы, выражающія сознаніе народа о явленіяхъ души и сердца, по внутренному своему значенію, возвышаются надъ всею массою бытовыхъ пословицъ народа и привлекаютъ преимущественное вниманіе изслѣдователя. Психологическія пословицы народа составляютъ народную психологію и философію.— Что касается до южнорусскихъ пословицъ этого вида, то здѣсь высказываются такія глубокія истины, такое философски—правильное воззрѣніе на различныя явленія внутренняго міра человѣка, что, говоря безъ преувеличенія, трудно найдти что-либо подобное въ устной поэзіи другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь мы находимъ: a) возвышенное понятіе о душѣ, какъ источникѣ нравственнаго богатства: *чортъ только бѣдный, бо душу не мае;* b) понятіе о врожденности душевныхъ способностей: *не приточишь ума, якъ у себе нема; якъ нема розуму отъ роду, то не буде й до гробу; золота можно прикупить, а розуму не вложить;* c) сознаніе важности душевныхъ способностей и дарованій: *безъ головы войско гине; за дурною головою и ногамъ бѣда; кого Богъ хоче наказати, то перше розумъ одбере;* d) раздѣленіе познавательной способности на силу мыслящую—*умъ* и познающую—*розумъ*, или разсудокъ, и убѣжденіе въ преимуществѣ послѣдняго предъ первымъ: *зъ розумнымъ ума наберешься, а зъ дурнымъ й готовый* (*свій*) *загубишь; хто пытае, той не блудить; попередъ невода не лови рыбы; тричи змѣряй, а разъ отрѣжь;* e) понятіе объ основныхъ идеяхъ человѣческаго духа, ихъ взаимномъ отношеніи между собою и непреложности: *въ комъ нема добри, въ томъ и правды мало; все минетьця, одна правда останетьця;*[1] потому что *правда изъ дна моря выринае, а неправда потопае;* f) понятіе объ отношеніи идеи къ формѣ: *дарма, що въ черепочку, абы курыця;* g) понятіе о прозрѣніи души, или предчувствіи сердца: *серце чуе; вѣщуе серденько щось недобре;* h) понятіе о сердцѣ, какъ источникѣ чувства: *серце не камѣнь; дитя плаче, а ў матери серце болить;* i) понятіе о симпатіи: *душа душу знае;* k) понятіе о вкусѣ, какъ субъективномъ чувствѣ удовольствія: *хто любить попа, хто попадью, а хто поповну;* l) понятіе о волѣ: *вольному воля, спасенному рай* и др.

---

1) Въ большинствѣ народа эта пословица цитируется такъ: *якъ мокрый май, то жито якъ гай. Ред.*

В) Физическія пословицы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, имѣютъ предметомъ своимъ внѣшнюю природу и ея отношеніе къ человѣку. Онѣ открываютъ взглядъ народа на различныя явленія природы и отношеніе ихъ къ жизни человѣка. По различію содержанія, онѣ подраздѣляются на астрономическія, метеорологическія и хозяйственныя. Первыя изображаютъ понятія народа о мірозданіи: понятія о небѣ, землѣ, солнцѣ, лунѣ, планетахъ, кометахъ, звѣздахъ и объ отношеніи ихъ къ жизни человѣка. Вторыя показываютъ взглядъ народа на случающіяся перемѣны погоды, обусловливающія успѣшность занятій и благосостояніе простолюдина: здѣсь находимъ понятія народа о дѣйствіи вѣтровъ и мѣстности на атмосферу, примѣты хорошей или дурной погоды, выводимыя изъ наблюденій надъ атмосферою, животными и растеніями. Хозяйственныя изображаютъ необходимыя и существенныя, по народному понятію, условія успѣшности промысловъ: земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, огородниводства и др. Слѣдующіе примѣры фактически подтвердятъ сказанное нами: *мѣсяць чернецъ—свѣту конецъ; святый Юрій по полю ходить, хлѣбъ—жито родить; якъ мокрый Апрѣль, а сухій Май, то буде въ клуняхъ рай: прійде Май* 1) *всякъ собѣ дбай; на Глѣба-Бориса до хлѣба берися; якъ на Макрины буде дощь, то осень буде мокра; до Святого Духа держись кожуха, а по Святомъ Дусѣ, въ томъ же кожусѣ: прійшовъ Спасъ-держи рукавици про запасъ; пріиде Пречиста—буде на деревѣ листу чисто* и др.

Резюмируя все, сказанное до этихъ поръ о южнорусскихъ пословицахъ, получимъ слѣдующіе результаты: южнорусскія пословицы изображаютъ жизнь малороссійскаго народа во всей ея цѣлости, полнотѣ и живомъ разнообразіи: душа, мысли, чувства, вѣрованія, религія, поэзія, исторія, словомъ—вся жизнь народа, съ ея физіономіей и характеристикой, отразилась въ нихъ. Очевидно, онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія и глубокаго изученія. Глубокая сердечная вѣра въ благость Божію, обаятельная свѣжесть чувства, практичность въ направленіи умственныхъ способностей и изумляющій своею правильностію взглядъ на природу и жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ,—составляютъ главныя характеристическія черты ихъ. Онѣ показываютъ намъ народъ простой, но полный жизни, кипящій силой, бодрый духомъ, съ яснымъ взглядомъ и добрымъ сердцемъ, слѣдственно

народъ, носящій въ себѣ несомнѣнные залоги прекраснаго грядущаго.

Но этого мало: показывая, какъ народъ созерцалъ тайну бытія всего сущаго, выражая взглядъ его на міръ,—разсматриваемыя пословицы еще чрезвычайно важны по отношенію къ отечественному языку и реторическимъ его условіямъ: ведясь отъ глубокой древности, нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на исконныя, существенныя черты и формы родного слова и болѣе или менѣе проливаютъ свѣтъ на стихійный его составъ и построеніе рѣчи; а въ реторическомъ отношеніи онѣ важны по своимъ богатымъ сравненіямъ и прекраснымъ фигурамъ.

Ем. Бѣлоброва.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО ВЪ РОССІИ

историческіе очерки

Графа Дмитрія (Андреевича)

ТОЛСТОГО.

Томы 1-й и 2-й.

Парижъ **1863 — 1864.**

(*Продолженіе.*)

Чтобы читатели могли судить о томъ, какъ графъ Толстой излагаетъ собранные имъ матеріалы, переведена здѣсь

Глава 2-я, которой сущность выражена въ очень короткихъ словахъ: „*Царь Іоаннъ 4-й и іезуитъ Поссевинъ.*

Овладѣвъ Полоцкомъ и Соколомъ, Баторій, король польскій, силою пролагалъ себѣ путь къ издревле русскимъ областямъ. Шведы съ сѣвера, турки и ногаи съ юга—двигались къ границамъ великаго княжества Московскаго. Не имѣя союзниковъ и не находя возможности съ успѣхомъ сохранить свои недавнія завоеванія, Іоаннъ рѣшился просить папу римскаго о помощи и посредничествѣ. Іоаннъ не имѣлъ столько военныхъ силъ, чтобы съ увѣренностію стать противъ такого искуснаго вождя и смѣлаго воителя, какъ Стефанъ Баторій; онъ разсчитывалъ, что участіе и вліяніе папы остановятъ стремленія противника и дадутъ возможность покончить опасную съ нимъ войну. Но Ба-

торій былъ король вѣры латинской, правилъ народомъ того же исповѣданія, и этотъ самый папа не только благословилъ его на войну съ Россіей, но даже обѣщалъ Баторію содѣйствіе въ томъ другихъ государей. Поэтому добиться участія папы въ примиреніи Россіи съ Польшей было для Іоанна дѣломъ высшей важности. Даже одинъ нейтралитетъ папы принесъ бы Іоанну огромную выгоду въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ; — и онъ послалъ, 25-го Августа 1580, изъ Москвы чрезъ Ливонію въ Римъ, для переговоровъ, Истому Шеврыгина, въ сопровожденіи Ѳедора Поплина.

Іоаннъ долженъ былъ предвидѣть, что папа потребуетъ отъ него, за оказаніе пособія, не матеріальныхъ уступокъ, а уступокъ въ дѣлѣ вѣры, которыя, конечно, будутъ такого рода, что царь и не захочетъ и не сможетъ сдѣлать ихъ, по непоколебимой приверженности народа русскаго къ православію. Свидѣтельства довольно положительныя доказываютъ, что царь дѣйствительно зналъ виды и стремленія папства; онъ совершенно понималъ, что въ случаѣ рѣшимости папы помочь ему, главная цѣль его и первѣйшее условіе были бы: обращеніе его, царя, и съ нимъ всей Россіи, въ латинство. Іоаннъ 4-й желалъ оставить Риму всѣ его надежды, но на себя не принимать вовсе никакихъ обязательствъ. Эта политика ярко видна въ особенности изъ инструкцій, данныхъ Шеврыгину, изъ письма къ папѣ, написаннаго чрезвычайно разумно, и изъ наказа даннаго приставу, который долженъ былъ сопровождать папскаго посла изъ Смоленска въ Старицу. Въ наказѣ этомъ строго подтверждено: въ случаѣ, если бы посолъ вступилъ въ разговоръ съ нимъ о вѣрѣ православной, или о латинской, то чтобы приставъ отозвался неграмотностію; а о вѣрѣ отнюдь не смѣлъ бы разсуждать съ посломъ. Въ письмѣ къ папѣ и въ инструкціи Шеврыгину царь тщательно избѣгаетъ самомалѣйшаго намека на вѣру; онъ повелѣлъ своему послу „не смѣть вчинать никакихъ переговоровъ“ ни о какомъ предметѣ, необозначенномъ обстоятельно въ его инструкціи; а если бы его спросили: не дано ли ему какихъ либо тайныхъ повелѣній, онъ долженъ былъ отвѣчать, что „*опричь письма ему ничего не приказано.*“ Шеврыгинъ добросовѣстно и въ точности выполнилъ волю царскую; онъ чрезвычайно ловко уклонился отъ упоминанія о вѣрѣ, и чрезъ это съ одной стороны предохранилъ правительство отъ всякаго нареканія русскихъ, которые не признали бы обѣщаній не совмѣ-

стныхъ съ православною ихъ вѣрой, а съ другой стороны, отъ всякихъ укоризнъ папы, если бы данныя ему обѣщанія не были исполняемы.

Въ весьма обстоятельномъ отчетѣ, который представилъ Шеврыгинъ о своихъ дѣйствіяхъ во все время своего посланничества, нѣтъ и слѣда переговоровъ о вѣрѣ. Даже самъ посолъ папскій, іезуитъ Поссевинъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на принятыя Россіей обязательства, а онъ не упустилъ бы упомянуть объ этомъ, если бы хоть слово о вѣрѣ было произнесено, потому что главнѣйшій предметъ ему довѣренный—былъ вопросъ религіозный. Поссевинъ, по прибытіи въ Москву, исчислилъ дѣла, которыя были поручены русскому послу въ Римѣ; онъ и не упоминалъ о вопросѣ религіозномъ. И такъ царь долженъ былъ отклонить всякое разсужденіе и всякій споръ о вѣрѣ. Но, по мнѣнію двора римскаго, только этотъ одинъ пунктъ могъ внушить папѣ рѣшимость принять дѣятельное участіе въ судьбахъ Россіи. Іоаннъ полагалъ, что онъ нашелъ средство согласить все это, поручивъ своему послу предложить союзъ его съ прочими христіанскими государями противъ турокъ. Это предложеніе не противурѣчило его вѣрѣ и ни къ чему его не обязывало въ отношеніи къ Риму. Въ сущности, царь не могъ думать серьезно о такомъ союзѣ, при своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Выходитъ, что онъ хотѣлъ только завлечь Римъ,—и средство, употребленное имъ было тѣмъ действительнѣе, что самое слово „*союзъ*“ открывало обширное поле для пропагандистскихъ надеждъ папства. Естественно, что Римъ въ союзѣ политическомъ видѣлъ путь къ единенію религіозному. Іоаннъ владѣлъ еще однимъ средствомъ заплатить Риму за его услугу, — это: дозволить венеціанскимъ и другимъ купцамъ свободный пропускъ черезъ Россію при поѣздкахъ ихъ въ Персію. Издавна папы домогались этого пропуска. Причина этого домогательства скрывалась, конечно, въ томъ, что при этихъ купцахъ, или подъ ихъ именемъ, обыкновенно Римъ посылалъ своихъ миссіонеровъ. Іоаннъ отлично понималъ цѣну подобной уступки, и онъ уклонился отъ своего на это согласія при первыхъ обѣщаніяхъ папы помирить его съ Баторіемъ. Онъ только повелѣлъ Шеврыгину, въ случаѣ, если бы Римъ сдѣлалъ такое предложеніе, посовѣтовать, чтобы за этимъ былъ отправленъ особый посолъ къ царю, или, чтобы ему самому поручено было передать это предложеніе по возвращеніи его

въ Россію. Таковы были средства во власти Іоанна убѣдить папу пособить ему и чрезъ то дать возможность сохранить его владѣнія въ неприкосновенной цѣлости.

Русскаго посланника приняли въ Римѣ съ особою пышностію; торжественно возили его, въ великолѣпныхъ экипажахъ, чтобы показать ему чудеса древней столицы міра, въ особенности же все то, что могло бы дать послу убѣжденіе въ превосходствѣ латинской церкви и въ пользѣ для другихъ вѣроисповѣданій сосредоточиться въ латинствѣ. Его ввели во вновь тогда построенную папою церковь, для положенія въ ней мощей св. Іоанна Златоустова и св. Григорія; его заставили посѣтить коллегію, въ которой греки изучали латинское богословіе, какъ бы въ подтвержденіе единенія обѣихъ церквей. Посолъ русскій прожилъ въ Римѣ болѣе мѣсяца (съ 24-го Февраля по 28-е Марта); въ это время не пропустили ни одного случая, не пренебрегли ни однимъ средствомъ, чтобы поразить его блескомъ и величіемъ престола преемника св. Петра; его возили въ церкви, чтобъ изумить пышностію богослуженій и великолѣпіемъ, окружавшимъ папу. Но Шеврыгинъ не увлекся этими впечатлѣніями: ни богатство церквей, ни торжественность церемоній не врѣзались столько въ его память, какъ неприличіе нѣкоторыхъ обрядовъ. Средства, которыми разсчитывалъ Римъ подѣйствовать благопріятно на посла русскаго, и чрезъ то, въ послѣдствіи, на дѣла ему порученныя, — эти самыя средства, такъ обильно расточенныя предъ нимъ, произвели дѣйствіе совершенно противуположное,—какъ мы это увидимъ.

Предложенія Іоанна были приняты съ большою благосклонностію. Много разъ Римъ пытался подчинить своему владычеству и Россію, но еще впервые государь русскій *предупреждалъ желанія папы*, — такъ покрайней мѣрѣ полагали въ Римѣ. Въ концѣ мая 1581 г. папа избралъ іезуита Антонія Поссевина, для веденія переговоровъ о мирѣ между Іоанномъ и Баторіемъ, или, точнѣе — для посѣва на русской почвѣ римскаго католичества. Антоній Поссевинъ родился въ Мантуѣ, въ 1534-й г., а умеръ въ Февралѣ въ 1611-мъ г. Его искуство и успѣхи въ обращеніи еретиковъ были извѣстны; ему приписывали обращеніе шведскаго короля Іоанна, который, въ 1577-мъ г., какъ увѣряли, тайно принялъ латинство. Въ тайныхъ инструкціяхъ, данныхъ этому іезуиту, ясно обозначены и цѣль его посольства, и средства къ достиженію этой цѣли. Прежде всего ему

предписывали обязать Баторія заключить съ Іоанномъ замиреніе, — но при этомъ дать почувствовать царю, что онъ всѣмъ обязанъ папѣ; потомъ, ему приказывали уговорить Іоанна заключить союзъ съ папою, императоромъ и другими христіанскими государями противъ турокъ. Окончивъ это дѣло политическое, внушивъ Іоанну ненависть къ туркамъ и овладѣвъ его умомъ, — Поссевинъ долженъ былъ перейдти къ вопросу о религіи, тѣсно связанному, въ видахъ Рима, со всѣмъ предшествующимъ, и доказать царю, что союзъ его съ Римомъ не можетъ быть проченъ безъ единенія духовнаго —что единеніе это можетъ существовать не иначе, какъ подъ условіемъ принятія царемъ латинства, признаніемъ папы единственнымъ главою церкви Христовой и *намѣстникомъ Богочеловѣка на землѣ*,— что во всѣ времена папу такъ признавали всѣ христіанскіе государи, и престолъ въ Римѣ считали выше всѣхъ другихъ. Поссевинъ всѣ свои доводы долженъ былъ больше всего опирать на соборѣ Флорентійскомъ (съ постановленій котораго одинъ экземпляръ, на греческомъ языкѣ, былъ ему врученъ) и этимъ Флорентійскимъ соборомъ доказывать, что папа дѣйствительно *глава всей церкви;* потомъ онъ долженъ былъ изложить, что императоръ греческій, отъ имени всего Востока, призналъ силу этого собора, рѣшенія котораго и не могли подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что лучшіе богословы отъ каждой стороны тамъ засѣдали; что главенство папы было тамъ разобрано до основаній и признано,—съ содѣйствіемъ и по внушенію Святого Духа. Сверхъ того, іезуиту предложено было употребить, на пользу ихъ дѣла, самыя страсти Іоанна, раздражить въ немъ самолюбіе, живо обрисовать позорную зависимость государя столь мудраго и великаго отъ патріарха константинопольскаго, который самъ—рабъ султана турецкаго; что, по этому, было бы несравненно достойнѣе и приличнѣе его высокому сану, признать главою церкви папу,—коему покоряются всѣ государи христіанскіе, *потому что онъ дѣйствительно намѣстникъ Христовъ.*

Въ предположеніи, что главное препятствіе къ осуществленію подобныхъ предначертаній представится со стороны русскаго духовенства, которое, отчасти по своимъ враждебнымъ церкви латинской убѣжденіямъ, отчасти же чтобъ сохранить свое вліяніе, не пощадитъ никакихъ усилій къ удержанію царя въ православной вѣрѣ его отцовъ, — папа обязалъ хитраго

іезуита—употребить всѣ средства для привлеченія къ себѣ этого духовенства. Наконецъ еще поставлено было Поссевину въ обязанность испросить у царя дозволеніе на постройку одной, или даже многихъ, латинскихъ церквей въ Москвѣ, увѣряя царя, что, въ противномъ случаѣ, ни венеціане, ни другіе купцы римско-католическаго исповѣданія, не пріѣдутъ торговать въ Россію.

Вотъ съ какими порученіями Римъ выслалъ въ Россію Поссевина. Іоаннъ принялъ его въ видахъ совершенно противоположныхъ. Покинувъ Римъ одновременно съ Шеврыгинымъ, папскій легатъ совершалъ путешествіе вмѣстѣ съ нимъ до Праги. Оттуда Шеврыгинъ направился въ Данію, а Поссевинъ поѣхалъ въ Вильну. Чтобы попасть изъ этого города въ Москву, онъ долженъ былъ проѣхать черезъ Смоленскъ, гдѣ ожидалъ его такой пріемъ, какого іезуитъ, ѣдущій въ Россію для привитія латинства, конечно не могъ ожидать. Іоаннъ зналъ, что главною цѣлію этого посольства должно было быть обращеніе его въ латинство; онъ понималъ также, что подобныя надежды не имѣли въ себѣ ничего серьезно основательнаго. Не только онъ не хотѣлъ, но даже не могъ ничего обѣщать въ дѣлѣ чисто духовномъ; а потому, какъ мы это и видѣли, избѣгалъ самомалѣйшаго даже намека въ этомъ отношеніи. Но Іоаннъ не ограничился и этою предосторожностію. Убѣжденный въ правовѣріи церкви, къ которой онъ принадлежалъ, царь рѣшилъ употребить противъ Рима его собственное оружіе: онъ задумалъ обратить въ православіе легата папскаго,—іезуита, присланнаго для совращенія Россіи въ латинство.

27-го іюня Іоаннъ написалъ письмо къ Сильвестру, епископу смоленскому и брянскому, съ повелѣніемъ: допустить Поссевина, по прибытіи его въ Смоленскъ, къ осмотру всѣхъ церквей и монастырей, наблюдая, чтобы все въ нихъ было въ величайшемъ порядкѣ. Если бы легатъ выказалъ желаніе посѣтить церковь Смоленской Божіей Матери, то епископъ долженъ былъ въ этотъ день служить самъ *соборнѣ*, и съ особою торжественностію. Но архіерей, принимая ласково чужестранца и чужевѣрца, не долженъ былъ приравнивать его къ православной братіи; поэтому царь повелѣвалъ Сильвестру дать Поссевину поцѣловать свою руку, но не дать ему благословенія, какъ христіанамъ православнымъ; также точно, дозволяя ему входить въ церкви, не допускать его къ алтарю. Это

наставленіе царево осталось безъ исполненія, — потому что іезуитъ не выразилъ желанія посѣтить православную церковь, хотя изъ его собственныхъ словъ намъ извѣстно, что онъ былъ представленъ епископу смоленскому. Тѣмъ неменѣе изъ письма Іоаннова видны отчасти мысли и наставленія этого царя, касательно пріема папскаго легата.

Въ Вильнѣ, узнавъ о положеніи дѣлъ и увеличивъ свиту свою множествомъ іезуитовъ польскихъ, Поссевинъ, снабженный охранною грамотою отъ Баторія и проводниками его, прибылъ 18-го августа, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ Старицу, гдѣ былъ тогда царь. Поссевина приняли съ почестями, которыя бывали предоставлены обыкновенно только полномочнымъ посламъ самыхъ могущественныхъ державъ. Такой торжественный пріемъ, оказанный папскому легату, можетъ быть объясненъ тогдашнимъ высокимъ положеніемъ римскаго владыки; но, быть можетъ, такой пріемъ сдѣланъ былъ папскому легату и по слѣдующему соображенію: царь видѣлъ въ папѣ единственно — возможнаго примирителя его съ Баторіемъ, — послѣ того какъ императоръ германскій отказалъ Іоанну въ своемъ содѣйствіи. Два дня спустя, представляясь царю, Поссевинъ вручилъ ему грамоту папы, въ которой, принимая предложеніе Іоанна вооружиться противъ турокъ, Григорій XIII пояснялъ, что единственное прочное основаніе союза между государями христіанскими, была любовь, но не любовь мірская, а любовь, основанная на ученіи *Христа, представителемъ котораго на землѣ—онъ, папа*, признанный таковымъ за 150 лѣтъ предъ тѣмъ на соборѣ Флорентійскомъ всѣми епископами имперіи греческой и даже самимъ императоромъ Палеологомъ, что греки, вслѣдствіе своего несоглаеія— признать главенство папы, подверглись всевозможнымъ несчастіямъ и подпали подъ иго турокъ, что и Іоаннъ, для совокупнаго со всѣми государями христіанскими дѣйствія противъ турокъ, и для сохраненія своихъ владѣній, долженъ покориться папѣ. Чтобы убѣдить его въ этомъ, Григорій послалъ ему экземпляръ „*постановленій собора Флорентійскаго*,“ совѣтуя царю прочитать ихъ и велѣть также читать ихъ своему духовенству,— увѣряя, что книга эта озаритъ его душу разумомъ и мудростью. Въ заключеніи своей грамоты, папа выражалъ только одно желаніе, чтобы Іоаннъ принялъ латинство, увѣряя, что послѣ этого онъ получитъ отъ двора римскаго и отъ христіанскихъ го-

сударей все, что только можетъ пожелать. Папа не забылъ и членовъ царской семьи: онъ написалъ особыя письма къ двумъ сыновьямъ Іоанна и супругѣ его,— предполагая, вѣроятно, облегчить такою внимательностію трудную миссію іезуита. Немедленно по прибытіи, Поссевинъ вступилъ въ переговоры съ боярами царскими, и съ первыхъ же словъ онъ предложилъ соединеніе обѣихъ церквей. Кратко изложивъ сказанное въ грамотѣ папы, Поссевинъ утверждалъ, будто 4 вселенскіе собора признали и верховную власть папъ и догматы латинской церкви, но будто греческіе архіереи умышленно скрывали это рѣшеніе соборовъ,—и потому онъ предложилъ списать для царя книги св. отцовъ греческихъ,— или въ случаѣ поѣздки его къ Баторію, возложить этотъ трудъ на двухъ его сподвижниковъ— іезуитовъ, которые, между тѣмъ, выучатся порусски, а юношей русскихъ будутъ обучать по латынѣ. Какъ доказательство, что первые отцы Христовой церкви дѣйствительно исповѣдывали латинскіе догматы, Поссевинъ упиралъ на ту случайность, что мощи святителя Іоанна Златоустаго и св. Григорія хранятся въ римской церкви Петра, а мощи св. Аѳанасія и св. Николая — въ Венеціи; онъ увѣрялъ еще, будто въ Римѣ только находятся подлинныя творенія святыхъ отцовъ, свидѣтельствующихъ истину латинской церкви; онъ выводилъ эту мнимую истину изъ того обстоятельства, что язычники, обращаясь въ христіанство, присоединяются къ этой церкви. Изъ столь неточныхъ данныхъ, іезуитъ дѣлалъ такой выводъ: поелику церковь греческая основывается на рѣшеніяхъ святыхъ отцовъ своихъ, а эти святые отцы признали будто (по его увѣреніямъ) вѣрованія церкви римской, то эти обѣ церкви ни въ чемъ и не разнствуютъ; и потому онъ предлагалъ Іоанну (какъ только царь признаетъ соборъ Тридентскій полнымъ выраженіемъ догматовъ обѣихъ церквей) послать молодыхъ людей изъ духовнаго званія въ римскую коллегію, гдѣ они найдутъ воспитанниковъ изъ всѣхъ странъ міра, даже изъ Греціи, что папа не потребуетъ за это никакого вознагражденія, а напротивъ, велитъ обучать ихъ на свой счетъ. Въ заключеніе Поссевинъ присовокупилъ, что признаніемъ господства латинской церкви Іоаннъ пріобрѣтетъ несравненно болѣе славы и сокровищъ, чѣмъ покореніемъ татарскихъ царствъ, что самая власть его надъ его подданными упрочится, что всѣ христіанскіе государи тогда выкажутъ ему дружбу и, молитвами

первосвященника римскаго, Господь пошлетъ ему всѣ блага земныя и могущество, для уничтоженія всѣхъ враговъ его державы.

Бояре, которымъ поручилъ царь вести эти переговоры, неотвѣчали ничего на эти убѣжденія папскаго легата, а преимущественно разсуждали съ нимъ о дѣлахъ Ливоніи, въ высшей степени безпокоившихъ правительство.

Іезуитъ не унывалъ; онъ подалъ 1-го сентября меморію. Возобновляя предложенія, касательно религіи, онъ успокоивалъ царя тѣмъ что *соединеніе церквей не требовало измѣненій въ обрядахъ греческой церкви*, что это соединеніе было необходимо для его союза съ другими христіанскими государями; онъ относилъ молчаніе, противупоставленное правительствомъ на всѣ его резонерства къ неопытности переводчиковъ, несъумѣвшихъ съ точностію передать его мысли; онъ выражалъ надежду, что его просьбы будутъ наконецъ услышаны, потому что онъ долженъ дать въ этомъ отчетъ папѣ. Сверхъ того Поссевинъ требовалъ, чтобы царь, въ отвѣтной грамотѣ Григорію XIII, далъ ему титулъ „*Намѣстника Іисуса Христа;*" что такъ величаютъ его императоръ германскій и прочіе государи христіанскіе„ — согласно, будто бы, съ вселенскими соборами и твореніями св. отцовъ церкви греческой. Смѣло, покрайней мѣрѣ, Поссевинъ утверждалъ, что это было такъ; но, конечно, онъ самъ хорошо зналъ свою наглую ложь.

И эта меморія осталась безъ отвѣта. Тогда Поссевинъ сталъ отчаяваться въ успѣхѣ своихъ переговоровъ; онъ написалъ въ Римъ, что не только царь не хотѣлъ слушать его переговоровъ, но даже воспретилъ своимъ переводчикамъ переводить меморію, представленную Поссевиномъ по этому предмету. Только 10-го сентября Поссевину дали короткій и уклончивый отвѣтъ: что царь переговоритъ съ нимъ о религіи по возвращеніи Поссевина отъ Баторія. Не болѣе успѣха имѣлъ посланникъ папскій въ убѣжденіи царя заключить союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ. „Какой союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ *теперь* возможенъ" говорилъ Іоаннъ: „мы пойдемъ воевать турокъ, а Баторій двинется на насъ."

Этимъ Поссевинъ былъ поставленъ Іоанномъ въ такое положеніе, что не только не могъ надѣяться на успѣхъ въ окончательныхъ переговорахъ, касательно религіи, но даже не могъ

и начать ихъ — не помиривъ сперва Іоанна съ Баторіемъ. Обращеніе Россіи къ римскому католичеству, союзъ Іоанна съ другими христіанскими государями, противъ невѣрныхъ, словомъ — главные предметы возложенной на него миссіи—планы, столь драгоцѣнные Риму,—все зависѣло отъ рвенія, которое онъ выкажетъ въ быстромъ заключеніи перемирія между двумя врагами. Посолъ папскій вынужденъ былъ *начать* этимъ свою миссію; а Іоаннъ затаилъ въ душѣ своей мысль: этимъ замиреніемъ *покончить* свои сношенія съ Римомъ.

Поссевинъ очень озабочивался устройствомъ безпрепятственнаго проѣзда черезъ Россію негоціантовъ — латинянъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ Персіею. Ему хотѣлось получить разрѣшеніе на проѣздъ не только негоціантовъ, но и миссіонеровъ римскихъ. Онъ упрашивалъ папу убѣдить венеціанцевъ избрать ихъ торговый путь въ Персію черезъ Россію, увѣряя, что эта дорога будетъ для нихъ безопасна и не дорога, что, напротивъ, она будетъ выгодна для торговли; онъ прибавлялъ, что, по прибытіи въ Венецію, онъ и самъ постарается убѣдить ихъ въ этихъ выгодахъ. Іоаннъ, какъ мы уже замѣтили, предвидѣлъ это желаніе Рима, но онъ разсчитывалъ дать свое соизволеніе не много-погодя.

Когда надо было понудить Поссевина отправляться къ Баторію и убѣдить его, что все готово для дѣйствій противъ турокъ, царь обѣщалъ: предоставить свободный пропускъ въ Персію и купцамъ венеціанскимъ, и посламъ, которыхъ папа пошлетъ къ шаху персидскому, съ цѣлію склонить его къ участію въ войнѣ противъ турокъ, и даже священникамъ, которые будутъ ихъ сопровождать. Но онъ подалъ Поссевину только одну на это надежду, давъ ему понять, что и эти его домогательства не могутъ быть выполнены прежде заключенія мира между Россіею и Польшею. Поссевинъ и самъ понималъ это очень хорошо. „Есть и другой путь“ (въ Индію) говорилъ онъ „чрезъ Польшу и Литву; но этимъ путемъ мы теперь не можемъ слѣдовать, потому что вы, государи, вы враждуете другъ противъ друга, а не живете во взаимной любви и дружбѣ,—и потому ты, столь мудрый, ты долженъ бы подумать объ этомъ и разсудить, какъ бы ты и король польскій могли жить въ согласіи и дружбѣ, для того, чтобы каждый могъ достичь, цѣлымъ и невредимымъ, въ твое государство чрезъ Польшу и Литву.“ И всѣ соображенія, всѣ надежды на успѣхъ

заставляли Поссевина слѣдовать направленію, какое дано царемъ этому дѣлу и поспѣшнѣе положить конецъ войнѣ между Россіей и Польшей. Можно думать, что письмо Іоанна къ Баторію блеснуло іезуиту надеждой на возможность совратить царя въ латинство, потому что въ этомъ письмѣ государь намекалъ на полную почти тождественность ученій обѣихъ церквей. Поэтому, откланявшись царю 12 сентября, Поссевинъ, не ожидая какого либо рѣшенія на свои предложенія, оставилъ Старицу 14 того же мѣсяца и отправился къ Баторію.

Онъ оставилъ въ Москвѣ, въ качествѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ, іезуитовъ Стефана Дреноцкаго и Михаила Моріенъ. Они должны были оставаться для наблюденій, вести дневникъ всему, что увидятъ, или услышатъ, избѣгать начинанія въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а также и всякаго свиданія съ митрополитомъ. Имъ запрещено было распространеніе книгъ объ ученіи ихъ церкви,—книгъ, спеціально для этого приготовленныхъ Поссевиномъ въ Вильнѣ. Осторожный іезуитъ оставилъ имъ подробную инструкцію: какъ они должны были дѣйствовать въ его отсутствіи, запрещая имъ всякое соприкосновеніе къ вопросамъ и явленіямъ, могущимъ уязвить или оскорбить чувство привязанности русскихъ къ ихъ церкви и помѣшать единенію ея къ церковью римской. При богослуженіяхъ имъ строжайше были воспрещены уличныя процессіи, потому что онѣ могли показаться странными для русскихъ, къ нимъ не привыкшимъ,—дать поводъ лютеранамъ къ осмѣянію этихъ процессій, или произвести въ народѣ волненіе, — слѣдствіемъ котораго моглибъ быть высылка изъ Россіи этахъ делегатовъ. На случай, если бы русскіе вступили съ ними въ споръ о предметахъ, касающихся вѣры, Поссевинъ совѣтовалъ этимъ іезуитамъ: не давая отвѣтовъ,—самимъ предлагать только вопросы, чтобы смутить возражателей. А если бы они были поставлены въ неизбѣжную необходимость — дать отвѣтъ положительный, и если бы у нихъ такого отвѣта не было наготовѣ , они должны были отлагать все на — завтра; вообще имъ было предписано разсуждать преимущественно о нравственныхъ началахъ, истекающихъ изъ религіи, но не о ея догматахъ. Что бы не отдалить отъ себя русскихъ, они отнюдь не должны были вступать въ пренія съ ними о греческихъ святыхъ, а уклоняться отъ того невѣденіемъ.

Предполагая, что царь можетъ убѣждать іезуитовъ въ пра-

вовѣріи русской церкви и заставить ихъ выказать уваженіе къ ея представителямъ, — Поссевинъ не забылъ внушить своимъ повѣреннымъ, чтобъ они отнюдь не цѣловали руки митрополита и не подходили подъ его благословеніе, ни въ церкви, ни въ частныхъ домахъ, а при неизбѣжномъ представленіи ему, они должны были ограничиться обыкновеннымъ свѣтскимъ поклономъ. И такъ, поведеніе іезуитовъ, оставленныхъ въ Москвѣ, было опредѣлено съ замѣчательнымъ искуствомъ: оно заключалось въ іезуитской осторожности — до тѣхъ поръ, пока Поссевинъ, возвратясь изъ его миссіи къ Баторію, не возобновилъ своихъ предложеній.

Въ ту пору польскій король, желая черезъ Новгородъ добраться до Москвы, осаждалъ Псковъ. Достаточно снабженный продовольствіемъ, онъ не оставлялъ осады, не смотря на храбрую и энергическую защиту русскихъ. Радзивилъ, овладѣвъ Порховымъ и разбивъ Барятынскаго, явился у береговъ Волги и сталъ подъ стѣнами Можайска. Шведы занимали часть Ливоніи; они уже взяли Нарву. Посолъ султана турецкаго уже прибылъ въ станъ Баторія и предлагалъ ему помощь. Отовсюда тѣснимый врагами, Іоаннъ еще долженъ былъ бороться съ мятежниками, давать отпоръ боярамъ, которые всегда враждовали противъ его и, пользуясь неудачами внѣшнихъ войнъ, составили противъ царя заговоръ, въ которомъ участвовалъ даже старшій сынъ царя— наслѣдникъ его престола. При такихъ обстоятельствахъ, столь благопріятныхъ королю польскому, предстояло Поссевину успѣть склонить Баторія къ заключенію мира. Гордый побѣдитель и слышать не хотѣлъ о прекращеніи войны; онъ надменно отвергъ предложенія о перемиріи, предложенныя ему воеводами Іоанна. Только предъ именемъ папы онъ смирился и уступилъ. И надо признаться, что Поссевинъ много содѣйствовалъ заключенію десятилѣтняго мира между Россіей и Польшей. Участіе столь дѣятельное, принятое іезуитомъ въ заключеніи этого мира, свидѣтельствуется и самымъ актомъ о заключеніи его, подписаннымъ Поссевиномъ, и многократными увѣреніями и свидѣтельствами самаго царя.

Исполнивъ желанія царя, Поссевинъ поспѣшилъ своимъ возвратомъ въ Москву. 14 февраля 1582 г. прибылъ въ нее для полученія возмездія за свои услуги. Трудный подвигъ предстоялъ теперь Іоанну: ему надо было, воспользовавшись по-

средничествомъ легата римскаго, уклониться отъ требуемаго возмездія,—и выполнить это, не оскорбляя папы, который могъ опять возбудить Баторія къ войнѣ.

Представясь 16-го ч. царю, Поссевинъ 18-го возобновилъ свои прежнія предложенія: онъ требовалъ вооруженія Іоанна противъ турокъ, соединенія церквей, посылки юношей русскихъ въ Римъ, для воспитанія, дозволенія латинскимъ священникамъ жить въ Россіи, изгнанія изъ Москвы лютеранъ, внушеніямъ которыхъ Поссевинъ приписывалъ неблагосклонное расположеніе Іоанна къ папѣ. Таково было содержаніе меморіи, представленной этимъ іезуитомъ — легатомъ. Поссевинъ просилъ царя: предварительно прочесть представленное имъ изложеніе о вѣрѣ, потомъ соизволить переговорить съ нимъ объ этомъ въ особой аудіенціи; онъ увѣрялъ, что юноши, которыхъ пошлютъ въ Римъ, будутъ воспитаны въ правилахъ вѣры греческой и будутъ потомъ привезены обратно въ Россію; онъ обѣщалъ, для замѣщенія пасторовъ нѣмцевъ — лютеранъ, жившихъ въ Москвѣ, прислать другихъ священниковъ, тоже нѣмцевъ, но только римско-католиковъ; наконецъ онъ настойчиво желалъ получить письменно удостовѣреніе, что венеціане и другіе торговые люди латинскаго исповѣданія будутъ пользоваться въ Россіи безпрепятственнымъ выполненіемъ обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія.

Бояринъ Никита Романовичъ, въ присутствіи двора, объявилъ 21 февраля Поссевину, что царь весьма признательный за труды, которые онъ подъялъ для заключенія мира съ Баторіемъ, не откажется отъ участія въ совокупномъ дѣйствіи христіанскихъ государей противъ турокъ, — какъ только подобный союзъ будетъ окончательно заключенъ между ними, что купцамъ венеціанскимъ и имперскимъ дозволено будетъ имѣть при себѣ священниковъ, „съ тѣмъ, чтобъ они не распространяли между русскими своего ученія и не строили латинскихъ церквей, *да останется каждый въ своей вѣрѣ.*“ „Въ нашемъ царствѣ много разныхъ вѣръ,“ добавлялъ царь, и „мы не отнимаемъ у нихъ свободы, но своихъ церквей еще никто не строилъ въ нашей странѣ!“ По этому не было основанія къ изгнанію и лютеранъ. Въ отвѣтъ на предложеніе посылать русскихъ въ Римъ, было сказано очень искусно, что не было возможности въ короткое время собрать способныхъ къ ученью юношей и что, ежели, въ послѣдствіи, они найдутся, — можно будетъ послать

ихъ туда. Труднѣе всего было уклониться царю отъ словесныхъ разсужденій о вѣрѣ. Іоаннъ обѣщалъ согласиться на это по заключеніи мира съ Баторіемъ; но ежели онъ не допустилъ этихъ преній въ эпоху, когда поляки разоряли его царство, когда его главная надежда на миръ съ Баторіемъ опиралась на легатѣ папскомъ и когда этотъ легатъ требовалъ за свои услуги удостовѣренія, что его предложенія о соединеніи церквей будутъ приняты,—то Іоаннъ еще менѣе былъ расположенъ толковать о вѣрѣ теперь, когда ему уже не такъ нужны были—ни услуги Поссевина, ни посредничество Рима. Въ слѣдствіе этого дали знать Поссевину, что царь находилъ не приличнымъ бесѣдовать о вѣрѣ, безъ своего совѣта. „Всѣ эти разглагольствованія (добавлялъ царь) не могутъ достичь добраго конца, потому что каждый изъ насъ ревностно приверженъ къ своей вѣрѣ и будетъ защищать ее; только возникнутъ безполезныя словопренія; а—кто знаетъ—не поведутъ ли они еще и къ разрыву добрыхъ связей между кабинетами Москвы и Рима...“

Когда воля царская была объявлена Поссевину, онъ попросилъ, чтобъ она ему была сообщена письменно и сказалъ что онъ будетъ отвѣчать. Онъ увѣрялъ, что вовсе не требовалъ особенной частной аудіенціи съ царемъ, наединѣ, что государь можетъ, если ему угодно, имѣть при себѣ своихъ приближенныхъ и бояръ, ибо онъ понимаетъ хорошо, что царь не могъ быть безъ нихъ, какъ голова не можетъ быть безъ членовъ; наконецъ онъ утверждалъ, что онъ прибылъ не для споровъ и не предвидитъ, чтобы даже простое неудовольствіе могло возникнуть изъ ихъ бесѣды; онъ только желалъ доказать сходство догматовъ двухъ церквей греческой и латинской,—доказать, что ежели встрѣчается какое нибудь между ними противорѣчіе, оно происходитъ отъ неточности перевода твореній богослововъ греческихъ, что надо было безотлагательно согласить обѣ церкви, какъ это было сдѣлано на соборѣ Флорентійскомъ. Въ случаѣ, если царь не соизволитъ принять его, легатъ папскій просилъ дозволенія представить на другой же день письменное изложеніе его мыслей о вѣрѣ.

Видя упорныя домогательства іезуита и соображая, что письменныя состязательства о вѣрѣ поведутъ только къ новымъ, безконечнымъ просьбамъ Поссевина, желающаго добиться собесѣдованія царскаго,—Іоаннъ рѣшился положить конецъ этому дѣлу. Онъ повелѣлъ Поссевину представиться къ нему

и словесно разъяснить: какія порученія папа далъ ему касательно вѣры. Дѣлая это приглашеніе послу папскому, царь не имѣлъ намѣренія вступать съ нимъ въ разговоры о вѣрѣ, но только объяснить ему невозможность заняться этимъ вопросомъ и тѣмъ положить конецъ этому посольству, которое надоѣло теперь ему столько же, сколько было полезно сначала.

Удаливъ стольниковъ, дворянъ и приставовъ, въ присутствіи только бояръ, знатныхъ дворянъ и бывшихъ удѣльныхъ князей, царь принялъ легата папскаго, обратившагося къ нему съ слѣдующею рѣчью:

„Великій Государь, царь и великій князь! Къ папѣ Григорію XIII, раздѣляющему верховную власть съ апостоломъ Петромъ, ты посылалъ своего посла Шеврыгина и предлагалъ свой союзъ. Святой отецъ принялъ твои предложенія съ вѣрою и любовію, тѣмъ болѣе, что *нѣтъ разницы между вѣрой греческой и римской;* поэтому онъ и желаетъ да будетъ едина церковь и едина вѣра, по словамъ Христа: „*овца моя да пасется*,“ такъ—чтобы мы могли исповѣдываться въ вашихъ церквахъ у вашихъ священниковъ, а вы въ нашихъ. Но ежели нѣтъ въ твоемъ государствѣ перевода всѣхъ твореній отцовъ церкви греческой, ты можешь получить ихъ изъ Рима, гдѣ сохранены творенія Іоанна Златоустаго, писанныя его собственною рукой, и другихъ преподобныхъ святыхъ, также рѣшенія семи вселенскихъ соборовъ и послѣдняго Флорентійскаго собора, на которомъ подтверждено соединеніе обѣихъ церквей. Согласись признать это соединеніе,—и ты будешь въ узахъ дружбы съ папою, съ императоромъ и со всѣми государями,—и государство твое распространится ихъ общими усиліями далѣе предѣловъ родины твоихъ предковъ, далѣе Кіева и его теперешнихъ границъ, и ты станешь обладателемъ всего Востока.‘,

Чтобы лучше убѣдить царя, іезуитъ обѣщалъ, что *Римъ не коснется ни церкви, ни обрядовъ греческихъ;* что *и священники будутъ по прежнему, безъ измѣненій,* — и добавилъ, *будто Іоаннъ самъ обѣщалъ соединеніе церквей* и свободу исповѣданія вѣры для римскихъ католиковъ въ Россіи.

Нѣсколько разъ царь просилъ Поссевина оставить эти пренія, которыя могутъ сдѣлаться ему непріятными; потомъ наглостію увѣреній іезуита, *вынужденъ* былъ сказать, что *никогда не писалъ папѣ ничего, касающагося вѣры;* и *что онъ даже не счелъ бы себя въ правѣ писать объ этомъ, безъ разрѣ-*

шенія православнаго митрополита и собора. Ты все желаешь говорить о вѣрѣ (сказалъ ему царь) и, конечно, имѣешь на то право, потому что ты съ этою цѣлію посланъ папой, да ты и самъ священникъ латинскій, но я не смѣю тебѣ отвѣчать, потому что я не получалъ на это благословенія митрополита и собора." Что же касалось торговцевъ чужестранныхъ, живущихъ въ Россіи, царь вновь подтвердилъ свое царское слово-дозволить священникамъ латинскимъ быть при нихъ и отправлять божественныя службы, лишь бы не публично, и не въ церквахъ. Поссевинъ не унимался; онъ настоятельно увѣрялъ, что изъ предполагаемаго имъ разговора не можетъ выдти никакихъ непріятностей.

„Ты Государь великій (сказалъ онъ); какъ же я осмѣлился бы, я, смиреннѣйшій изъ твоихъ слугъ, произнести непристойное слово? Я только хочу передать тебѣ то, что приказано мнѣ папой".

„Очень трудно, чтобы мы согласились въ мысляхъ нашихъ о вѣрѣ, возразилъ Іоаннъ. Съ давнихъ временъ церковь восточная существуетъ отдѣльно отъ западной; мы приняли христіанство первобытное отъ апостола Андрея, принесшаго его въ наши страны; послѣ того, при Владимірѣ, оно повсемственно распространилось. Выходитъ, что въ то самое время какъ вы обращены были въ христіанство въ Италіи, мы стали христіанами въ Россіи, и сохранили свою православную вѣру во всей ея чистотѣ и цѣлости; тогда какъ,—вспомни что ты говорилъ мнѣ въ Старицѣ, — въ вашей латинской церкви теперь уже до 70 вѣрованій. Я родился въ нашей православной вѣрѣ, и вотъ, съ Божіею помощію, дожилъ до 51-го года, а потому не для чего мнѣ ни мѣнять вѣру, ни желать болѣе обширныхъ владѣній; я только думаю о будущей жизни; цѣлый міръ меня не прельститъ, — я не буду знать, что съ нимъ дѣлать. Впрочемъ, земля во власти Божіей; Господь даетъ ее, кому восхочетъ. Но какъ ты говоришь, что церковь восточная присоединилась къ западной, я замѣчу тебѣ, что наша вѣра не греческая вѣра, а *вѣра православная, во многомъ отличающаяся отъ вѣры латинской;* но я только не желаю разсуждать объ этомъ, чтобы не сказать чего нибудь лишняго, или тебѣ непріятнаго; для того чтобы не прервать дружескихъ сношеній, только что установившихся между мною и папою Григоріемъ XIII, а потому я и прошу тебя не говорить болѣе о вѣрѣ."

Поссевинъ притворяясь, будто онъ незамѣтилъ, что докучаетъ царю, настойчиво продолжалъ выпрашивать позволенія возобновить разговоры о вѣрѣ, — увѣряя, что можно вести ихъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Іоаннъ былъ характера вспыльчиваго, онъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ вѣроученіи церкви православной и даже любилъ высказывать это, какъ на словахъ, такъ и письменно. Нравъ человѣка взялъ верхъ надъ сдержанностью дипломата и намѣреньемъ—не вдаваться въ разглагольствованія о вѣрѣ съ іезуитовъ.

„Не хочу я вовсе (сказалъ онъ Поссевину) говорить съ тобою о святыхъ догматахъ вѣры,—это было бы тебѣ не пріятно; но вотъ вопросъ немудренный: *я вижу—ты брѣешь бороду*; а ни духовнымъ, ни мірянамъ не повелѣно бриться; ты вѣдь священникъ церкви римской,— и ты брѣешь бороду; будь же снисходителенъ, скажи мнѣ: откуда взятъ этотъ обычай? Изъ какого вѣроученія такой обычай происходитъ“?

Іезуитъ, смущенный такимъ неожиданнымъ вопросомъ, отвѣчалъ, *будто отъ природы онъ не имѣетъ бороды.*

Послѣ этого перваго, вырвавшагося вопроса, Іоаннъ, какъ человѣкъ слишкомъ пылкій, не могъ уже остановиться; онъ продолжалъ: „Шевригинъ разсказывалъ мнѣ, что папу носятъ на тронѣ и цѣлуютъ его туфлю, на которой вышитъ крестъ съ распятіемъ. Если это правда,— то хорошо ли это? Вотъ первая причина разницы между вашей вѣрою и нашей. У насъ крестъ Христовъ есть побѣда надъ врагомъ. Мы покланяемся древу крестному и чтимъ его по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцовъ церкви,—потому у насъ не носятъ креста ниже пояса, также какъ никогда такъ низко не помѣщаютъ иконы Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ; это дѣлается съ цѣлію, чтобы можно было видѣть образъ очами души и чтобы очи могли возвышаться къ нашему первообразу; потому и алтари въ церквахъ такъ устроены, что они на высотѣ груди человѣка, ибо не пристойно святые предметы полагать ниже пояса. И потому папа Григорій не дѣйствуетъ согласно съ уставами апостоловъ и святыхъ отцовъ семи вселенскихъ соборовъ. Эти церемоніи, о которыхъ я говорилъ, изобрѣтены гордынею человѣческою“.

Поссевинъ отвѣчалъ, что всѣ государи христіанскіе признаютъ папу раздѣляющимъ верховную власть св. Петра, *слѣдовательно и самаго Іисуса Христа;* что вся святыня христіанская,

сосредоточенная въ Римѣ, служитъ тому доказательствомъ; отъ того то и первосвященнику римскому оказываютъ столь высокія почести.

„Говоря такъ о твоемъ главѣ ты хочешь поумничать (сказалъ Іоаннъ); но ты говоришь несходно ни съ заповѣдями господними, ни съ преданіями апостольскими. Гордость не идетъ архіереямъ. Вспомни слова Спасителя къ его ученикамъ: „*Не нарицайтеся учителями, потому что одинъ учитель — Христосъ; а вы всѣ братія; и отцомъ не зовися на землѣ, потому что одинъ Отецъ—на небесахъ; не зовися Равви, потому что одинъ вашъ наставникъ—Христосъ; а наибольшій между вами да будетъ вамъ слугой*“. *)

„Господь еще сказалъ своимъ апостоламъ: не стяжите сокровищъ: ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясахъ вашихъ, ни мѣха въ пути, ни жезла, ни саноговъ, ни двухъ одеждъ. **) Вспомни также первое посланіе апостола Петра; тамъ сказано: *Пасите стадо Христово, вамъ ввѣренное, бдя надъ нимъ не съ насиліемъ, но добровольно и богоугодно; не для гнусной корысти, но по усердію; и не преобладайте надъ наслѣдіемъ господнимъ, но будьте образцомъ для паствы*“. ***) „По этому не слѣдовало бы папѣ Григорію возноситься такъ высоко, возсѣдать на тронѣ, какъ это намъ разсказывалъ нашъ посолъ Шевригинъ, и въ чемъ ты самъ теперь соглашиешься; папѣ гораздо болѣе приличествуетъ быть смиренномудрымъ, во всемъ подражая апостолу Петру,— по заповѣди Господней.

„Съ перваго вселенскаго собора, при папѣ Сильвестрѣ, до 7-го собора, были въ церкви христіанской четыре патріарха и вселенскихъ учителя: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій. Они поставили въ разныя страны митрополитовъ. Въ нашей державѣ царской есть также митрополитъ, архіепископы и епископы русскіе, православные, которыхъ мы почитаемъ и слушаемъ въ дѣлахъ духовныхъ. Митрополита русскаго мы зовемъ нашимъ отцомъ; мы смиряемся предъ нимъ, почитаемъ его, просимъ его благословенія и когда онъ насъ посѣщаетъ,—мы выходимъ къ нему на встрѣчу торжественно со всѣмъ нашимъ дворомъ, но мы не призна-

*) Матѳ. гл. 23 ст. 8, 9, 10, 11.
**) Матѳ. гл. 10 ст. 9.
***) 1 Петр. гл. 5 ст. 2 и 3.

емъ его Богомъ, или равнымъ Богу. И папа Григорій XIII не долженъ бы возсѣдать на тронѣ и *называться равнымъ* апостолу Петру, а особенно *Іисусу Христу*. Папа—не Іисусъ Христосъ; тронъ, на которомъ его носятъ—не облако небесное, а носящіе папу—во все не ангелы. Нельзя приравнять къ Іисусу Христу даже первоверховнаго апостола св. Петра, а тѣмъ менѣе можно равнять съ нимъ папу Григорія. Пусть онъ возьметъ примѣръ съ папы Сильвестра или Адріана и другихъ вселенскихъ учителей церкви, слѣдовавшихъ вѣроученію Христа и преданіямъ апостольскимъ; но да не возстаетъ онъ съ гордынею, до того, что его носятъ на тронѣ, съ распятіемъ на туфлѣ, и лобызаютъ ему ногу. И мы—православные, признаемъ апостола Петра и многихъ римскихъ епископовъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, какъ напримѣръ: Климента, Сильвестра, Агаѳона, Вигилія, Льва, Григорія. Но какъ считать преемниками Петра тѣхъ, кто возсѣдаетъ на его сѣдалищѣ, не слѣдуя заповѣдямъ Христа?"

Посеевинъ отвѣчалъ, что власть, данная Христомъ его представителямъ, вовсе не зависѣла отъ ихъ жизни добродѣтельной или предосудительной. „Прошу тебя, пресвѣтлый царь, сказать мнѣ: преемникъ ли ты и законный ли наслѣдникъ власти Владиміра, который жилъ за пятьсотъ лѣтъ предъ тобою." Когда Іоаннъ отвѣчалъ утвердительно, Поссевинъ продолжалъ: „Такъ если бы кто нибудь вздумалъ издѣваться надъ твоею властію и не покоряться ей, потому что твои предки, по слабости человѣческой, были преданы порокамъ, какъ ты заключишь объ этомъ человѣкѣ: достоинъ-ли онъ будетъ похвалы, или наказанія? Ты великъ, государь, въ твоемъ царствѣ! Какъ же могли-бъ мы не возносить тебя, не прославлять, не простираться у ногъ твоихъ?" Сказавъ это, іезуитъ кинулся къ ногамъ Іоанна.

„Дѣйствительно (возразилъ Іоаннъ) наши подданные должны насъ почитать, насъ-благочестивыхъ царей ихъ, какъ они почитали великаго князя Владиміра Мономаха, какъ почитаютъ всѣ подданные своихъ государей - нашихъ братьевъ; но ежели ты думаешь оправдать тѣмъ почести, воздаваемыя папамъ, я замѣчу тебѣ, что іерархамъ, ученикамъ смиренныхъ апостоловъ, предлежитъ подавать примѣръ смиренія, но не идетъ имъ превышать гордостію владыкъ земныхъ. Государямъ подобаетъ почесть царская, а іерархамъ, папамъ и патріархамъ—почесть

іерархная. Тѣ изъ папъ, которые слѣдовали заповѣдямъ Христа, преданіямъ апостольскимъ и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно равноапостольными, но папа, поступающій въ противность ученію Христа, такой папа не пастырь, а волкъ...“

— Если папа *волкъ*, — грубо возразилъ Поссевинъ,— такъ что мнѣ еще говорить послѣ того? Для чего же ты посылалъ къ нему просить о помощи? Зачѣмъ же ты называлъ его, какъ и твои предшественники, *пастыремъ* церкви?—

При этихъ словахъ грозный царь вскипѣлъ гнѣвомъ; онъ вскочилъ, подошелъ къ Поссевину—и, грозя ему своею палкою окованною желѣзомъ, сказалъ: „Видно ты воспитанъ у мужиковъ, что смѣешь со мною говорить такимъ мужицкимъ языкомъ!“

Ужаснулся іезуитъ, и замолкъ, и сталъ извиняться; и потомъ уже очень смиренно отвѣчалъ на всѣ нападки Іоанна противъ папства.

Прійдя въ себя, царь постарался загладить свою невольную запальчивость, которая могла раздражить Римъ противъ него. „Вѣдь я давно говорилъ (сказалъ онъ Поссевину), что толки о вѣрѣ не могутъ окончиться безъ непріятностей и безобидно; впрочемъ я вовсе не называлъ вашего папу волкомъ, но такого папу, который не захотѣлъ бы слѣдовать ученію Христа и преданіямъ апостольскимъ. Покончимъ же на этомъ нашъ разговоръ.“

Прежде чѣмъ оставить Поссевина, царь благосклонно подалъ ему руку. Іезуитъ, поцѣловавъ ее, вышелъ, въ сопровожденіи пышной свиты, которая ввела его во дворецъ. Въ тотъ же день Іоаннъ отправилъ къ послу папскому, съ главнымъ приставомъ Евстафіемъ Пушкинымъ и другими, яства съ собственнаго своего стола.

Послѣ бывшаго разговора съ царемъ, Поссевинъ долженъ былъ понять, что въ Россіи достигнуть осуществленія замысловъ Рима не такъ то легко и скоро, какъ онъ полагалъ сначала; однако онъ не отказался отъ своего проэкта и надѣялся достигнуть цѣли *со временемъ*. 22-го февраля онъ обратился вновь съ просьбою, касательно отсылки въ Римъ молодыхъ русскихъ, для воспитанія. Онъ увѣрялъ, что желаетъ этого единственно, какъ знака и доказательства дружбы Іоанна къ папѣ и къ другимъ христіанскимъ государямъ; онъ присовокуплялъ, что если бы онъ хотѣлъ собрать молодыхъ литовцевъ съ этою

цѣлью, то навѣрно нашелъ бы много охотниковъ подъ Псковомъ, но онъ предоставляетъ царю случай быть угоднымъ Богу и пріобрѣсть великую славу; однако если Іоанну этого не желательно, то папа не будетъ сожалѣть о томъ, потому что со всѣхъ концовъ міра притекаютъ въ Римъ столько людей для образованія себя, что нельзя помѣстить ихъ всѣхъ, и что иной разъ вынуждены ихъ отсылать.

Оставивъ эту записку безъ отвѣта, царь повелѣлъ на завтра, 23-го февраля, пригласить папскаго легата пожаловать къ нему во дворецъ. Напуганный іезуитъ думалъ уже, что вѣнецъ мученическій ожидалъ его; онъ пріобщился предъ отъѣздомъ къ царю, преподалъ святое таинство всѣмъ кто былъ съ нимъ, и затѣмъ уже съ трепетомъ вступилъ въ чертоги царскіе. Въ этотъ разъ дворецъ былъ наполненъ гораздо большимъ числомъ сановниковъ. Іоаннъ былъ вспыльчивъ; но, какъ глубокій политикъ, онъ сожалѣлъ о рѣзкихъ словахъ, въ минуту неудержимой вспышки произнесенныхъ имъ о папѣ, которому онъ обязанъ былъ миромъ съ Баторіемъ. Въ слѣдствіе этого, онъ пригласилъ Поссевина вовсе не для того, чтобы мучить его, но, напротивъ, чтобы примириться съ нимъ. Оказавъ легату пріемъ самый торжественный съ особыми почестями, царь сказалъ ему громкимъ голосомъ: „когда ты такъ настоятельно добивался пренія со мною о вѣрѣ, я сказалъ тебѣ черезъ моихъ бояръ, да и тебѣ самому я говорилъ, что эти пренія не могутъ не повести къ неудовольствіямъ, потому что каждый защищаетъ свою вѣру; если я заговорю о твоей религіи, ты будешь слушать меня нетерпѣливо; если ты начнешь говорить о нашей вѣрѣ и доказывать превосходство церкви латинской,— это будетъ мнѣ непріятно. Но ты упорствовалъ и требовалъ непремѣнно этого пренія; я сдѣлалъ тебѣ самъ, на словахъ, нѣсколько замѣчаній о церкви римской, и ты тотчасъ же обидѣлся. Если я сказалъ тебѣ о папѣ что нибудь такое, что тебѣ не понравилось,— забудь это, и не пиши объ этомъ въ Римъ. Не смотря на разницу нашихъ исповѣданій, я желаю сохранить миръ и дружбу съ папою Григоріемъ и со всѣми христіанскими государями. Я не забуду твоихъ заслугъ и усердія, я буду тебѣ признателенъ и удостовѣрю папу и цесаря, что благодаря твоему посредничеству, я заключилъ миръ съ Баторіемъ.“

Поссевинъ, поблагодаривъ царя, сказалъ о вѣрѣ нѣсколько словъ, которыя, однако, не возбуждали ни спора, ни возраженій.

После этого пріема Поссевинъ не имѣлъ уже болѣе личнаго доступа къ царю; онъ продолжалъ переговоры письменно; имъ была составлена и повергнута вниманію царя диссертація: въ чемъ расходятся церкви восточная и западная; онъ все хотѣлъ доказать, — само собою разумѣется, — превосходство латинства. Для убѣжденія русскихъ, онъ написалъ трактатъ объ исхожденіи Святаго Духа *отъ Отца и Сына;* наконецъ онъ составилъ опровержение на одно сочиненіе, представленное Іоанну купцами англичанами и переведенное на русскій языкъ по повелѣнію царя. Въ этомъ сочиненіи указано много сходства между папою и антихристомъ. Защищая папъ и исчисляя всѣ заслуги римскихъ первосвященниковъ, Поссевинъ, конечно, не забылъ прибавить, что миръ съ Баторіемъ былъ заключенъ посредничествомъ папы Григорія XIII и пролитіе христіанской крови, длившееся 22 года, остановлено не антихристомъ, а намѣстникомъ Христа.

Богословскіе трактаты Поссевина мало занимали царя. Отразивъ всѣ его нападенія и отнявъ у него всякую надежду совратить царя русскаго въ латинство, Іоаннъ возвратился къ взлелѣянной имъ мысли—обратить іезуита въ православіе.

4-го марта дворецъ былъ весь полонъ приглашенныхъ. Въ его обширныхъ теремахъ тѣснились болѣе пяти тысячь особъ; на лѣстницахъ, у дверей, у оконъ—толпились любопытные. Среди этой огромной массы гостей представился царю и Поссевинъ. Іоаннъ сказалъ ему: наши бояре доложили намъ, что ты желаешь посѣтить наши храмы, присутствовать при богослуженіи нашей православной церкви. Теперь я доставлю тебѣ случай все видѣть; сегодня я иду въ церковь Божіей Матери, ты можешь мнѣ туда сопутствовать. Ты увидишь тамъ съ какою вѣрою мы молимся и покланяемся пресвятой Троицѣ, пречистой Дѣвѣ Маріи и святымъ угодникамъ; ты замѣтишь съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ мы преклоняемся предъ чудотворными иконами; ты будешь имѣть счастіе созерцать образъ Богоматери, писанный евангелистомъ Лукою. Обрати вниманіе и на то, какъ мы почитаемъ нашего отца митрополита, который молится за насъ; какъ мы испрашиваемъ его благословеніе и оказываемъ ему почести, подобающіе его сану. Но въ тоже время ты увидишь, что мы не боготворимъ митрополита, его не носятъ на престолѣ и не лобызаютъ ему ногу. То—дѣло гордыни, а вовсе не священный обычай. Ты говоришь, что па-

па представитель св. Петра, но апостолъ Петръ не возсѣдалъ на конѣ,—ходилъ пѣшкомъ, и даже босикомъ."

Поссевинъ возразилъ, что онъ никогда не выражалъ желанія видѣть богослуженіе въ церкви русской, но во всякомъ случаѣ онъ пойдетъ въ церковь; почести же воздаваемыя папѣ онъ объяснилъ тѣмъ, что папа—представитель святого Петра, отецъ всѣхъ вѣрующихъ „какъ и ты, государь, (прибавилъ онъ), и самъ оказываешь величайшее почтеніе твоему митрополиту: *во время богослуженія онъ омываетъ свои руки, а ты,— государь, омочаешь свои глаза этою водой.*"

„А,—ты хочешь еще быть и наставникомъ?" (возразилъ Іоаннъ) „ты, видно, пришелъ сюда учить насъ; а все же ты самъ не знаешь, что говоришь! Читалъ-ли ты когда нибудь толковое объясненіе литургіи?" Поссевинъ промолчалъ. „Ну, хорошо,—такъ я тебѣ это объясню: митрополитъ, омывъ руки во время служенія, освѣжаетъ свои глаза этою водой, и мы, весь народъ, дѣлаемъ тоже—*въ воспоминаніе страсти Господней.* Предъ своими страданіями Господь омылъ свои руки и омочилъ глаза тою самою водой, — вотъ отчего мы хранимъ этотъ обрядъ— въ воспоминаніе страданій Христа, *а вовсе не какъ почесть, воздаваемую митрополиту.*" Поссевинъ не могъ возразить на это ни полслова.

Царь имѣлъ намѣреніе, во время нарочитаго церковнаго торжества, довести легата папскаго до почитанія церкви православной, чрезъ присутствіе при ея богослуженіи. Въ слѣдствіе этого, проготовляли въ Успенскомъ соборѣ самое торжественное служеніе. Евстафій Пушкинъ, Ѳеодоръ Писемскій и пристава получили приказаніе проводить туда Поссевина и ожидать съ нимъ у вратъ церковныхъ прибытія царя, чтобы легатъ папы могъ видѣть, какъ государя встрѣтитъ митрополитъ, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный всѣмъ сонмомъ духовенства. Поссевинъ долженъ былъ слѣдовать за царемъ и вступить въ храмъ послѣ него.

Прибывъ къ собору, Поссевинъ хотѣлъ войдти прямо въ церковь, не ожидая царя на площади, но пристава не допустили его до этого; тогда онъ объявилъ, что воротится домой; но тѣ же пристава удержали его при церкви. Пушкинъ и его товарищи немедленно доложили царю о происшедшемъ. Государь, видя какъ трудно заставить іезуита, безъ принужденія его, преклониться предъ алтаремъ русской церкви, послалъ

секретаря своего Щелкалова сказать Поссевину, что его задерживали единственно изъ желанія доставить ему возможность видѣть, какъ царь будетъ принятъ митрополитомъ, но что „онъ недолженъ дѣлать неприличій;“ не хочетъ быть въ церкви, то можетъ воротиться домой, и потомъ пожаловать въ канцелярію, чтобы тамъ узнать о рѣшеніи на представленныя имъ предложенія.

Поссевинъ поспѣшилъ воспользоваться дозволеніемъ царя и избавиться отъ любопытства толпы. Не надѣясь болѣе на удачу своихъ домогательствъ, онъ отправился къ боярамъ узнать объ окончательной волѣ государя. Ему оффиціально подтвердили, что, не смотря на всѣ его просьбы, никогда въ Россіи не будетъ дозволено строить латинскія церкви, „*ибо неподобаетъ, чтобъ римская церьковь имѣла здѣсь свои церкви;*“ и добавили, что не будетъ запрещено чужестранцамъ латинской церкви, прибывающимъ въ Россію, исповѣдывать свою вѣру, *лишь бы они неведи пропаганды между русскими.* Это было послѣднее слово царя.

Такъ окончился этотъ замѣчательный эпизодъ русской исторіи. Изъ него видѣнъ превосходно охарактеризованный союзъ, бывшій въ Россіи между царемъ и духовенствомъ. Этотъ союзъ не былъ опредѣленъ никакимъ положительнымъ закономъ; но онъ былъ результатомъ жизни народа и сохранился неизмѣнно—или чрезъ образъ семейной нашей жизни, или чрезъ обычаи, способствовавшіе къ образованію общественнаго духа въ Россіи, и внѣ которыхъ вся исторія нашего отечества непонятна.

Первосвященникъ римскій обратился не къ духовенству русскому, а прямо къ царю, съ предложеніемъ о соединеніи церквей; но этотъ грозный могущественный властелинъ, неограниченный самодержецъ своихъ подданныхъ, не призналъ себя имѣющимъ власть надъ вѣрой и церковью. Онъ, правда, вступаетъ въ состязаніе съ римскимъ легатомъ объ истинахъ вѣры, онъ доказываетъ правоту своихъ вѣрованій, онъ твердо защищаетъ свою вѣру отъ посягательствъ Рима и отъ интригъ іезуита,— но онъ прямо объявляетъ, что самъ ничего не можетъ рѣшить въ дѣлѣ вѣры, что онъ даже не имѣетъ этого порученія, не получивъ на то полномочія ни отъ митрополита, ни отъ собора.

Изъ исторіи Россіи выказывается двойной фактъ:

1) Правительство и церковь были всегда тѣсно соединены;

2) Но никогда ни одна изъ этихъ властей не была прямо подчинена другой.

Западные писатели обыкновенно говорятъ противное, но это доказываетъ только ихъ незнаніе исторіи нашего отечества. Мы утверждаемъ, что нигдѣ эти двѣ власти не были болѣе чѣмъ въ Россіи независимы въ ихъ собственной свободѣ дѣйствій, не смотря на узы ихъ соединявшіе. Эта взаимная независимость, при самомъ тѣсномъ единеніи, ярко сверкаетъ даже въ богословскихъ спорахъ Іоанна Грознаго съ легатомъ папы Григорія XIII.

Поссевинъ былъ отосланъ въ Римъ съ письмомъ царя къ папѣ, извѣщавшимъ, просто, только о полученіи экземпляра постановленій Флорентійскаго собора. Посолъ русскій Моляниновъ, сопровождавшій въ Римъ легата папскаго, не имѣлъ никакого порученія касательно переговоровъ о вѣрѣ; онъ не долженъ былъ даже говорить о союзѣ, предположенномъ противъ мусульманъ. Вотъ какіе, по инструкціи имъ полученной, отвѣты онъ долженъ былъ давать: „Это все дѣла особой важности; но намъ не дано повелѣнія трактовать объ нихъ; мы не совѣтникъ; намъ не дано предписанія договариваться объ этихъ дѣлахъ.“ Однако Іоаннъ желалъ сохранить дружескія сношенія съ дворомъ римскимъ. Предвидя, что его немного рѣзкія выраженія о папѣ и нѣкоторое принужденіе, оказанное его легату, съ цѣлію заставить его присутствовать при богослуженіи въ русской церкви, могли показаться для папы оскорбительными, — онъ повелѣлъ Молянинову, въ случаѣ если бы ему напомнили, что царь прозвалъ папу „*волкомъ*,“ — отвѣчать, что Молянинов этого вовсе не слыхалъ, прибывъ въ Москву наканунѣ отъѣзда Поссевина; также не видалъ, чтобы лагата задержали на площади у вратъ церкви; онъ зналъ только, что послу папы оказывали такія почести, которыхъ никогда и невидывали ни послы имперскіе, ни послы турецкіе.

И такъ Іоаннъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи не только не дѣлать ни малѣйшей уступки папѣ, касательно вѣры, но даже и не упоминать объ этомъ въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Такъ поступалъ онъ въ то тяжелое время, когда Баторій разорялъ его государство и когда онъ искалъ своей безопасности въ посредничествѣ папы. Такъ же точно дѣйство-

валъ онъ и тогда, когда, благодаря этому посредничеству, заключилъ миръ съ Баторіемъ. Ему удалось отклонить всякое объясненіе по предмету касавшемуся вѣры. Такимъ образомъ, царь Іоаннъ употребилъ содѣйствіе Рима на защиту своего отечества, не пожертвовавъ ни однимъ догматомъ своей вѣры, даже не сдѣлавъ ни малѣйшей уступки къ водворенію латинской церкви въ Россіи, въ ущербъ церкви православной.

Баторій хорошо зналъ своего сосѣда—русскаго царя. Онъ предсказалъ случившееся.

Не смотря на настоянія Григорія XIII, Іоаннъ остался непоколебимо твердъ въ своей вѣрѣ; борьба богословская между представителемъ первосвященника римскаго и самодержцемъ русскимъ—была для нихъ обоихъ безполезна. Римъ задумалъ совратить Іоанна въ латинство; Іоаннъ попытался достичь всенародно выраженнаго почитанія Римомъ русской церкви. Оба состязателя потерпѣли неудачу въ противурѣчивомъ ихъ дѣлѣ. Посольство Поссевина доставило Риму только позволеніе для латинскихъ священниковъ прибывать въ Россію,—въ чемъ предъ тѣмъ отказалъ великій князь Василій. Благодаря этой уступкѣ, Іоаннъ заключилъ миръ съ непріятелемъ опаснымъ, сохранилъ свои завоеванія, оградилъ цѣлость и спокойствіе Россіи.

Результаты миссіи Поссевина можно оцѣнивать не только по этимъ извѣстнымъ послѣдствіямъ, но и по намѣреніямъ его предъ отъѣздомъ изъ Рима, и по тѣмъ средствамъ, которыя онъ находилъ возможными и необходимыми для введенія латинства въ Россіи.

Одно изъ этихъ главныхъ средствъ было учрежденіе въ Римѣ академіи и семинаріи для русскихъ. Надѣялись, что пышность и великолѣпіе папскаго двора и нѣсколько щедрыхъ подарковъ, будутъ достаточны для привлеченія туда значительнаго числа воспитанниковъ; хотѣли учредить еще академію въ Вильнѣ и въ Полоцкѣ, для обученія въ нихъ молодыхъ русскихъ плѣнныхъ. Наконецъ хотѣли отослать нѣкоторыхъ изъ этихъ плѣнныхъ въ семинаріи Ольмюца и Праги, гдѣ было легче обучать русскихъ, по сходству ихъ языка съ чешкимъ. Главной цѣлію воспитанія было предположено развитіе религіознаго фанатизма и пріученіе питомцевъ къ различнымъ пріемамъ, которые были признаны самыми полезными *для совращенія* ихъ соотечественниковъ. По окончаніи курса и послѣ замѣна этихъ юно-

щей другими, ихъ отослали бы въ Россію, или въ сосѣдственныя области—не римско-католическія, *какъ въ вертоградъ* (tanquam in vineas), для привитія тамъ латинства.

Для руководства, въ этихъ семинаріяхъ и преимущественно для распространенія въ народѣ римско-католическихъ книгъ, Поссевинъ нашелъ необходимымъ перевести на русскій языкъ главныя сочиненія пропаганды,—но онъ совѣтовалъ совершать этотъ трудъ постепенно, осторожно и тайно. „Если бы (говоритъ онъ), послѣ Флорентійскаго собора, его постановленія, переведенныя на языки народные, были распространены на востокѣ, если бы школы были основаны для грековъ и внушены былибъ имъ истины церкви римской,—одинъ Маркъ Ефесскій не былъ бы довольно силенъ для разрушенія дѣла столь важнаго и столь прочнаго въ самомъ себѣ." Таковы были мѣры, предложенныя іезуитомъ, для уничтоженія въ Россіи церкви православной. Онъ прибавлялъ, что папы Евгеній II, Иннокентій III, Григорій X, Александръ VI, Левъ X и Климентъ VII признавали, что столь великая цѣль могла быть достигнута не однимъ только созваніемъ собора, или посылкою легата, или грамотой,—но всѣми этими средствами вмѣстѣ; *и потому для достиженія совращенія Россіи въ латинство, они начали Польшей* и принудили королей польскихъ предоставить разныя привиллегіи и преимущества тѣмъ изъ русскихъ архіереевъ, которые признаютъ постановленія Флорентійскаго собора. По мнѣнію Поссевина, это было лучшее оружіе для нападенія на православіе въ пользу латинства. Онъ совѣтовалъ слѣдовать примѣру этихъ папъ и обратить особое вниманіе на Литву, которая, не смотря на тогдашнее свое политическое отдѣленіе отъ Россіи, сохраняла съ нею столь тѣсныя связи, что епископы русскіе были неразъ посвящаемы митрополитомъ кіевскимъ, подданнымъ короля польскаго. Поссевинъ совѣтовалъ отъ имени папы послать благосклонныя письма русскимъ архіереямъ Литвы и не терять изъ виду ничего, что могло бы привлечь ихъ къ латинству. *Поссевинъ* такимъ образомъ *подготовилъ* то, что послѣ назвали *уніей:* прежде чѣмъ она была огранизована, онъ очень точно опредѣлилъ ея характеръ и значеніе въ отношеніи къ Россіи.

Поссевинъ возратился въ Римъ,—еще болѣе прежняго убѣжденный въ важности для латинской церкви совращенія Россіи въ римское католичество. Но въ тоже время онъ лучше пони-

малъ трудности такого предпріятія. Онъ изучилъ страну, глубоко разведалъ характеръ всехъ препятствій. Въ следствіе того онъ зрело обдумалъ целую систему пропаганды и изложилъ ее въ записке.

Обращеніе въ латинство Россіи было бы, по его мненію, не только важнымъ само по себе, но и по особенной еще причине: только чрезъ Россію церковь римская могла бы делать завоеванія на востоке; путь чрезъ Россію удобнее, вернее, дешевле. Невозможно пользоваться этими выгодами, не имея съ Россіею духовнаго союза. Дело это (говоритъ Поссевинъ) не можетъ быть произведеніемъ одного дня, или одного посольства, но трудомъ целыхъ вековъ, строгой логичности, терпенія неутомимаго. Союзъ этотъ можно бы подготовить: учрежденіемъ латинскихъ академій и семинарій въ пограничной Литве, посылкою іезуитовъ, мнимыя чудеса которыхъ производятъ необыкновенный эффектъ на народъ простой и невежественный,—наконецъ—теснымъ союзомъ царя московскаго съ государями веры латинской.

Сношенія постоянныя, непрерываемыя между самодержцами русскими и государями, исповедующими вероученіе римское, и преимущественно съ папою, могли въ особенности, по мненію Поссевина, способствовать успеху пропаганды латинской въ Россіи; поэтому въ Москве всегда должно иметь папскаго нунція, которому надо-бы дать подробныя наставленія не только о томъ, какъ онъ долженъ действовать, но и о томъ, какъ онъ долженъ представлять царю записки, и какъ оне должны быть написаны; даже о томъ, какъ онъ долженъ одеваться, разсчитывать и соображать каждый шагъ своей жизни домашней, публичной и внутренней. Предусмотрительный іезуитъ не пренебрегалъ ни малейшею подробностью, лишь бы это было полезно для целей Рима. Эта нунціатура, которой единственная прямая цель—введеніе латинства въ Россіи,—должна была пуститься въ путь въ удобное время; она должна быть малочисленна, чтобы не дать повода къ подозреніямъ; ни въ какомъ случае она не должна бъ поселиться во дворце царскомъ; она не должна бъ даже и являться туда иначе, какъ только въ крайнихъ случаяхъ. По внешности,—она должна бъ блистать роскошью и пышностью, за исключеніемъ только нунція, если онъ изъ духовенства. Поссевинъ въ своей записке говорилъ еще папе, что *русскіе привыкли видеть своихъ архіереевъ одетыми очень просто, по-*

стоянно постящимися, удаляющимися отъ всякой свѣтскости, по тому онъ находилъ, что нунцій въ Россіи долженъ былъ одѣваться скромно и просто, чѣмъ могъ бы онъ легче привлечь русскихъ, въ особенности если его одежда будетъ подходить какъ можно болѣе къ покрою одежды епископовъ русскихъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе Альберта дэ Кампи, изложенное въ запискѣ, представленной папѣ Клементу VII, по которому нунціатура въ Россіи должна была имѣть въ своемъ составѣ не болѣе пяти лицъ; онъ добавлялъ, что по прибытіи въ Польшу, нунцій найдетъ въ Вильнѣ, за очень небольшую цѣну, нѣсколько людей способныхъ, привыкшихъ къ суровому климату Россіи и къ труднымъ путешествіямъ. Зная по опыту цѣну хорошаго переводчика, Поссевинъ находилъ необходимымъ имѣть при нунціѣ *двухъ переводчиковъ*, чтобы въ случаѣ недоразумѣній, или смерти одного изъ нихъ, не быть обязаннымъ довѣряться переводчику, присланному изъ приказа, который могъ бы, по привязанности къ своей вѣрѣ, переводить не точно, и съ особымъ умысломъ, разговоры и записки,—передавать иныя обстоятельства, и выраженія, о которыхъ долженъ бы промолчать, какъ это случилось съ нимъ самимъ. Поэтому онъ настаивалъ, чтобы переводчиковъ не избирали ни изъ русскихъ, ни изъ поляковъ, по взаимной ихъ ненависти; онъ находилъ гораздо выгоднѣе выбирать ихъ въ странахъ славянскаго племени, въ Богеміи, или Литвѣ, изъ русиновъ, воспитанныхъ въ виленской іезуитской коллегіи, или, въ только что основанной тогда полоцкой, а чтобъ быть болѣе увѣреннымъ въ ихъ скромности, онъ поставлялъ необходимымъ условіемъ выбирать ихъ изъ *немолодыхъ*. Ему также казалось необходимымъ имѣть медика, знающаго чешскій или русскій языкъ, потому что, по своему званію, находясь при больныхъ русскихъ, войдя въ ихъ довѣріе, заслуживъ ихъ доброе расположеніе и благодарность,—онъ можетъ воспользоваться ихъ слабостями, или чувствами къ нему, чтобы обращать ихъ въ латинство. Главное лицо такого церковно-пропагандистскаго посольства привлекло особое вниманіе іезуита: онъ совѣтовалъ выбрать для этой миссіи священника чеха, или русина, который бы зналъ основательно русскій языкъ, который бы тщательно изучилъ его диссертацію о разностяхъ между церквами русской и латинской, прочиталъ бы 13 сочиненій, имъ означенныхъ, написанныхъ противъ вѣроученія православнаго. Этотъ русинъ долженъ былъ имѣть всѣ принадлежности для богослуженія въ во-

личайшемъ порядкѣ и обязанъ служить какъ можно чаще, чтобы такою внѣшнею обстановской завлекать въ свою вѣру народъ, который онъ встрѣчалъ бы по дорогѣ въ Москву и въ самой Москвѣ. Нунцій долженъ былъ притворяться въ величайшемъ будто уваженіи своемъ къ русской церкви; ему надо предписать, чтобы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ соображался съ обычаями народными; постился бы когда русскіе постятся, не ѣлъ бы постнаго по субботамъ, выказывалъ бы почитаніе иконъ святыхъ церкви православной, какъ кардиналъ Комскій по приказу папы Григорія XIII совѣтовалъ самому Поссевину, во время его пребыванія въ Россіи.

Поссевинъ предлагалъ перевести на русскій языкъ сочиненія латинскія и указывалъ слѣдующія средства къ ихъ распространенію: 1-е раздавать *даромъ* воспитанникамъ изъ русскихъ (находившимся въ виленской іезуитской коллегіи) множество экземпляровъ извлеченія изъ сочиненія Геннадіуса, въ вопросахъ и отвѣтахъ, противъ вѣроученія восточной церкви, и обязать профессоровъ этихъ учениковъ—заставлять ихъ посылать это сочиненіе къ ихъ роднымъ и друзьямъ; 2-е ассигновать деньги на напечатаніе послѣдняго изъ пяти трактатовъ, того же автора, о верховной власти папъ и распространить это сочиненіе между учениками виленской іезуитской коллегіи и такой же ярославской (возлѣ Львова); послать его въ семинаріи Ольмюца и Праги, а также къ Іоанну Эрбестъ, бывшему тогда въ Россіи; 3-е перевести на русскій языкъ и напечатать латинскій катихизисъ Петра Канизіуса, — на счетъ іезуитовъ, которые охотно для этой цѣли доставятъ необходимыя средства; 4-е напечатать на двухъ или трехъ листахъ главу о еретикахъ изъ сочиненія Сандера *о Монархіи*, и роздать ее русскимъ воспитанникамъ іезуитскихъ заведеній; также черезъ королевскаго секретаря Ясинскаго переслать секретарямъ и чиновникамъ польской канцеляріи въ Москвѣ; 5-е отдѣльно печатать обширныя сочиненія, доступныя для немногихъ, какъ напримѣръ разсужденіе Ѳомы о заблужденіяхъ грековъ; 6-е издать въ извлеченіяхъ, на русскомъ языкѣ, статей, уже въ ту эпоху рѣдкаго, сочиненія іезуита Петра Скарги: „*Полемика противъ восточной церкви;*“ 7-е напечатать, по русски, гречески и латински, буллу папы Евгенія IV; 8-е составить извлеченіе, на русскомъ языкѣ, изъ „*жизни святыхъ*,“ изъ сочиненія на польскомъ, языкѣ Скарги, въ особенности такихъ, которые могли бы привлекать русскихъ къ латинству, и роздавать

это сочиненіе *даромъ* священникамъ русскимъ, (что было бы имъ пріятно), убѣдить ихъ читать эти жизнеописанія въ ихъ церквахъ прихожанамъ; 9-е перевести на русскій языкъ и издать сочиненіе Экkiуса противъ Лютера, чтобъ убѣдить русскихъ въ превосходствѣ латинства предъ лютеранствомъ. Окончивъ это дѣло, которое потребовало бы нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдовало: 10-е *приступить къ пересмотру евангелія славянскаго, псалмовъ и молитвъ, а также и житій святыхъ, и издать ихъ, исключивъ прежде изъ нихъ и поправивъ предварительно всѣ мѣста, несогласующіяся съ такими же книгами латинскими*; и наконецъ: 11-е издать на русскомъ языкѣ катихизисъ римскій.

Всѣ эти проэкты и надежды совратить русскихъ въ латинство, выказываютъ, что Поссевинъ совсѣмъ не зналъ ни страны, ни характера народа русскаго. Рвеніе іезуита было слишкомъ пылко и слишкомъ полно фанатизма. Между тѣмъ его разговоры съ Іоанномъ должны бъ были сообщить ему понятія болѣе точныя о твердости русскихъ въ ихъ убѣжденіяхъ о вѣрѣ православной. *)

О политическомъ значеніи у р. католиковъ с. з. края церковной памяти польскаго королевича Казиміра.

Чтобы оцѣнить политическое значеніе для р. католиковъ сѣверо-западнаго края церковной памяти королевича польскаго Казиміра, торжественно празднуемой 4-го марта, достаточно припомнить событія изъ исторіи православной Литвы, на которыя имѣли вліяніе: королевичь Казиміръ при жизни, и канонизація его по смерти; а затѣмъ прослѣдить по памятникамъ, до сего дня существующимъ, какое значеніе придавало и придаетъ памяти его латинское духовенство въ краѣ.

Казиміръ былъ внукъ Ягеллы и Ядвиги, сочетавшихся съ цѣлію объединенія Литвы съ Польшею въ римскомъ исповѣданіи.

*) Изложеніе о посольствѣ Поссевина составлено по документамъ хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ, а также и по запискамъ самаго Поссевина, изданнымъ г. Тургеневымъ и Старчевскимъ.

Это событіе легло въ основу дальнѣйшихъ отношеній двухъ сопредѣльныхъ странъ. Полное ихъ объединеніе въ гражданскомъ смыслѣ должно было вытечь изъ религіознаго единства.

Отецъ королевича, Казиміръ IV Ягеллончикъ, поручилъ воспитаніе сына краковскому канонику Длугошу и извѣстному пилигриму Яну Канту. Вліяніе латинства было до того уже сильно въ Польшѣ, что старый король въ наставленіи дѣтямъ выражался:

„Послѣ предметовъ отечественныхъ, латынь необходимѣе всего."— Этотъ же король установилъ, чтобы ни одинъ шляхтичъ не допускался до государственной службы, если не знаетъ по латынѣ."

Королевичу Казиміру, по мимо всякихъ научныхъ предметовъ, Длугошъ преподавалъ исключительно латынь, чтобы, какъ говоритъ лѣтопись „могъ онъ скорѣе принятъся за святыя книжки."— А каковы были латинскія книжки того времени—можно судить по нынѣшнимъ, когда является необходимость во всей бдительности цензуры, чтобы, подъ видомъ преданности главѣ церкви-папѣ, не пропускались выраженія ненависти къ главѣ государства, русскому царю, и чтобы, подъ видомъ приверженности къ римской вѣрѣ не проповѣдывалось ненависти къ русскому гражданству. (см. кн. 5 Вѣст. Зап. Рос. о Жмудск. молитвен.)

По переѣздѣ королевича въ Литву, гдѣ онъ проживалъ то въ Вильнѣ, то въ Мѣдникахъ, уроки Длугоша не пропадали для него даромъ.

„Въ 1480 г. онъ выпросилъ у отца своего короля постановленіе, дабы обыватели русскаго исповѣданія, не признающіе власти римскаго папы, нигдѣ не могли строить для себя новыхъ церквей, ни починять старыхъ" 1). Королевичь умеръ 25-ти лѣтъ въ 1484 г. отъ чахотки 2).

Сначала именемъ его, а въ послѣдствіи и костями воспользовались польское правительство и римское духовенство, чтобы достигнуть двоякой цѣли: прославленіемъ святости польскаго королевича, умершаго въ Литвѣ, имѣть орудіе для уніи Литвы съ Римомъ и въ тоже время обоготворить въ глазахъ римскихъ католиковъ здѣшняго края политическую идею соединенія Литвы съ Польшею. Къ этому направились усилія польскаго пра-

1) Собраніе древ. грам. и акт. Вильна 1843 стр. XLVI.

2) Киркоръ. Истор. статист. опис. Вильны.

вительства и римскаго клира. Достигнута ли цѣль—увидимъ ниже.—

Основываясь на запрещеніи предшественника, великій князь литовскій Александръ въ 1495 г. не позволилъ супругѣ своей Еленѣ, дщери державнаго Іоанна III, устроить греко-россійскую церковь при виленскомъ дворцѣ. Въ 1501 г. онъ отправилъ пробоща виленской каѳедры Ціолку въ Римъ ходатайствовать предъ папою о канонизаціи королевича Казиміра. Въ 1520 г. Сигизмундъ I возобновилъ такое ходатайство, и въ 1521 г. папа Левъ X включилъ королевича въ число святыхъ; но, по случившейся въ Римѣ смерти Ціолки, затерялся, какъ говорятъ польскіе писатели, актъ его канонизаціи; а Сигизмундъ въ 1522 г., на сеймѣ гродненскомъ, обязался не давать мѣстъ сенаторскихъ и гражданскихъ должностей лицамъ, не принадлежащимъ къ римско католической церкви; на виленскомъ сеймѣ, 1529 г., онъ такое обѣщаніе подтвердилъ за себя и наслѣдниковъ своихъ, и уже въ 1543 г. граматою призналъ, что всѣ преимущества, предоставленныя литовцамъ королями, его предками, относятся къ однимъ только унитамъ, т. е. признающимъ власть папы. 1).

Въ 1569 году состоялась злосчастная люблинская унія, граждански привязавшая Литву къ Польшѣ; а въ 1596, брестская унія. На радостяхъ послѣдняго событія, по возобновленному чрезъ ксендза Свенцицкаго ходатайству въ Римѣ Сигизмунда III, папа Климентъ VIII,—старый знакомецъ Польши, подъ именемъ кардинала Альдробранди и въ званіи легата Сикста VI,—возобновилъ актъ канонизаціи королевича польскаго Казиміра, назначивъ его уже и патрономъ великаго княжества Литовскаго.

Подъ такимъ титуломъ и въ такомъ значеніи, съ тѣхъ поръ является каролевичъ Казиміръ, во всѣ минуты духовной и гражданской жизни, римскимъ католикамъ западнаго края Россіи, именующимъ себя поляками.

Торжественныя церковныя процессіи 4-го марта, установленныя папою по этому случаю, и ежегодно повторяющіяся,

---

1) Собраніе грам. и акт., и польск. брошюрка. „Житіе, чудо и честь св. Казим., корол. польск. и велик. княз. литовскаго, Вильна, 1858 г. ксендза Липницкаго.“

не имѣютъ другаго смысла въ глазахъ польски цивилизованныхъ жителей, питающихъ мятежныя страсти во имя единенія съ Польшею чрезъ литовскаго велико—княжескаго своего патрона,—ярмарка, стеченіе народа, торжества церковныя во имя мірскаго начала-составляютъ только грубой матеріалъ, изъ котораго вожаки революціи періодически лѣпятъ своего идола; а сгруппированный около гробницы Казиміра въ виленской римской-каѳедрѣ пантеонъ изображеній королей, королевенъ, святыхъ, предстателей, заступниковъ королевства польскаго и областей, бывшихъ подъ его державою; надгробники, надписи, символы, *соединенные гербы* Польши и Литвы, бѣлый орелъ и погонь: — представляютъ народу осязательное, постоянное лже-историческое поученіе, поддерживающее въ массахъ враждебное и опасное для развитія русскихъ и православныхъ началъ направленіе.

Возвратимся же мы къ историческимъ фактамъ, сопровождавшимъ признаніе королевича польскаго Казиміра патрономъ великаго княжества Литовскаго.

Канонизація его въ 1602 году идетъ рядомъ съ самыми притѣснительными мѣрами Сигизмунда III противу православныхъ жителей Литвы. Въ 1600 г. издано учрежденіе, „чтобы не принимать на духовныя мѣста тѣхъ, которые не обучались въ школахъ;“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „лицъ греческаго, неунитскаго исповѣданія не принимать въ училища.“ Уже Троицкій монастырь былъ отнятъ у православныхъ и отданъ унитамъ; въ 1609 является „запрещеніе братствамъ обращаться въ церковь св. Духа,—куда братства перенесли свои учрежденія,—подъ опасеніемъ денежнаго и тѣлеснаго наказанія 1).

Церковная, а чрезъ нее и гражданская унія въ Литвѣ росла, цвѣла и успѣвала; и съ тѣмъ вмѣстѣ, на сколько чрезъ нее унижались православіе и русская народность, на столько же старательно возвышалось обоготвореніе политической идеи, осуществляемой въ лицѣ королевича Казиміра.

Такъ, въ 1624 г., рядомъ съ постановленіемъ „чтобы всѣ церкви православныя въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Оршѣ и Могилевѣ были заперты,“ — Сигизмундъ III закладываетъ при виленской каѳедрѣ каплицу въ честь королевича Казиміра. Постройку ея, не въ томъ, конечно, видѣ въ какомъ она нынѣ существуетъ

---

1) Собр. грам. и акт. стран. XLVI.

послѣ передѣлки Гуцевича и Шульца 1801 года, доканчиваетъ Владиславъ IV, который, издавъ грамату о томъ, „что въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новотрудкѣ никогда православные ни одной церкви имѣть не будутъ,"— 1) вдѣлываетъ въ наружную стѣну каѳедры соединенные гербы Литвы и Польши и устроиваетъ торжественное перенесеніе въ новую каплицу гроба; заключавшаго останки Казиміра. Въ 1655 г. Вильнѣ грозитъ опасность: гробъ Казимира вывозится въ глубину Жмуди, гдѣ, въ имѣніи Бѣлозора, и хранится до минованія опасности. Въ 1661 году Бржостовскій перевозитъ гробъ въ Вильну; останки сохраняются въ частномъ капитульномъ домѣ (у езуитовъ), откуда въ 1664 году вновь переносятся въ каѳедру. Въ 1667, при Янѣ Казимірѣ, послѣдовалъ осмотръ костей королевича Казиміра, при чемъ, въ особомъ актѣ 20 Іюня, который подписали Слупскій, Сапѣга, Тызенгаузъ, Зухорскій, Бржостовскій и воевода полоцкій Янъ Копецъ, исчислено ихъ 152, между ними, спинныхъ лопатокъ: одна цѣлая, а другой половина; реберъ цѣлыхъ 10, поломанныхъ штукъ 24" 2).

Въ римскихъ служебникахъ отдѣльная часть посвящается службамъ, праздникамъ и патронамъ королевства Польскаго." Въ служебникѣ 17-го вѣка, (1611), Казиміръ величается „королевичемъ польскимъ;" въ позднѣйшихъ за тѣмъ изданіяхъ, до 1826 года включительно, къ такому титулу прибавлено „*и патронъ великаго княжества литовскаго.*"

Въ супрасльскомъ уніатскомъ служебникѣ 1763 года память Казиміру записана въ видѣ особой службы „святому Казиміру *Исповѣднику* (?) извѣстному польскаго царствія и княвства литовскаго предстателю и заступнику."

1800 годъ засталъ гражданское единеніе Литвы къ Польшею разрушеннымъ. Но подъ кровомъ римскаго исповѣданія, память Казиміра, ежегодно и торжественно празднуемая, не переставала напоминать уніатскому народу неразрывность общенія его съ Польшею.

Злотой олтарикъ, молитвенная книжна, изданія 1802 года полоцкихъ езуитовъ.— Литанія св. Казиміру такъ между прочимъ къ нему взываетъ:

„Патронъ литовскій,
Украшеніе церкви святой,

1) Тамже стр. XLVII.
2) Кс. Липницкій, стр. 252 и слѣд. 300.

Отпрыскъ Ягелловъ,
Необычайная въ Вильнѣ свѣтлость,
Неразрушимая стѣна Вильны
Вѣнецъ княжества литовскаго
Патронъ королев. польск. и вел. княж. литов."

Въ 1811 году, когда готовилось на Россію великое нашествіе Наполеона, въ виленской каѳедрѣ пробощъ каплицы Казиміровой, Голаньскій, въ день памяти королевича 4-го марта и въ честь его, произносилъ жгучую проповѣдь, наполненную историческими воспоминаніями о величіи Литвы въ соединеніи съ Короной, и прозрачно развивалъ текстъ „блажени ихъ же, егда пріидетъ Господь, обрящетъ бдящихъ."

Въ „книгѣ набоженства по божьей хвалѣ," 1826, Вильна, печ. у ксендзовъ базиліановъ,— „годинки о св. Казимірѣ" представляютъ слѣдующія выраженія:

„Зачните польски краи крулевича свего
Казиміра выхвалять отъ сердца прямего!

или

Великій патроне польскій
Умоли для насъ царство небесное!

или

Снопа ягеллонова золотой колосъ!—...
Защити королевичь на небесномъ тронѣ—
Особенный поляковъ и Литвы предстателю!

или

Оберегай Польщу,— вѣдь ты полякъ:
Да будемъ мы свободны!

Польская книга парижскаго изданія 1834 года „Развлеченіе для дѣтей" посвящаетъ стран. 112—138 описанію благочестиваго и бодраго воспитанія королевича Казиміра и его братьевъ, съ напоминаніями о географическомъ величіи Литовскаго княжества и современномъ тому варварствѣ Россіи.

Но описанные памятники относятся къ періоду уніатскому. Вотъ что найти можно въ позднѣйшее время:

Въ 1858 году памяти Казиміра посвятилъ ксендзъ Липницкій цѣлую книгу въ 324 страницы, въ которой описываетъ жизнь, смерть, чудеса его, гражданскія торжества въ честь его канонизаціи и значеніе его въ исторіи Литвы и Польши. Книга носитъ заглавіе: Житіе, чудеса и прославленіе св. Казиміра, ко-

ролевича польскаго и великаго князя литовскаго.— Вильна 1858 г. 1).

Въ латинскомъ „часовникѣ“ для виленской діоцезіи, Вильна 1862 г., подъ 4-мъ мартомъ значится въ календарѣ, Казиміръ королевичь и патронъ велик. княж. литов.

„Вѣдомость о *цудовныхъ* образахъ,“ брошюрка ксендза Ржицкаго, Вильна 1863 г.; страницы 43—47 посвящаетъ авторъ памяти Казиміра св., сына Казиміра IV и Елисаветы королей польскихъ.

Въ „календарѣ для люду польскаго,“ Варшава, 1864, при исчисленіи ярмарокъ *въ Царствѣ Польскомъ*, перечисляются города: Бердичевъ, Дубно, Гродна, Несвижъ и *Вильна*. Въ мѣсяцесловѣ, подъ 4 мартомъ значится одинъ королевичь *Казиміръ*.

Остается упомянуть объ афишахъ, которыя въ прежніе годы съ 1 марта прибивались къ дверямъ всѣхъ костеловъ, и содержаніе коихъ слѣдующее:

„...4 марта въ костелѣ каѳедральномъ приходится годичное торжество св. Казиміра, королевича польскаго и вел. кн. литовскаго ... со службами, проповѣдями, процессіями, отпущеніемъ грѣховъ...на которые *вѣрные* съ цѣлаго города и области собираться привыкли“.

Нынѣ афишъ уже нѣтъ; уличныхъ демонстраціонныхъ процессій тоже; самыя процессіи, литаніи, *годинки* и торжественный церемоніалъ ношенія серебреннаго изваянія королевича сосредоточились въ стѣнахъ каѳедры, сохраняя за собою характеръ религіозный на столько чистымъ, на сколько можетъ онъ быть чистъ при праздествѣ, имѣющемъ политическое значеніе.

---

1) Любопытна наивность автора, который въ описаніи торжествъ, говоритъ объ останкахъ Казиміра, какъ *о тѣлѣ*, стр. 237, 252 и 235, тогда какъ на стр. 300 исчисляетъ, на основаніи оффиціальнаго акта, *кости*, да еще поломанныя.

АКТЪ

возвращенія православію православной церкви, обращенной въ р. католическій костелъ.

1865 года 1 марта брагинскій благочинный, засѣдатель рѣчицкаго уѣзднаго суда, мировый посредникъ и мѣстный хойницкій священникъ составили настоящій актъ о ниже слѣдующемъ:

1) Вслѣдствіе распоряженія господина главнаго начальника края, велѣно передать въ духовное православное вѣдомство великоборскій костелъ, что и исполнено нами выше означеннаго числа при бытности остроглядовицкаго ксендза. Церковь великоборская, (недавно—костелъ) во имя Рождества пресвятыя Богородицы, покрытая гонтомъ, совершенно ветхая,— такъ что въ ней съ опасностію можно совершать какія либо молитвословія. Она длиною 22 аршина, включительно съ входнымъ придѣломъ, а шириною 10 аршинъ, кромѣ ризничнаго придѣла. На церкви 3 купола, съ тремя желѣзными крестами и пятью окошками. Колокольня на четырехъ столбахъ, совершенно подгнившихъ. Колоколовъ 2, изъ коихъ „*спижовый*“ $3^1/_2$ пуда, а чугунный, разбитый, 2 пуда. Церковь вокругъ обнесена оградою изъ пластинъ сосноваго дерева, вышиною въ 2 аршина. Древле—православный престолъ прикрытъ устроеннымъ надъ нимъ изъ шалевокъ римскимъ престоломъ, длиною въ 3, а шириною въ 2 аршина. Престольная икона Божіей Матери, написанная въ новѣйшемъ латинскомъ вкусѣ, въ золоченныхъ рамахъ, вынута изъ нихъ и передана римскому ксендзу. Въ числѣ прочаго имущества, состоящаго изъ ризничныхъ и утварныхъ вещей, остались около олтарной стѣны: 4 покрашенныя полуколонны, въ видѣ кіота. На срединѣ церкви, при стѣнахъ, 2 простые кіота, въ коихъ нарисованы на деревѣ, съ правой стороны — икона Спасителя, а съ лѣвой св. Николая въ православномъ вкусѣ, съ славянскими надписями, а въ сіяніи съ греческою: ὁ Θεός. Выносная икона Божіей Матери, съ славянскою вокругъ надписью: честнѣйшую херувимъ и проч. и Μήτηρ Θεοῦ, выносный деревяный, окрашенный православный крестъ, двѣ хоругви и два подсвѣчника, съ двумя большими восковыми свѣчами. Воску въ свѣчахъ и кускахъ, пожертвованныхъ тамошними жителями, $1^1/_2$ пуда, наличныхъ денегъ найдено $49^1/_2$ коп. сереб., а по совершеніи молебствія, когда г. засѣдатель обнесъ кружку для сбора приношеній, то сумма кошельковая увеличилась до 4 руб. $55^1/_2$ коп. Воскъ

и церковныя деньги оставлены въ церкви, подъ надзоромъ церковнаго старосты Мины Маленка.

2) Села Великаго Бора жители старожилы: Филиппъ Санцевичъ, Өеодоръ Кашперко, Яковъ Кузменко, Стефанъ Саченко, Иванъ Кузменко и церковный староста Мина Маленокъ, на допросѣ показали, что, когда въ селѣ Великомъ Бору, были униацкіе священники, то они имѣли и землю-усадебную, пахатную и сѣнокосную. Земли церковной въ урочищѣ *Марковище*, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ села, было 9 морговъ, также земля церковная была въ нѣсколькихъ полянкахъ.—Усадебной, гдѣ былъ и домъ священника, земли было $1\frac{1}{2}$ морга, и огородной — на одну соху. Изъ числа усадебной земли нѣкоторая часть отошла въ надѣлъ крестьянину Минѣ Маленку. Сѣнокосъ священника былъ въ урочищѣ *Бобовище* и на болотахъ, гдѣ косила экономія. Сказанною землею, со времени выбытія уніятскихъ священниковъ, завладѣла экономія, которою владѣетъ и по настоящее время.

3) Помѣщенія для причта въ селеніи Великомъ-Бору ни какого нѣтъ. Старый домъ священника со службами, какъ доказываютъ старожилы, хойницкая экономія разобрала и сожгла на винокурномъ заводѣ.

4) При проѣздѣ нашемъ изъ Великого-Бора чрезъ д. Руденьку, принадлежащую къ хойницкому приходу и отстоящую отъ Великаго Бора въ 1-й верстѣ,—а отъ Хойникъ 12 вер., жители оной, въ числѣ 4 домохозяевъ, гдѣ обоего пола 16 душъ, изъявили желаніе принадлежать къ великоборскому приходу. Здѣсь еще осталось 4 дома совратившихся въ латинство православныхъ. Если деревня Руденька будетъ причислена къ Великому-Бору, то и эти совратившіеся, вѣроятно, возвратятся къ православію.

5) По принятіи отъ римскаго ксендза означеннаго костела въ православное вѣдомство, отслуженъ былъ молебенъ, на коемъ было окропленіе св. водою церкви и присутствующаго народа; на молебнѣ провозглашено было многолѣтіе: Государю Императору и всему Царствующему дому, святѣйшему Сѵноду, архіепископу Михаилу, г. начальнику края и возвратившимся къ православію.

и 6) Составлявшіе настоящій актъ положили просить начальство, дабы а) сдѣлано было распоряженіе о постройкѣ новой церкви въ селеніи Великомъ-Бору б) домовъ со службами для причта в) дабы отведена была съ весною земля для причта и г) дабы было открыто въ селеніи Великомъ-Бору штатное народное училище, потому что народъ здѣшній ксендзами и панами совер-

щенно окатоличенъ и ополяченъ, что можно искоренить только посредствомъ образованія молодого поколѣнія. До времени постройки новаго дома, дать помѣщеніе священнику въ томъ домѣ (о двухъ комнатахъ, съ кухнею и кладовою), въ коемъ временно проживалъ хойникій ксендзъ, и при коемъ имѣются кладовая и сарай. Домъ этотъ съ пристройками подаренъ дворянину Крушевскому, въ немъ живутъ теперь евреи. Всѣ сказанные постройки слѣдуетъ правительству принять на себя, ибо юныхъ еще православныхъ не добромыслящіе люди смущаютъ тѣмъ, что ихъ обложатъ огромными налогами на устройство церкви, помѣщеніе для причта и школки.—На подлинномъ подписались: Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ. Засѣдатель Рѣчицкаго уѣзднаго суда Брушковскій. Мировый посредникъ 2-го участка арміи подпоручикъ Дѣгтяровъ. Мѣстечка Хойникъ, Покровской церкви священникъ Іоаннъ Лисевичъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ.

АКТЪ

по случаю возложенія мельхіоровыхъ крестиковъ на новообращенныхъ римско-католиковъ.

1865 года 28 февраля. Мы ниже подписавшіеся, брагинскій благочинный, помощникъ военнаго начальника мозырскаго и рѣчицкаго уѣздовъ, мировый посредникъ и мѣстный священникъ, составили настоящій актъ въ ниже-слѣдующемъ:

1) Въ слѣдствіе распоряженія г. главнаго начальника края, мы прибыли въ м. Хойники, рѣчицкаго уѣзда, 2 мироваго участка, для возложенія на новообратившихся изъ латинства въ православіе велико-борскихъ и другихъ деревень жителей, мельхіоровыхъ крестиковъ, пожертвованныхъ г. начальникомъ края.

2) 28 февраля—въ воскресный день, брагинскій благочинный совершилъ соборнѣ божественную литургію, при которой великоборскіе и дубровицкіе прихожане, по предварительномъ говѣніи, были первый разъ по присоединеніи къ православію удостоены причащенія св. Христовыхъ Таинъ. По отпустѣ св. литургіи, вынесены были діакономъ на блюдѣ, чрезъ царскія врата, на средину храма, крестики, при шествіи благочиннаго и двухъ

священниковъ, и были торжественно освящены. При пѣніи пѣсни — «кресту Твоему покланяемся, владыко,» — всѣ присутствовавшіе во храмѣ (въ числѣ ихъ много было крестьянъ, еще и по сіе время коснѣющихъ въ латинствѣ), положили по три земныхъ поклона. Послѣ сего началось возложеніе освященныхъ крестиковъ. Подходящаго, для возложенія крестика, одинъ изъ священниковъ окроплялъ св. водою, другой осѣнялъ крестомъ, давалъ его лобызать, а благочинный, — тоже давая облобызать крестикъ, возлагалъ на шею новообращеннаго прихожанина. По возложеніи означеннаго количества крестиковъ, благочиннымъ произнесена была приличная торжеству рѣчь. *)

3) По просьбѣ волостнаго старшины, членовъ волостнаго управленія и общества древле-православныхъ прихожанъ, — во главѣ мироваго посредника и помощника военнаго начальника, — изъ церкви совершенъ былъ торжественно крестный ходъ въ волостное управленіе, гдѣ отслуженъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ. На молебнѣ, по провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, святѣйшему Сvноду и архіепископу минскому Михаилу, было провозглашено многолѣтіе г. начальнику края, всѣмъ сподвижникамъ его въ усмиреніи крамолы и возстановленіи въ странѣ православія и русской народности, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ, далѣе - всероссійскому воинству, новообратившимся къ православію, обществу и всѣмъ православнымъ христіанамъ. За симъ новообращенные приглашены были обществомъ древле православныхъ къ приготовленному для нихъ завтраку, причемъ провозглашены были приличные торжеству тосты.

4) При выходѣ изъ волостнаго управленія, домохозяева деревень Волокъ, Малешева и Карчова, въ числѣ десяти, остававшіеся до сихъ поръ въ латинствѣ, изъявили желаніе присоединиться къ православію, съ семействами своими, по какому предмету составленный въ волостномъ управленіи актъ, при семъ прилагаемъ.

5) Въ заключеніе настоящаго акта, просимъ начальство прислать еще 150 крестиковъ, для возложенія на остальныхъ великоборскихъ, Угольской Рудни и Загалья возсоединившихся и около 50, для вновь изъявившихъ желаніе присоединиться, ибо въ но-

---

*) Редакція думаетъ, что эта рѣчь, по рѣдкости случая, при которомъ она произнесена, заслуживаетъ вниманія читателей Вѣстника, а потому проситъ о. Эремича подѣлиться ею съ этимъ изданіемъ. *Ред.*

ябрѣ и декабрѣ присоединилось всѣхъ 366, а крестиковъ возложено 224.

Настоящій актъ, составленный въ двухъ экземплярахъ, представленъ по начальству, чрезъ брагинскаго благочиннаго и помощника военнаго начальника. На подлинномъ подписались: брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ. Маіоръ Стефановичъ. Мировый посредникъ 2 участка арміи подпоручикъ Дѣгтяровъ. Мѣстечка Хойникъ Покровской церкви священникъ Іоаннъ Лисевичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ.

Раздача бронзовыхъ изображеній св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго по волынской губерніи.

Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было, съ цѣлію увѣковѣченія въ памяти народа благотворнаго для него царствованія Государя Императора, повелѣть раздать достойнѣйшимъ изъ крестьянъ юго-западныхъ губерній бронзовые изображенія Ангела-хранителя Его родителя, св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. По распоряженіи главнаго начальника края на долю волынской губерніи выслано было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 г. 16 экземпляровъ сихъ изображеній для лучшихъ изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, кои отличались особымъ усердіемъ къ подавленію обнаружившагося мятежа и устраненіи злоумышленныхъ замысловъ, и нынѣ отличаются точнымъ и усерднымъ исполненіемъ государственныхъ повинностей и распоряженій начальства, а также для четырехъ лучшихъ и наиболѣе отличившихся крестьянъ, состоявшихъ въ сельской стражѣ. По усмотрѣнію г. начальника нашей губерніи, эти знаки вниманія къ вѣрнопреданному народу разосланы были по одному для каждаго уѣзда къ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ, и, независимо отъ ровнаго раздѣла, для житомірскаго уѣзда—2, для заславскаго и новоградволынскаго по одному, по особымъ причинамъ мѣстныхъ событій 1863 года.

Это сѣмейно-религіозное увѣковѣченіе въ народной памяти,

изображеніемъ св. царственнаго покровителя Россіи о тезоименномъ ему освободителѣ народа, произошло у насъ съ подобающею торжественностію. Изъ сельскихъ урядниковъ по *ковельскому* уѣзду признанъ достойнымъ таковаго высокаго вниманія волостной старшина сушичанской волости, избранный обществомъ на второе трехлѣтіе Григорій *Зинчукъ*. По *ровенскому* уѣзду всѣми мировыми посредниками признанъ достойнымъ высоцкій волостной старшина Исаакъ *Григонъ*. По *дубенскому*—млыновскій волостной старшина Степанъ *Пахолюкъ*, который за особое усердіе и распоряженіе во время бывшаго мятежа награжденъ медалью, пользующійся постоянно полнымъ уваженіемъ крестьянъ, избранный на второе трехлѣтіе въ настоящую должность, и по дѣйствію котораго всѣ общественныя повинности и платежи поступаютъ бездоимочно. По *острогскому* уѣзду—единодушнымъ признаніемъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ признанъ достойнымъ волостной старшина 2-го мироваго участка гущанской волости Харлампій *Серветникъ*, второй уже срокъ состоящій въ этой должности, по вліянію коего вся волость состоитъ въ отличномъ порядкѣ, крестьяне, имѣя въ лицѣ своего старшины примѣръ точнаго исполненія закона, разумно понимаютъ и исполняютъ свои обязанности въ новомъ своемъ положеніи, и потому, въ присутствіи всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, послѣ благодарственнаго молебствія, вручено ему священное изображеніе благовѣрнаго князя Александра, при приличномъ назидательномъ словѣ мѣстнаго священника Игнатія Золотинкевича. По *заславскому* уѣзду—удостоенъ сельскій староста дворецкой волости Прокофій *Хохличъ*, пользующійся уваженіемъ общества и на второй срокъ избранный въ эту должность, и стражникъ с. Миньковецъ Степанъ *Дударь*, болѣе всѣхъ отличавшійся при разбитіи мятежной польской шайки подъ этимъ селеніемъ. По *новоградволынскому* уѣзду—изъ двухъ изображеній—одно, по общественному мнѣнію, вручено бывшему эмелочинскому волостному старшинѣ Ефиму *Опонченко*, который, во время формировавшихся мятежныхъ шаекъ, своими совѣтами и распорядительностію, предупредилъ сформированіе барашовской шайки, намѣревавшейся напасть на Эмельчинъ, а другое—барановецкому старшинѣ Андрею *Сусю*, который, при самомъ примѣрномъ исполненіи своей обязанности, довелъ свою волость до сознанія необходимости взноса выкупныхъ платежей, не смотря на сосѣдство

двухъ непокорныхъ и буйныхъ волостей смолдыревской и рогачевской. По *владимiро-волынскому* уѣзду — единодушный отзывъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и крестьянъ призналъ достойнымъ сотника подвижной стражи крестьянина с. Рачина Ивана *Козака*, извѣстнаго своими подвигами при открытiи, преслѣдованiи и разбитiи шаекъ 16 и 17-го iюля (1863 г.) въ бубковскихъ лѣсахъ, гдѣ онъ, указывая путь военному отряду былъ постоянно впереди подъ градомъ пуль, коими пробита его шапка и свита въ одинадцати мѣстахъ, но дивнымъ щитомъ Промысла оставленнаго невредимымъ: почему, по освященiи въ соборномъ храмѣ изображенiя благовѣрнаго великаго князя, послѣ литургiи, архимандритъ Сергiй вручилъ его достойному сотнику, съ прочтенiемъ записки о его подвигахъ, и за тѣмъ, по просьбѣ удостоеннаго, отслужено было молебствiе о здравiи Государя-Наслѣдника, какъ виновника сего умилительнаго торжества народнаго. По *староконстантиновскому* уѣзду — оказался вполнѣ достойнымъ западинецкiй волостной старшина Петръ *Хвощукъ:* подъ его влiянiемъ и руководствомъ крестьяне западинецкой волости построили часовню съ неугасаемой лампадой предъ образомъ св. Александра Невскаго; ему же принадлежитъ инициатива подачи Государю Императору адресовъ отъ крестьянъ, съ выраженiемъ ихъ вѣрноподданнической преданности; при прошлогодномъ мятежѣ, онъ способствовалъ къ отысканiю и поимкѣ мятежныхъ лицъ; по влiянiю его на народъ, безъ всякихъ побудительныхъ мѣръ, крестьяне всей волости исправно вносятъ выкупные платежи; по его старанiю, согласно съ мѣстнымъ священникомъ, западинецкое училище находится въ цвѣтущемъ состоянiи; читая выписываемыя имъ газеты, онъ дѣлится прочитаннымъ съ управляемымъ имъ обществомъ и развиваетъ въ народѣ понятiя политической жизни и правъ гражданскихъ: по этому, въ присутствiи членовъ мироваго съѣзда и всѣхъ волостныхъ старшинъ, послѣ молебствiя о здравiи Наслѣдника-Цесаревича, вручено ему бронзовое изображенiе св. Александра Невскаго, съ объясненiемъ притомъ всѣмъ старшинамъ, что въ немъ имѣютъ они видимый знакъ высокаго вниманiя и попечительности Его Императорскаго Высочества. По *Овручскому* уѣзду—почтенъ этимъ старшина покалевской волости Григорiй *Климовичъ*, разумною дѣятельностiю и разъясненiемъ крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей, много содѣйствовавшiй къ поступленiю въ казну выкупныхъ платежей, по-

датей и повинностей, и къ исполненію всѣхъ вообще распоряженій правительства;—стараніемъ его открыта сельская школа при покалевскомъ волостномъ правленіи, гдѣ обучается до 40 мальчиковъ и 19 дѣвочекъ, и двѣ также школы въ болѣе отдаленныхъ отъ волости селеніяхъ, въ коихъ до 20 учащихся въ каждой; — при содѣйствіи руднянскаго сельскаго старосты Примака, онъ нанимаетъ людей для обученія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молитвамъ не только дѣтей крестьянскихъ, но и самыхъ родителей ихъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и лишенныхъ возможности посѣщать церкви, гдѣ многіе не знаютъ ни одной молитвы, а нѣкоторые даже не бываютъ у исповѣди и св. Причастія: поэтому 21-го іюня, при сборѣ всѣхъ старшинъ и множества крестьянъ въ с. Покалевѣ, предсѣдатель овручскаго мироваго съѣзда вручилъ волостному старшинѣ *Климовичу* этотъ видимый знакъ вниманія Наслѣдника престола; послѣ чего, по просьбѣ крестьянъ, въ мѣстной сельской школѣ отправлено было благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему Дому, а при выходѣ изъ школы, крестьянскимъ мальчикамъ, пѣвшимъ молебенъ, предсѣдателемъ съѣзда и смотрителемъ училищъ Овручскаго уѣзда розданы были крестики и книги. Находившіеся при этомъ крестьяне-собственники покалевской волости обратились съ просьбой ко всѣмъ членамъ мироваго съѣзда, начальнику уѣздной полиціи, смотрителю училища, мѣстному священнику и мѣстному помѣщику, поручику Козловскому, раздѣлить съ ними незатѣйливую русскую хлѣбъ—соль. При завтракѣ сельскіе старосты и крестьяне предложили тосты за здравіе Государя Императора, Наслѣдника Престола и всего Августѣйшаго Дома, сопровождаемые торжественными кликами—ура! При отъѣздѣ же членовъ съѣзда, выборные отъ крестьянъ представили адресъ Его Императорскому Высочеству съ выраженіемъ ихъ признательности и чувствъ вѣрноподданнической преданности, который и былъ препровожденъ чрезъ начальника губерніи къ г. начальнику края. По *кременецкому* уѣзду, — съ общаго совѣщанія предсѣдателя съ членами мироваго съѣзда, признанъ достойнымъ лопушанскій волостной старшина Иванъ *Жукъ*. Жукъ, соединяя въ личности своей рѣдко встрѣчаемыя въ необразованной массѣ умственныя способности, занимаетъ должность старшины второе трехлѣтіе и, при тепломъ участіи къ нуждамъ волости, довелъ ее до примѣрнаго состоянія, какъ въ нравственномъ

отношеніи, такъ и во взносѣ выкупныхъ платежей, вообще пользуется безграничнымъ довѣріемъ сельскихъ общинъ своей волости. Для врученія этого святого избраженія назначенъ былъ день 1-го іюля, къ которому собраны были въ г. Кременцѣ волостные старшины и старосты со всего уѣзда. Ректоръ семинаріи архимандритъ Рафаилъ почтилъ принять въ семъ народномъ торжествѣ свое пастырское участіе. По благовѣсту въ семинарской церкви собрались всѣ члены мироваго съѣзда и сельскіе урядники, при многочисленномъ стеченіи народа. Послѣ соборнѣ отпѣтаго молебствія, предсѣдательствующій мироваго съѣзда объяснилъ сельскимъ урядникамъ высокое значеніе награды, какъ вниманія Государя Наслѣдника къ достойнымъ представителямъ любезнаго ему народа, безукоризненно исполняющаго свои обязанности, и, какъ доказательство—настоящая награда Жука,—въ лицѣ котораго крестьяне всего уѣзда видятъ заботливость правительства ко всѣмъ имъ. Затѣмъ однимъ изъ священно-служителей вынесенъ былъ изъ олтаря образокъ, и архимандритъ, пояснивъ слова, выбитыя на немъ: *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ*, перешелъ къ минувшимъ событіямъ польскаго мятежа, грозившаго привлечь на свою сторону коллективное участіе Франціи, Англіи и Австріи. Но когда во всей Европѣ, стали ясно извѣстны стремленія поляковъ, то матеріальная сила и гроза померкли предъ правдою. Обязанность выяснить эту правду было дѣломъ—русскихъ: крестьяне высказали эту правду преданностію правительству и преслѣдованіемъ всего, что было противъ. Какъ правда не остается безъ награды на небѣ, и здѣсь—на землѣ она получаетъ свое возмездіе. Судить о наградахъ неба намъ не дано, но что касается наградъ земныхъ, то мы видимъ, что крестьяне, по волѣ ГОСУДАРЯ, получили права крестьянъ-собственниковъ и мировыхъ посредниковъ такихъ же, какъ и народъ,—русскихъ православныхъ. Въ дальнѣйшемъ отъ крестьянъ зависитъ воспользоваться милостію ГОСУДАРЯ: для этого нужна таже любовь и довѣріе, какими отличались крестьяне къ законному правительству, точное исполненіе требованій начальства, и исправный взносъ выкупныхъ платежей и государственныхъ повинностей. Исполнившіе это неостанутся и впредь безъ Царскаго вниманія, не смотря на отдаленное жительство ГОСУДАРЯ отъ кременецкаго уѣзда: Онъ зорко слѣдитъ за нами. Вотъ, и нынѣ удостоивается милостивою наградой Наслѣдника лучшій представитель крестьянскаго

населенія. При этомъ архимандритъ благословилъ старшину Жука и возложилъ на него кресто-образное бронзовое изображеніе св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Затѣмъ восторженные крестьяне Монаршею къ нимъ милостію угощены были на дворѣ мироваго съѣзда *.)

О. К.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя генерала отъ инфантеріи, графа Муравьева 2-го.

Графъ Михаилъ Николаевичъ. Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ ихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка.

Не смотря на разстройство вашего здоровья, въ слѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, Я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣряемыя Мною вамъ новыя обязанности, и при исполненіи ихъ оправдали, въ полной мѣрѣ, Мои ожиданія.

Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезбезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное Мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго

---

*) Объ остальныхъ двухъ уѣздахъ—житомірскомъ и луцкомъ — свѣдѣній недоставлено.

и неразрывнаго единства западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ, и вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ положили начала преобразованія ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ Мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано.

Къ крайнему Моему прискорбію ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили здоровье ваше, и вы снова заявили Мнѣ о невозможности долѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности.

Снисходя къ желанію вашему, и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена государственнаго совѣта, Я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе Моей къ вамъ признательности и въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ Престоломъ и Отечествомъ, указомъ, сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„*Искренно вамъ благодарный*

АЛЕКСАНДРЪ"

Ницца.
17-го (29-го) апрѣля 1865 г.

(Рус. Инв. № 88).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Русскій инвалидъ по поводу Высочайшаго рескрипта,

даннаго на имя Графа Муравьева 2-го.

Въ послѣднемъ N. 88 Рус. Инв. читаемъ:

„Мы печатаемъ въ нынѣшнемъ нумерѣ нашей газеты Высочайшій рескриптъ графу М. Н. Муравьеву и Высочайшій приказъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи его отъ должности, вслѣд-

ствіе тяжкаго недуга. Извѣстно, какую громкую репутацію пріобрѣло въ послѣднее время имя этого государственнаго человѣка. Чѣмъ сильнѣе преслѣдовала его своими изступленными нападками заграничная печать, покровительствующая замысламъ польской революціонной партіи, тѣмъ большею популярностью пользовался онъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, гдѣ хорошо понимали все высокое значеніе совершеннаго имъ подвига. Имя графа М. Н. Муравьева нельзя будетъ вычеркнуть изъ исторіи. Если нерушимо упрочилось наше господство въ сѣверо-западномъ краѣ, если край этотъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ долженствовалъ онъ быть всегда, т. е. краемъ чисто-русскимъ, то никогда не забудется, что всѣмъ этимъ обязаны мы необыкновенной энергіи и проницательности, съ которою бывшій виленскій генералъ-губернаторъ исполнялъ предначертанія своего Государя.

Всякому извѣстно, среди какихъ тяжкихъ обстоятельствъ призванъ былъ графъ М. Н. Муравьевъ къ исправленію своей должности. Мятежъ свирѣпствовалъ въ Польшѣ и проникъ уже въ Зап. Рос. и въ Литву. Въ этой послѣдней области польская партія готовилась пожать плоды заговора, приготовляемаго ею исподволь въ теченіе долгаго ряда лѣтъ; разсчитывая на чужеземное содѣйствіе она не находила уже нужнымъ скрывать свои замыслы; русскій и православный людъ, не смотря на численное свое превосходство, подвергался открыто самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ; среди безотвѣтной массы, только что вышедшей изъ крѣпостной зависимости и опутанной сѣтью самыхъ безсовѣстныхъ интригъ, польскіе дворяне и чиновники собирали открыто деньги для возстанія, формировали шайки и становились въ ихъ главѣ; повсюду господствовалъ революціонный терроръ съ такимъ неистовствомъ, которому трудно пріискать примѣръ въ исторіи. Съ назначеніемъ въ должность графа Муравьева, все это быстро измѣнилось. Въ короткое время полное спокойствіе водворено было тамъ, гдѣ еще недавно свирѣпствовала самая безумная анархія. Заслуга Михаила Николаевича состояла въ томъ, что онъ, хорошо понявъ указанную ему систему, состоящую въ томъ, чтобы вывести русскій, господствующій элементъ изъ подъ гнета польскаго меньшинства, твердо и неуклонно приводилъ ее въ исполненіе, не смотря ни на какія препятствія. Заграничныя газеты, по поводу нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ имъ для приведенія въ исполненіе цѣли, стали вопить о жестокостяхъ и преслѣдованіяхъ; не было оскорбитель-

ныхъ сравненій, которыхъ не придумывали бы они для ненавистнаго имъ человѣка; но никогда пристрастіе и клевета, руководившія ими, не обнаруживались такъ явно, какъ въ этомъ случаѣ: они не хотѣли признать, что мятежъ очутился лицомъ къ лицу не съ диктатурою только одного человѣка, не съ вооруженною только силою, но съ многочисленнымъ населеніемъ, которое ополчилось на защиту своихъ правъ, слишкомъ долго попираемыхъ самымъ безстыднымъ образомъ.

Преждевременно было бы обсуждать теперь всѣ дѣйствія, которыми ознаменовалось управленіе генерала Муравьева: могутъ быть различныя мнѣнія касательно тѣхъ или другихъ частностей; найдутся люди, которые будутъ возражать противъ той или другой изъ принятыхъ имъ мѣръ; но мы не сомнѣваемся ни на минуту, что всѣ, проникнутые сознаніемъ національныхъ интересовъ, твердо убѣждены, что, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, система, ему указанная, нашла въ немъ самаго строгаго и неуклоннаго исполнителя. Съ цѣлію возрожденія края на началахъ господствующей въ немъ, по своей многочисленности и по своимъ историческимъ правамъ, русской народности,— заботился онъ объ улучшеніи состоянія православнаго духовенства, о распространеніи и возвышеніи православныхъ церквей; съ этою же цѣлію старался онъ поднять бѣдное, забитое и замученное бѣлорусское племя, положивъ начало матеріальному и нравственному его благосостоянію. Посѣщая теперь Литву и Бѣлоруссію, всякій русскій сознаетъ, что онъ находится въ Россіи, среди роднаго ему общества, чувствуетъ себя господиномъ тамъ, гдѣ еще недавно польская партія осмѣливалась смотрѣть на русскаго, какъ на пришельца, и относилась къ нему съ возмутительнымъ высокомѣріемъ. Повторяемъ опять, что всѣмъ этимъ обязаны мы той системѣ, для приведенія въ исполненіе которой былъ назначенъ графъ М. Н. Муравьевъ.

Что же касается самой системы, о перемѣнѣ которой ведутъ рѣчь польскія и другія иностранныя газеты, покровительствующія шляхетской революціи, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Не такъ давно еще мы имѣли случай замѣтить нелѣпость подобныхъ ожиданій. Русское общество слишкомъ ясно сознаетъ свои интересы и заботится объ ихъ огражденіи; оно не желаетъ повторить хотя одну изъ тѣхъ ошибокъ прежняго времени, за которыя пришлось намъ расплачиваться слишкомъ дорогою цѣною, и не оно, конечно, захочетъ сойти съ пути, ука-

занняго Государемъ, для котораго интересы Россіи, неразлучно связанные съ интересами большинства, съ самаго начала Его царствованія стоятъ на первомъ планѣ.“

Праздникъ Пасхи въ Вильнѣ.

4 апрѣля, по случаю праздника свѣтло Христова Воскресенья, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ церкви св. Духова монастыря, высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ, въ сослуженіи съ преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, совершены, съ соборомъ духовенства,—всенощное бдѣніе и потомъ божественная литургія, въ присутствіи всѣхъ гг. генераловъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и при многочисленномъ стеченіи народа. Всерадостнѣйшее воскресенье Господне возвѣщено было пушечною пальбою.—По окончаніи богослуженія, въ 3½ ч. утра, начальствующія лица всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, члены присутственныхъ мѣстъ и дворянство—отправились на квартиру его превосходительства А. Л. Потапова для принесенія поздравленія, гдѣ вмѣстѣ со многими другими приглашенными особами—были угощаемы завтракомъ, во время котораго, его прев. Александръ Львовичъ провозгласилъ тосты за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а потомъ всего Царствующаго Дома, встрѣченные продолжительными и радостными кликами ура. Затѣмъ предложилъ тостъ за здоровье его высокопревосходительства Михаила Николаевича Муравьева, а вслѣдъ затѣмъ Александра Петровича Хрущева, послѣдній же провозгласилъ тостъ за здоровье гостепріимнаго хозяина и его супруги. Всѣ эти тосты были встрѣчены особенно сочувственно и сопровождались продолжительными кликами ура.

Утромъ гг. военные и гражданскіе чины приносили поздравленіе высокопреосвященнѣйшему Іосифу, митрополиту литовскому и виленскому, а въ часъ по полудни, у г. начальника губерніи былъ большой завтракъ, на которомъ находились всѣ начальствующія лица, высшія духовныя особы всѣхъ исповѣданій, военные и гражданскіе чины и дворянство.

Во время завтрака хозяинъ С. Ф. Панютинъ провозгласилъ тостъ за здравіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всего Августѣйшаго Дома, на который многочисленное общество

отвѣтствовало задушевными кликами ура. Затѣмъ имъ же были предложены тосты за здоровье главнаго начальника края, М. Н. Муравьева, высокопреосвященнаго митрополита Іосифа, преосвященнаго Александра, епископа ковенскаго, и всего православнаго духовенства. Тосты эти были приняты съ особеннымъ восторгомъ и сопровождались долго неумолкавшимъ ура. Вслѣдъ за симъ А. Л. Потаповымъ предложено было нѣсколько тостовъ, замѣчательныхъ сопровождавшими оные краткими, но глубоко сочувственными задушевными словами, съ восторгомъ принятыми всѣмъ обществомъ. Предложивъ тостъ за благоденствіе дорогой всѣмъ намъ Россіи, Александръ Львовичъ между прочимъ сказалъ, что съ этимъ тостомъ нераздѣльно и имя М. Н. Муравьева, который своими доблестями, мудростью и энергіею умѣлъ слить насъ всѣхъ въ одну великую и славную русскую семью. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, отъ имени всего общества, поспѣшили заявить благодарность Александру Львовичу, за краснорѣчивое выраженіе общихъ чувствъ. Александръ Львовичъ отвѣчалъ, что онъ не могъ не высказать чувствъ, его одушевляющихъ, и потомъ продолжалъ: „господа! мы пили за благоденствіе отечества и за здоровье доблестнаго сподвижника въ этомъ краѣ для пользы и славы Россіи, М. Н. Муравьева; но среди насъ два представителя двухъ знаменательныхъ въ исторіи нашей эпохъ, знаменитые сподвижники: кавказской—Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ, и севастопольской—Александръ Петровичъ Хрущовъ! Господа! я предлагаю тостъ за ихъ здоровье!“ Вслѣдъ за симъ Александръ Львовичъ присовокупилъ: „мы должны выпить за здоровье еще одного кавказскаго сподвижника, здѣсь присутствующаго, храбраго генерала Бакланова!“

Кромѣ того пили еще за здоровье А. Л. Потапова и гостепріимныхъ хозяевъ. Разумѣется, что всѣ эти тосты радостно были приняты обществомъ и сопровождаемы громкими кликами ура!

Вообще на завтракѣ у С. Ф. Панютина, это многочисленное собраніе изъ всѣхъ слоевъ виленскаго общества представляло одну братскую, дружную семью.

Въ продолженіи ночи и въ теченіи перваго дня праздника отправлены были многочисленныя поздравительныя депеши къ г. главному начальнику края, на которыя его высокопревосходительство телеграмою отвѣтствовалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Искренно благодарю служащихъ, дворянство и купечество за

поздравленіе и благія пожеланія. Прошу васъ передать мое душевное поздравленіе."

Еще о томъ же праздникѣ.

Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, какъ многія другія свѣтлыя минуты нашей жизни, едва мелькнулъ и уже канулъ въ вѣчность. Едва успѣли мы встрѣтить его съ краснымъ яичкомъ — и нынѣ уже обращаемся къ нему какъ къ воспоминаніямъ минувшаго. Къ счастію, воспоминанія объ этихъ нѣсколькихъ дняхъ остались самыя отрадныя. Первое мѣсто между ними принадлежитъ одному доброму дѣлу, съ котораго мы и начнемъ нашъ разсказъ.

Въ залѣ женской гимназіи, по распоряженію г. помощника главнаго начальника края, А. Л. Потапова, былъ приготовленъ къ Свѣтлому Воскресенью завтракъ для разговѣнья всѣмъ ученикамъ народныхъ христіанскихъ школъ г. Вильны. Приглашенная учащаяся молодежь, вмѣстѣ съ своими учителями, прибыла въ залъ къ 11 час. утра. Затѣмъ, въ 12 час., прибыли туда же преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, съ духовенствомъ, его превосходительство А. Л. Потаповъ и начальникъ губерніи. Ученики (которыми, упомянемъ кстати, въ Недѣлю Вай, была пропѣта подъ руководствомъ учителей вся обѣдня въ дворцовой церкви) встрѣтили преосвященнаго пѣніемъ *Исполати Деспота*. Затѣмъ они весьма стройно пропѣли еще: *Христосъ воскресе* и *Ангелъ вопіяше*. Когда потомъ преосвященный Александръ благословилъ пасху и куличъ, А. Л. Потаповъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Единодушное „ура" было отвѣтомъ на эти слова и вслѣдъ засимъ ученики исполнили народный гимнъ: „Боже, Царя храни!" Потомъ, были еще провозглашены тосты: за здоровье высокопреосвященнаго митрополита Іосифа, преосвящ. Александра; главнаго начальника края, М. Н. Муравьева—основателя народныхъ училищъ въ Вильнѣ, генерала Потапова, начальника губерніи и всѣхъ наставниковъ и учащихся. Каждый изъ этихъ тостовъ былъ сопровождаемъ пѣніемъ „*Многая лѣта*" и криками „ура!"

Послѣ отъѣзда лицъ, удостоившихъ праздество своимъ посѣщеніемъ, мальчики, собравшіеся въ числѣ слишкомъ 300 человѣкъ, приступили къ разговѣнію. При каждомъ столѣ нако-

дился одинъ изъ учителей, который надѣлялъ окружавшую его семейку пасхою, куличемъ, яйцами, ветчиной и легкимъ пивомъ. Не смотря на то, что всѣ угощаемые—дѣти беднѣйшаго населенія Вильны, они разгавливались чинно безъ шума и толкотни.

Накушавшись досыта, что, конечно, не всегда и не всѣмъ изъ нихъ случалось даже въ великіе праздники, мальчики разошлись по домамъ и, конечно, унесли съ собою самое пріятное воспоминаніе, передавая по беднымъ жилищамъ своимъ разсказъ о ласковомъ вниманіи, котораго они удостоились отъ всѣхъ лицъ, бывшихъ на этомъ первомъ въ ихъ жизни празднествѣ.

Прекрасная погода, стоявшая во все время Свѣтлаго праздника, способствовала какъ нельзя лучше его торжественности. Прозябаніе весны, нельзя сказать, шло и доселѣ хотя медленно, по причинѣ холодныхъ ночей, но правильно, и главное, благополучно для слабыхъ озимыхъ посѣвовъ. Страдающіе водяною, отъ безпрерывнаго прошлогодняго ненастья, посѣвы ржи и пшеницы куда какъ нуждались въ такомъ снисхожденіи весенняго времени,—и снисхожденіе это было имъ оказано. Въ теченіи двухъ-трехъ послѣднихъ недѣль дождь шелъ всего два или три раза, запаса снѣга не оказалось болѣе на лицо въ облачныхъ магазинахъ и земля начинаетъ уже крѣпнуть. Вообще, мы ни подъ какимъ предлогомъ не можемъ жаловаться на начало весны, хотя и нельзя не замѣтить, что, не смотря на видѣнныя уже нами многія прелести ея младенчества, она къ Свѣтлому празднику нарядилась получше, разшевелилась, разыгралась на диво. Птички запѣли какъ-то словоохотнѣе и громче; и болѣе живучія растенія, въ эти дни, подъ открытымъ небомъ, украсили свои головки зеленью.

Праздникъ пасхи первый открылъ прекрасному полу нашего города благовидный предлогъ показаться громадно на улицахъ въ полномъ облаченіи изысканнаго наряда. Случилось такъ, что послѣдніе два дня еврейской пасхи, торжественно празднуемые послѣдователями Моисеева закона, совпали съ нашимъ праздникомъ. Такимъ образомъ и еврейскій прекрасный полъ присоединился на прогулкахъ по городу и даже за городомъ къ лучшей (хотя и не всегда бываетъ такъ) половинѣ христіанскаго населенія. Какіе модные весенніе бурнусы, съ шитьемъ и безъ шитья, съ огромными кистями и совсѣмъ безъ кистей!, какія шляпки съ цѣлыми корзинами цвѣтовъ подъ бантомъ! Какъ подумаешь, сколько все это стоило глубокихъ размышленій, тяж-

кихъ хлопотъ, а иногда и перепалокъ съ жестокосердыми мужьями и скупыми батюшками,—сердце такъ просто и замираетъ отъ умиленія. Скажите же по совѣсти, возможно ли было крапивѣ (которая, по крайней мѣрѣ на основаніи грамматики Востокова, принадлежитъ къ прекрасному полу) не попасть въ соблазнъ отъ такого зрѣлища? Она смотрѣла, смотрѣла изъ-подъ забора—и не выдержала голубушка: забыла о приморозкахъ и нарядилась въ зелененькое платьице. Въ деревенской глуши крапива, вѣроятно, еще и не подумала распуститься.

Но если всѣ улицы и ближайшія загородныя мѣстности были украшены натуральными и искуственными цвѣтами, то самое большое оживленіе виднѣлось, конечно, на каѳедральной площади. Тамъ устроены три громадныя качели для взрослыхъ и, кромѣ того, еще одна для дѣтей, снабженная всѣми принадлежностями хорошей ѣзды: повозками, возжами, колокольчиками и деревянными лошадками. Ну и катай во всю ивановскую подъ тактъ военной музыки, расположенной тутъ же на площади. Открытіе качелей послѣдовало въ первый день праздника, и увеселенія продолжаются съ примѣрнымъ рвеніемъ по настоящую минуту. Сколько разъ мы ни заходили взглянуть на площадь, она всегда полна катающихся и зрителей.

Но и прогулки и качели, конечно, позволительны только днемъ,—а что прикажете дѣлать въ сумерки? Охотники до перемѣны развлеченій и любители безпрерывныхъ развлеченій такъ и поглядывали на театральную площадь, да на углы улицъ, авось появится афишка. Она, въ самомъ дѣлѣ, появилась въ среду и въ вечеръ этого дня данъ былъ первый спектакль.

Описавъ радостные дни этого торжественнаго и умилительнаго для всего христіанства праздника, воспоминая, что было здѣсь въ эти дни не далѣе какъ два года тому назадъ, мы не можемъ, при видѣ всего совершающагося у насъ, не высказать живѣйшей благодарности виновнику этой возрожденной Вильны.

— За первымъ спектаклемъ въ театрѣ, пошло вчера второе, по уменьшеннымъ цѣнамъ, отличающееся еще тѣмъ, что въ немъ дебютировалъ г. Калугинъ. Сегодня играютъ давно невиданнаго, неподражаемаго *Ревизора*, въ бенефисъ первокласнаго комическаго артиста, г. Домбровскаго. Но объ этомъ до другаго раза. Сезонъ весеннихъ увеселеній начался хорошими предвѣщаніями: ну, и благія ему пожеланія! (Вил. Вѣст.)

Апрѣля 9 1865 г.

———

Закрытіе виленскаго монастыря Визитокъ.

5-го марта, въ шестомъ часу утра, почтовый поѣздъ, отправлявшійся изъ Вильны къ прусской границѣ, повезъ съ собою, въ двухъ особенныхъ вагонахъ, здѣшнихъ монахинь визитокъ. Скажемъ нѣсколько словъ по этому интересному случаю.

Минувшее возстаніе доказало, что здѣшній простой народъ не принималъ никакого участія въ политической неурядицѣ, которая задумана польскими выходцами и приведена въ исполненіе латинскими ксендзами и польскимъ шляхетствомъ. Тысячи слѣдственныхъ дѣлъ обнаружили ясно, что р. к. монастыри играли самую гнусную роль въ минувшемъ возстаніи и были средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ крамолы, такъ сильно потрясшей здѣшній край; тѣ изъ сказанныхъ монастырей, которые приняли открытое участіе въ мятежѣ, были упразднены по распоряженію правительства; но еще были такіе монастыри, въ здѣшнемъ краѣ, которые очень искусно вели свою подземную интригу и, по неимѣнію законныхъ доказательствъ, остались неприкосновенными; къ числу послѣднихъ можно отнести въ Вильнѣ женскій монастырь Визитокъ, который, по строгой замкнутости своего ордена, былъ вполнѣ не доступенъ свѣтскому контролю, а по фанатическому направленію инокинь весьма вредно вліялъ въ политическомъ отношеніи на здѣшній край, тѣмъ болѣе, что монахини, учредившія въ монастырѣ, безъ разрѣшенія правительства, нѣчто въ родѣ пансіона, занимались воспитаніемъ дочерей здѣшнихъ помѣщиковъ, прекращеннымъ по распоряженію главнаго начальника края въ 1863 году, въ самомъ разгарѣ мятежа, и вселяли въ юныя сердца своихъ питомицъ ненависть ко всему русскому, чѣмъ сильно содѣйствовали тому ложному и превратному направленію, которымъ вообще отличаются здѣшнія женщины образованнаго сословія и, въ особенности тамъ воспитывавшіяся. Въ этотъ монастырь, основанный въ 1694 году нѣкоею Дезельтъ, пожертвовавшею на этотъ предметъ 50 т. тынфовъ — поступали исключительно однѣ польскія магнатки. Патронами ордена Визитокъ, по примѣру монастырей Италіи и Франціи, считаются St. François de Sales и S-te Jeanne Françoise de Chantal, гробницы которыхъ до настоящаго времени находятся въ Аннеси, во Франціи, въ основанномъ ими тамъ монастырѣ ордена Визитокъ. Въ послѣднее время въ здѣшнемъ монастырѣ было: 32 монахини, 4 новиціатки и 8 сестеръ прислужницъ, хотя по штату полагалось только 16. Это обстоятельство указываетъ на

значительность денежныхъ средствъ монахинь, такъ какъ сверхштатныя содержались на свой собственный счетъ. Между ихъ именами слышались фамиліи: Чапской, Балинской, Гедройць, Коссаковской, Любомирской и проч. Подобный составъ монастыря вызвалъ къ нему особое довѣріе здѣшнихъ высшаго круга польскихъ лицъ, дочери коихъ, при отъѣздѣ родителей за границу или сиротствѣ, обыкновенно отдавались къ визиткамъ на воспитаніе, отъ чего и образовался при монастырѣ, какъ сказано выше, родъ пансіона. Инокини, не смотря на строгость обѣтовъ, полныя гордыхъ фамильныхъ преданій о древней Польшѣ, сохраняли по прежнему вражду свою ко всему русскому и вселяли такія же чувства въ умы юныхъ своихъ питомицъ, отдаваемыхъ имъ на воспитаніе и попеченіе, изъ коихъ многія, возвращаясь къ свѣтской жизни, выносили изъ монастырскихъ стѣнъ самыя непріязненныя чувства къ Россіи.

Не взирая на всѣ принятыя мѣры, чтобы сказанный монастырь не приносилъ вреда своимъ направленіемъ, визитки постоянно были въ секретныхъ сношеніяхъ съ здѣшними женщинами разныхъ сословій, которыя собирались ежедневно въ комнатахъ, предназначенныхъ для пріема посѣтителей, вели съ монахинями секретные переговоры, безусловно вѣрили имъ, какъ оракуламъ, и способствовали даже тайной перепискѣ ихъ съ заграницею. Поводомъ къ послѣднему открытію послужило офиціальное письмо, отъ 12 (24) февраля, писанное по латынѣ епископомъ валянскимъ изъ Франціи, и адресованное на имя, высланнаго въ 1863 году въ Вятку, бывшаго виленскаго епископа Красинскаго, въ которомъ онъ между прочимъ, упоминая о жалобахъ и опасеніяхъ монахинь визитокъ, что ихъ выгонятъ изъ монастыря и отправятъ въ Сибирь, изъявляетъ желаніе принять ихъ въ подвѣдомственные ему монастыри того же ордена.

Это письмо нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя здѣшнія визитки разглашали во Франціи на счетъ нашего правительства, которое дало имъ пріютъ, содержаніе и во всемъ ихъ вполнѣ обезпечивало.

Независимо отъ сказаннаго выше, было еще обнаружено, что монахини вели секретную переписку съ настоятельницами монастырей визитокъ въ Аннеси и Реймсѣ, во Франціи, и получили приглашеніе отъ нихъ и отъ французскихъ епископовъ, кромѣ валянскаго, — отъ орлеанскаго Dupanloup, ліонскаго, шамберійскаго и анесійскаго, которые предлагали имъ монастыри того же ордена въ своихъ епархіяхъ. Одновременно съ симъ полу-

чено свѣдѣніе о томъ, что находящійся въ Парижѣ папскій нунцій обратился къ нашему посланнику съ просьбою объ исходатайствованіи отправленія монахинь во Францію, гдѣ настоятельница визитокъ въ Реймсѣ изъявила желаніе принять ихъ. Вслѣдствіе подобнаго ходатайства визитокъ, возбужденнаго секретною ихъ перепискою съ заграницею,— имъ было объявлено распоряженіе г. главнаго начальника края, что желающія могутъ туда отправиться безвозвратно; для приготовленія къ отъѣзду былъ назначенъ имъ недѣльный срокъ; двѣ только монахини, по старости лѣтъ и слабости здоровья, пожелали возвратиться къ роднымъ, а одна, по умопомѣшательству, помѣщена въ больницу умалишенныхъ. Вмѣстѣ съ отправившимися заграницу монахинями, согласно обоюдному желанію, разрѣшено было выѣхать и ихъ духовнику и служанкѣ; при чемъ предоставлено визиткамъ взять съ собою, кромѣ громоздской движимости, всю движимую ихъ собственность; и, независимо отъ безплатныхъ издержекъ до границы, выдано по 50 р. с. на каждую, для дальнѣйшаго слѣдованія; при чемъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ теченіи недѣли польскія дамы занимались разными приготовленіями къ отправленію визитокъ заграницу, вліяніе которыхъ на здѣшнее общество было такъ велико, что въ теченіи столь короткаго срока пожертвовано было имъ до семи тысячъ рублей на нужные расходы и первоначальное обзаведеніе въ будущемъ мѣстѣ ихъ жительства. Отправленіе монахинь было возложено на визитатора здѣшнихъ монастырей, который, вмѣстѣ съ командированнымъ нарочно офицеромъ, сопутствовалъ имъ до самой границы.

Намъ случилось быть свидѣтелемъ самаго отъѣзда визитокъ, а потому постараемся передать наши личныя впечатлѣнія. Такъ какъ заграничный поѣздъ отправляется обыкновенно въ шестомъ часу утра, то въ назначенный день, 5 марта, въ 3 часа по полуночи, въ костелѣ визитокъ была отслужена прелатомъ обѣдня (тихая мша), при которой присутствовавшихъ, кромѣ прислуги, почти никого не было. Костелъ, отличающійся особымъ изяществомъ и легкостію конструкціи, былъ тускло освѣщенъ большими свѣчами, горѣвшими на престолѣ, гдѣ прелатъ совершалъ таинство; обѣдня скоро отошла; начались сборы къ отъѣзду, во время которыхъ, чрезъ сѣни нижняго этажа, мы прошли въ большую широкую галлерею, гдѣ были собраны инокини. Основываясь на слухахъ и думая встрѣтить мрачныхъ, окутанныхъ въ вуали тѣней, грозно смотрящихъ на насъ, мы не мало были удивлены, когда увидѣли всѣхъ монахинь безъ вуалей, стоящихъ

каждую при своихъ вещахъ. Съ некоторыми прощались служанки; изъ которыхъ нѣкоторыя распоряжались при выносѣ вещей. Инокини были въ черныхъ платьяхъ и капорахъ, съ небольшими бѣлыми пелеринками на шеѣ и чернымъ деревяннымъ крестомъ, съ бѣлымъ на немъ изображеніемъ Спасителя, лежащимъ поперекъ груди, отъ лѣваго плеча къ правому боку. Шубы ихъ и теплыя одежды были скрыты этимъ одѣяніемъ. Между лицами монахинь встрѣчалось нѣсколько молодыхъ и красивыхъ лицъ, невольно возбудившихъ наше вниманіе. Въ разговорѣ ихъ слышались фразы на французскомъ языкѣ и многія на наши вопросы отвѣчали очень чисто по русски. Наконецъ, прелатъ пригласилъ инокинь сѣсть въ экипажи. На станціи желѣзной дороги, монахинь ожидали два, особо приготовленные для нихъ, вагона, въ которыхъ онѣ весьма свободно размѣстились. Но, вотъ, наконецъ раздался свистокъ и—поѣздъ медленно тронулся. Визитки отправились на чужбину.

На слѣдующее утро, наши путешественницы переѣхали границу; въ Эйдкумененѣ, по случаю отъѣзда пассажирскаго поѣзда въ 11 часовъ вечера, путешественницы принуждены были остаться на границѣ полсутки. Оригинальный ихъ костюмъ возбудилъ удивленіе серьезныхъ нѣмцовъ, которые приводили къ нимъ полныхъ любопытства своихъ женъ и дѣтей; были сдѣланы даже замѣчанія на счетъ распятія, не скрываются ли тамъ кинжалы. Между тѣмъ, въ 5 часовъ по полудни, монахини по уставу должны были совершать молитву, — и когда онѣ начали молиться, публики набилось въ залу еще болѣе прежняго. Монахини составляли такимъ образомъ предметъ общаго любопытства.

Въ заключеніе нельзя не порадоваться, что онѣ наконецъ избавили отъ своего нравственнаго гнета и вліянія здѣшній край и безъ того столь долго страдавшій и переполненный разными политическими сектами и партіями. Тамъ, подъ теплымъ небомъ Франціи, ни кому не вредя, визитки будутъ въ состояніи лучше заняться своими прямыми религіозными обязанностями. Душевно радуемся еще и тому, что у русской народности, которой суждено наконецъ воскреснуть въ здѣшнемъ краѣ, стало однимъ тайнымъ врагомъ менѣе.

Освященіе часовни въ г. Клещеляхъ.

(Гродпен. губ.)

28 числа истекшаго февраля мѣсяца, въ заштатномъ городѣ Клещеляхъ совершено было освященіе часовни во имя Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, при стеченіи народа свыше шести тысячь. Освященіе совершено было съ подобающимъ торжествомъ. По окончаніи молебствія жители угощали войска, бывшіе въ парадѣ, водкою и булками.

Въ сооруженіи часовни принималъ самое дѣятельное участіе мѣщанинъ г. Клещель, Антоній Бонифатьевъ *Глицкій* (рим.-кат. испов.), объявившій, что предки его были православные и только подъ угнетеніемъ панства, шляхты и ксендзовщины они отступили отъ православія, но что онъ, вполнѣ сознавая свое русское происхожденіе и освободившись отъ гнета панства и ксендзовъ, въ этотъ торжественный для его роднаго города день возвращается въ лоно православной церкви, въ чемъ и представилъ узаконенную подписку мѣстному благочинному.

Предложеніе митрополита Іосифа въ литовскую д. консисторію.

Его высокопреосвященство Іосифъ, митрополитъ литовскій, далъ въ литовскую духовную консисторію, отъ 5-го февраля 1865 года, за № 342, слѣдующее предложеніе:

«Нѣсколько уже разъ напоминаемо и внушаемо было духовенству литовской епархіи о печальномъ положеніи тѣхъ священническихъ семействъ, въ которыхъ священническія жены не могутъ дать дѣтямъ своимъ первоначальнаго русскаго православнаго воспитанія. Новые подобные случаи заставляютъ епархіальное начальство обратить на это и теперь вниманіе.

«Благодареніе Господу, образованіе священническихъ дочерей въ виленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія приняло вполнѣ удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, и въ послѣдствіи изъ нихъ выйдутъ достойныя и своему званію соотвѣтственныя священническія жены и матери. Но и до того времени слѣдуетъ озаботиться, чтобы поступающіе во священство не соединялись бракомъ съ дѣвицами, чуждыми русскому православному образованію.

«Посему предлагаю консисторіи: 1) при рѣшеніи на будущее время о допущеніи къ рукоположенію кандидатовъ во священство и діаконство, имѣть въ виду письменное свидѣтельство благочиннаго и двухъ надежныхъ мѣстныхъ священниковъ о знаніи женою того кандидата: читать исправно по-славянски и по-русски, говорить и писать по-русски, а также знать важнѣйшія церковныя православныя молитвы и катихизисъ; 2) предписать благочиннымъ не допускать брака означенныхъ кандидатовъ во священство и діаконство, прежде удостовѣренія о знаніи невѣстами ихъ упомянутыхъ выше предметовъ и выдачи ими о таковомъ знаніи письменнаго свидѣтельства; 3) въ случаѣ сомнѣнія въ вѣрности таковаго свидѣтельства, повѣрять оное посредствомъ другихъ благонадежныхъ духовныхъ, и если окажется, что жены кандидатовъ во священство не знаютъ означенныхъ предметовъ, то не допускать сихъ кандидатовъ къ рукоположенію; 4) внушить всему духовенству, чтобъ оно заботилось по возможности о помѣщеніи дочерей своихъ въ виленское училище дѣвицъ духовнаго званія, дабы епархіальное начальство могло въ послѣдствіи не прибѣгать уже къ подобнымъ вышепрописанной мѣрамъ и быть безъ нихъ увѣреннымъ въ надежности на будущее время священническихъ женъ и дочерей всей литовской православной паствы. Разумѣется воспитанницы упомянутаго дѣвичьяго училища въ означенныхъ выше свидѣтельствахъ не будутъ нуждаться.» (Л. Е. В.).

Поимка предводителя мятежнической шайки, ксендза Бржоска.

Въ Русс. Инв. пишутъ изъ Варшавы: Послѣдній начальникъ вооруженнаго польскаго возстанія, ксендзъ Станиславъ Бржоско, такъ долго укрывавшійся въ люблинской губерніи, пойманъ, вмѣстѣ съ главнымъ помощникомъ своимъ, Францомъ Вильчинскимъ, и въ ночь съ 18-го на 19-е число оба доставлены въ тюремный замокъ въ Варшаву.

Долгое сопротивленіе банды Бржоско и его искусное укрывательство такъ интересны, что вы, вѣроятно, не посѣтуете на меня за то, что я съ вами подѣлюсь всѣмъ, что мнѣ извѣстно объ этой личности.

Наружность Бржоско не особенно замѣчательна, онъ высокаго роста, черты загорѣлаго лица мѣлки и освѣщены темно-карими блестящими глазами, и русые длинные, падающіе космами, по

сторонамъ лица, волосы — сбитые сзади отъ колтуна въ пукъ, придаютъ какой-то особый отпечатокъ его физіономіи, такъ, что не имѣя рѣзкихъ чертъ, Бржоско производитъ непріятное впечатлѣніе, которому много содѣйствуетъ оборванный и какой-то отчаянный видъ этого послѣдняго польскаго партизана.

Бржоско 33-й годъ отъ роду, онъ дворянинъ, родился гдѣ-то въ бѣльскомъ уѣздѣ, первоначальное воспитаніе получилъ въ одной изъ уѣздныхъ школъ и 17-ти лѣтъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ; здѣсь пробилъ два съ половиною года, но по какому-то капризному настроенію, оставилъ университетъ и опредѣлился въ духовную семинарію въ Яновѣ. По истеченіи 5-ти лѣтъ, въ 1857 году, былъ посвященъ въ ксендзы и назначенъ викаріемъ первоначально въ м. Соколово, люблинской губерніи въ сѣдлецкій уѣздъ, а въ 1860 году переведенъ оттуда викаріемъ-же въ г. Луковъ.

Священническій санъ и обязанности нисколько не умѣрили пылкой натуры Бржоско, и только привили къ ней столь свойственный польскому духовенству фанатизмъ, который при первомъ же случаѣ высказался вполнѣ.

Осенью 1862 года „центральный комитетъ" разослалъ своихъ агентовъ для составленія между духовенствомъ особой революціонной организаціи; агентъ, пріѣхавъ изъ Варшавы, собралъ въ м. Радзиминѣ сосѣднихъ ксендзовъ, прочелъ имъ данный ему комитетомъ манифестъ, въ которомъ большія надежды полагались на духовенство. Нѣтъ надобности говорить, что предложенія комитета были приняты, и едва вспыхнуло вооружонное возстаніе, какъ ксендзъ Бржоско, въ одной рукѣ съ крестомъ, а въ другой съ кинжаломъ, явился въ рядахъ банды Левандовскаго; затѣмъ, по уничтоженіи ея, Бржоско былъ дѣятельнымъ сподвижникомъ начальника банды Крысинскаго и командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ кавалеріи. Рана въ ногу на время заставила этого доаудцу-ксендза отказаться отъ боевой жизни, но едва онъ поправился, какъ снова сѣлъ на лошадь, и, сформировавъ изъ остатковъ банды Крысинскаго отрядъ, онъ опять является отчаяннымъ партизаномъ.

Летучая банда Бржоско, первоначально доходившая до 200 человѣкъ и постоянно все сокращавшаяся, такъ что въ концѣ прошлаго года состояла всего изъ 9-ти чел.,—быстро начала переходить съ мѣста на мѣсто, разсыпалась по лѣсамъ при приближеніи нашихъ отрядовъ, и удачно, при помощи жителей, укры-

валась, по преимуществу, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живетъ мелкая шляхта.

Вліяніе Бржоско на жителей, поддерживаемое короткой расправой, было такъ сильно, что никакія указанія не могли подѣйствовать къ открытію мѣста его пребыванія.

Напрасно полковникъ Занкисовъ съ храбрыми линейцами гонялся за бандой Бржоско: схватятъ двухъ-трехъ его подчиненныхъ, а между тѣмъ самъ начальникъ постоянно ускользалъ изъ рукъ. Наконецъ, около 15-го числа, получивъ вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ укрывательства Бржоско, жандармскій начальникъ изъ г. Минска, варшавской губерніи, и военно-уѣздный начальникъ станиславскаго уѣзда, взявъ 10 казаковъ и вахмистра жандармовъ, направились въ сѣдлецкій уѣздъ, въ люблинскую губернію, въ д. Сыпитки, лежащую въ 4-хъ верстахъ отъ м. Соколова, гдѣ у солтыса, Ксаверія Бѣлинскаго, уже съ февраля скрывался этотъ разбойникъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Францемъ Вильчинскимъ. Послѣдній — сынъ кузеца, молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, недуренъ собою, съ довольно мягкими и пріятными чертами лица. Съ самаго начала бѣгства Бржоско—Вильчинскій сопровождалъ его во всѣхъ похожденіяхъ.

У солтыса въ чуланѣ была устроена перегородка, отштукатуренная, совершенно подобно стѣнѣ, за которой почти два мѣсяца прожили названные злодѣи, выходя оттуда только ночью. Малое отверстіе внизу стѣны, заставляемое сундукомъ, было совершенно непримѣтно, и если бы не внимательность дѣлавшихъ обыскъ, то и на этотъ разъ Бржоско могъ бы ускользнуть отъ рукъ правосудія. Звукъ отъ ударовъ въ стѣну обнаружилъ пустоту: Бржоско съ Вильчинскимъ выскочили изъ чулана, сдѣлали по стоящимъ въ дверяхъ солдатамъ два выстрѣла и, увидя, что тѣ подались, бросились, отстрѣливаясь, на дворъ и затѣмъ побѣжали къ лѣсу; но неотстававшій вахмистръ и казаки схватили преступниковъ, а казацкій офицеръ, во время погони, выстрѣломъ изъ пистолета, ранилъ въ руку Бржоско; такимъ образомъ 17-го числа были пойманы послѣдніе остатки бывшихъ вооруженныхъ бандъ.

Мнѣ случилось видѣть одинъ изъ рапортовъ Бржоско къ „жонду народовому,“ гдѣ онъ, съ боку означая отъ кого этотъ рапортъ, называетъ себя — главнымъ капеланомъ и генераломъ народныхъ войскъ.

Соединеніе этихъ властей было очень пригодно злодѣю, по-

тому что онъ, по званію начальника банды, издавалъ смертные приговоры, а по званію ксендза предварительно исповѣдывалъ свои жертвы; такъ, извѣстно, что по приказанію Брдоеко, осенью прошлаго года, повѣшены слѣпой старикъ и старуха, по подозрѣнію въ шпіонствѣ, причемъ напутственную молитву читалъ самъ эксъ-генералъ ксендзъ Брдоеко. Л. О.

Поимка эмиссаровъ въ Варшавѣ.

Варшав. Дневникъ перепечатываетъ изъ *Patriotische Z.* слѣдующее письмо изъ Варшавы: «Извѣстіе о пріѣздѣ и арестованіи эмиссаровъ въ нашемъ городѣ оправдывается. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло было такъ: въ теченіе отъ 8-ми до 14-ти дней прибыло въ Варшаву, по крайней мѣрѣ, до 12-ти эмиссаровъ, подъ чужими именами и съ французскими или англійскими паспортами. Эмиссары эти остановились частію въ гостиницахъ, частію въ частныхъ домахъ. Трое главныхъ изъ этого общества остановились въ англійской гостинницѣ. Они были посланы отъ вновь образовавшагося представительнаго комитета, во главѣ котораго находятся Боссакъ и Гутри. Цѣль этихъ эмигрантовъ была взволновать народъ во время предстоящаго рекрутскаго набора и сдѣлать покушеніе на жизнь главныхъ представителей здѣшнихъ властей. Полиція слѣдила нѣсколько дней за этими тремя лицами и, собравши всѣ нужныя доказательства объ ихъ преступныхъ замыслахъ, арестовала ихъ. Одинъ изъ нихъ арестованъ на химической фабрикѣ г. Краузе, гдѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми рабочими и уже сдѣлалъ заказы, второй—въ булочной Гранта, а третій—въ одной мелочной лавкѣ, на Электоральной улицѣ. Арестованныя лица суть: два брата Улатовскихъ и недоучившійся студентъ медицинскаго факультета Здзиславъ Янчевскій—всѣ трое принимали участіе въ возстаніи. Младшій Улатовскій и Янчевскій приняли ядъ, когда ихъ арестовали. Но ядъ этотъ, который они постоянно носили при себѣ, не подѣйствовалъ, потому что имъ тотчасъ дали противоядіе. Жизнь обоихъ спасена и они поправляются. Объ Янчевскомъ извѣстно только то, что онъ сынъ плоцкаго адвоката и во время возстанія былъ агентомъ для закупки оружія. Онъ принялъ на себя заказы оружія въ Литтихѣ и слѣдилъ за транспортомъ оружія въ Силезіи до польской границы. Поляки обвиняютъ его въ томъ, что онъ въ Дрезденѣ промоталъ съ своими товарищами

80,000 руб., данные ему отъ народоваго жонда на покупку оружія. Такъ какъ онъ не могъ оправдаться въ этомъ, то хотѣлъ возстановить свою репутацію у поляковъ тѣмъ, что принялъ на себя исполненіе новаго преступнаго замысла. Вмѣстѣ съ этими тремя эмиссарами были арестованы еще 50 лицъ, въ числѣ которыхъ находятся 30 рабочихъ съ фабрики Краузе и нѣсколько женщинъ. Многіе изъ этихъ арестованныхъ уже освобождены. Генералъ-полиціймейстера Трепова, который уже былъ на дорогѣ въ С.-Петербургъ, извѣстили по телеграфу о поимкѣ этихъ трехъ эмиссаровъ. Полиція приняла нужныя мѣры для отысканія остальныхъ 9-ти или 10-ти эмиссаровъ; говорятъ, что они отправились въ провинціи.»

Изъ Витебска.

Учрежденіе библіотеки въ городѣ Витебскѣ принадлежитъ семинаріи, или собственно ея воспитанникамъ; но русскій человѣкъ, съ жаромъ взявшись за какое нибудь полезное дѣло, скоро охладѣваетъ къ нему; тоже самое произошло и съ воспитанниками: сначала они много собирали денегъ для покупки книгъ; теперь же денегъ вовсе не даютъ, постороннихъ средствъ не имѣется и библіотека живетъ безъ всякаго новаго пріобрѣтенія. Впрочемъ, недавно изъ Москвы прислано для этой библіотеки два ящика книгъ, кажется до 200 экземпляровъ; но это—все старыя изданія, а новыхъ изданій, особенно журналовъ, не имѣется и не выписывается,—денегъ нѣтъ.

Другая частная библіотека заводится въ витебскомъ духовномъ училищѣ; она получила свое существованіе независимо ни отъ какихъ постороннихъ средствъ. Въ январѣ прошлаго года пріѣхалъ сюда молодой смотритель и сталъ собирать съ учениковъ деньги на библіотеку; на первый разъ, собрано рублей 30; потомъ онъ каждую треть собиралъ по 10 коп. съ ученика; такимъ образомъ въ годъ собрано рублей 60; всѣ эти деньги отосланы въ Петербургъ на покупку книгъ; теперь библіотека имѣетъ не болѣе 70 экземпляровъ; ученики съ жаромъ взялись за чтеніе, всѣ книги оказались по вкусу. Къ сожалѣнію, библіотека не имѣетъ достаточной поддержки и подвигается впередъ очень туго, а за помощію въ самомъ Витебскѣ обратиться некуда, да и не было бы успѣха; къ этимъ вещамъ равнодушно относятся. Желаемъ однакожъ успѣха этой библіотекѣ.

Недавно явилась въ свѣтъ и общественная библіотека и нѣсколько членовъ витебскаго общества, говорится въ уставѣ этой библіотеки, сложились по 10 рублей для выписыванія книгъ; 4-го декабря прошлаго года часть выписанныхъ книгъ получена и поступаетъ въ общее пользованіе.

Насъ не мало удивляетъ, что книги большею частію беллетрическаго содержанія, но строго научнаго содержанія почти нѣтъ—потомъ, книгъ на иностранныхъ языкахъ выписано больше, нежели на русскомъ; а вѣдь въ Витебскѣ нѣмцевъ очень мало, а французовъ вовсе нѣтъ.

Основаніе библіотекѣ положено хорошее. Можно надѣяться, если складчики не сдѣлаются вдругъ скупыми, какъ это часто бываетъ на Руси, то библіотека въ нѣсколько лѣтъ достигнетъ большихъ размѣровъ. Жаль только, что неучастники съ трудомъ могутъ достать здѣсь книжку; они должны имѣть поручителя; поручителемъ можетъ быть только участникъ. Такое поручительство для многихъ недоступно. При томъ чувствуется, что эта библіотека основана только для высшаго аристократическаго круга; складчики изъ этого круга, а средній кругъ, которого здѣсь большинство, не можетъ имѣть доступа къ ней. Кто же рѣшится пойти къ аристократу и попросить у него поручительства; разумѣется, никто, въ полной надеждѣ, что ему откажутъ. Гораздо лучше было бы устроить библіотеку по образцу петербургскихъ библіотекъ, т. е. найти для ней большое помѣщеніе, завести мебель для читателей и объявить, что желающіе могутъ приходить туда и читать отъ такого до такого часа, съ платою по 5 коп. за входъ. Тогда бы не было затрудненій для лицъ средняго круга пользоваться книгами, тогда бы и денегъ больше собиралось; можно надѣяться, что ежедневно будетъ приходить до 40—50 читателей, а складчики—вѣдь ихъ немного—могутъ брать книги и на домъ; а то теперь и не знаешь, какъ добраться до библіотеки. Вотъ фактъ: одному изъ средняго круга хотѣлось познакомиться съ исторіею цивилизаціи Бокля; онъ обращается ко мнѣ съ просьбою достать ее изъ библіотеки; но я самъ не имѣю поручителя и слѣдовательно не имѣю доступа къ ней; такъ мы съ нимъ жаждемъ чтенія этой живой воды и не имѣемъ человѣка, который бы утолилъ нашу жажду.

Какъ бы то ни было, а все сказанное свидѣтельствуетъ, что Витебскъ идетъ впередъ, прогрессируется. Что нужды, что многое не такъ дѣлается. Хорошо, что хоть что нибудь дѣлается, а въ послѣдствіи все не хорошее можетъ быть исправлено. Впро-

чемъ прогрессомъ Витебска нельзя слишкомъ увлекаться. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ развитія онъ не только не идетъ впередъ, но напротивъ, пятится назадъ. Пятится назадъ его литературная сторона. Витебская литература, можно сказать, въ младенческомъ состояніи; она, какъ младенецъ, не обладаетъ полнымъ знаніемъ мѣстной жизни, и потому часто и очень лжетъ. Главный органъ витебской литературы—«Витебскія Губернскія Вѣдомости.» Часть оффиціальная у нихъ объемистѣе, а неоффиціальная—и мала и плоха. Удивляться тутъ нечему: способность писать не очень развита у жителей Витебска. Если неоффиціальный отдѣлъ и коснется иногда мѣстной жизни, станетъ описывать народный бытъ, состояніе торговли, фабрикъ, разныхъ мѣстныхъ промысловъ; то поищите истины. Случайно мнѣ попался одинъ нумеръ «Губернскихъ Вѣдомостей» за прошлый годъ; тамъ перечислены были фабрики, находящіяся въ витебской губерніи, насчитано ихъ столько, сколько никогда не бывало, однихъ кожевенныхъ фабрикъ насчитано болѣе 3-хъ десятковъ, тогда какъ ихъ нѣтъ ни одной. Дѣло въ томъ, что фабриками названы тамъ мѣста, куда евреи складываютъ шкуры, скупая ихъ въ большомъ количествѣ для отправки ихъ въ какой нибудь кожевенный заводъ.

Другой литературный органъ г. Витебска выходитъ только разъ въ годъ. Это «Памятная книжка статистическаго комитета». Скоро должна выйти «Памятная книжка» на 1864 *годъ*. Мы, какъ видите, живемъ цѣлымъ годомъ позади васъ.

17-го марта, 1865 года. *Корреспондентъ.*

О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи.

Въ изустномъ преданіи народа, въ минской губерніи, сохранилось много легендъ и пѣсенъ, относящихся къ варварскимъ временамъ введенія уніи. Нѣтъ городка, мѣстечка, прихода, гдѣ бы православные не испытали гоненія римско-католическаго духовенства и вмѣстѣ не выказали геройскаго противудѣйствія противъ насилія ксендзовъ. Неистовства язычниковъ въ первые вѣка христіанства, меркнутъ передъ изобрѣтеніями іезуитовъ. Ихъ безчестный девизъ: «цѣль оправдываетъ средства», разрѣшалъ имъ все, что только могъ придумать умъ изверга, съ одной стороны лукаваго, вѣроломнаго, а съ другой насильственнаго и звѣрски свирѣпаго. Русскій народъ былъ преданъ са-

нимъ королемъ Сигизмундомъ III на престолъ своекорыстнымъ ксендзамъ и неукротимой пьяной шляхты. Проникая въ прошедшее, и еще не такъ давно минувшее, изумляемся какъ могли еще уцѣлѣть въ этомъ краѣ православіе и русская народность; но, выходитъ, такъ ужъ прочно сотворенъ русскій человѣкъ, что куда его ни кинь, какъ не переворачивай, во что не наряжай, а если до чего прійдется, такъ онъ и заявитъ себя русскимъ. Послѣднія событія служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ.

Разъѣзжая по захолустьямъ минской губерніи я собралъ изъ народныхъ устъ нѣсколько пѣсень, которыя сильно выражаютъ ропотъ и страданія русскаго народа въ эпоху введенія уніи.

Ниже приводимая пѣсня, записанная въ Несвижѣ, жители котораго чтятъ св. Георгія и считаютъ его своимъ патрономъ. Слѣды развалинъ храма во имя этого святаго и теперь еще замѣтны на огородѣ еврейскаго дома, противъ нынѣ упраздненнаго бернардынскаго монастыря. По всему вѣроятію пѣсня эта сложилась въ XVI столѣтіи, когда, по совѣту кардинала Гозіуша, Криштофъ Радзивилъ, въ 1584 году, водворилъ въ Несвижѣ іезуитовъ. Вотъ эта пѣсня, въ такомъ видѣ, какъ поютъ ее въ несвижской околицѣ.

I.

Былъ на Руси черный богъ,
Предъ нимъ стоялъ Туровъ рогъ:
Іонъ на Кіевъ поглядавъ,
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ;
А Владиміръ нашъ святый
Черна бога сколотивъ,
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьми разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Слеталися на Лысу гору.
Святый Юрій прискакавъ,
И въ Несвижѣ церквой ставъ.
Ажъ отъ Ксенця Радзивила
Понайшла нечиста сила,
Русску вѣру потлумила:
Батьки во церкви не служили
А ксендзы пиву вопили;

Не было къ нємъ а ни слова,
Ни изъ Слуцка ни съ Турова,
Не было а ни словечка,
Юрій ставъ блудна овечка.
Мы предъ Юріемъ заклеичемъ
Помолимся и заплачемъ—
Щобъ его святая сила,
Покопала Радзивила.

Вторая пѣсня на малорусскомъ языкѣ, записанная въ г. Пинскѣ, относится къ эпохѣ козацкихъ войнъ 1648 года, когда поляки вырѣзали и потопили въ р. Пинѣ 14,000 пинскихъ жителей, которыхъ козацкій полковникъ Небаба неуспѣлъ спасти. (Архивъ слуцкаго мон. Архивъ М. архим. дома).

II.

Изъ за Слуцка изъ за Клецка,
Іде Юрба молодецька,
Отъ княжати изъ підъ Миньска,
Воевати міста Пинська.
Міста Пинська воевати,
Одъ ляховъ обороняти.
Хоть прийшли, недали ради:
Погинули усі одъ зради.
А я пійду въ мість великий
До Турова, до владики,
Щобъ молебенъ одслушити;
Тай покаюсь за гріхи,
День и нічь буду молити,
Щобъ згинули ляхи.

Третью пѣсню, записанную въ Мозырѣ, можно отнести къ первой половинѣ XVI столѣтія, когда уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй, для большаго успѣха распространенія уніи, избралъ базисомъ своихъ дѣйствій Новогрудокъ и Ляховичи. 1).

---

1) Мѣстечко мозырскаго уѣзда.

III. 2).

Ой колибъ коли
Москали пришли,
Москали пришли —
Наши сродныя,
Наши сродныя
Вѣры одныя!
Добре... намъ было
Счастно намъ было:
Коли Русь уся,
Тримаѣчися,
Одной силою
За одно была.
Къ намъ за грѣхи
Понайшли ляхи,
Заняли нашъ край
Ажъ до Ляховичъ.
Ой ляхибъ не пришли,
Щобъ пани не навели,
Ой пани щобъ вы пропали,
Що ляхамъ насъ запродали;
Ой пани щобъ вы згинули
Що свою вѣру покинули.

Въ настояще время сѣверозападный край вступаетъ въ новую эру. Православные храмы повсюду созидаются и возобновляются, духовенство энергически исполняетъ свой долгъ, по всѣмъ приходамъ устроены народныя школы, отъ которыхъ мы ожидаемъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ для русской народности. Грамотные мужички выявятъ намъ все, что еще живетъ въ ихъ средѣ, и уничтожатъ, что привилось къ народу латынско польскаго. *А. С.*

---

2) Бѣлорусское нарѣчіе мозырскаго уѣзда очень подходитъ къ малорусскому.

„Московскія вѣдомости“ о русскомъ элементѣ въ люблинской и августовской губерніяхъ.

Наши утраты, наши уступки по польскому вопросу могутъ обратиться въ пользу государствъ сосѣднихъ, а отнюдь не въ пользу несбыточнаго государства польскаго, которое можетъ возникнуть только для того, чтобы сейчасъ же рушиться.

Теперь приподнята завѣса съ внутренней исторіи польской *справы* за послѣднее время; появилось нѣсколько брошюръ, писанныхъ людьми, принимавшими въ этой *справѣ* дѣятельное участіе. И что же мы видимъ? Такой безобразной анархіи, такой безсмысленной взаимной ненависти между главными руководителями дѣла, такой наглости и грязи не было доселѣ примѣра даже въ исторіи польскихъ смутъ и возстаній. Все затхло и смрадно: нѣтъ освѣжительнаго вѣянія дѣйствительной народной жизни, нѣтъ истиннаго народнаго чувства, идущаго изъ глубины. Есть налганный болѣзненный патріотизмъ, раздражающій и сводящій съ ума, но безсильный послужить живою связью даже для тѣхъ, кто жертвуетъ ему всѣми жизненными интересами.

Разгадка этого внутренняго безсилія польскаго дѣла заключается въ томъ, что оно не есть народное дѣло. Польская шляхта не могла сохранить свое государство, потому что растеряла свой народъ, потому что у ея государства не осталось живыхъ корней, потому что народная жизнь не питала этого государства, ставшаго паразитомъ.

Польскія претензіи на западно-русскій край обличены событіями. Несмотря на могущество интриги, русское общество повидимому вполнѣ убѣдилось въ несостоятельности этихъ претензій, и если мы будемъ уступать имъ, то уже не можемъ по крайней мѣрѣ ссылаться на убѣжденіе въ ихъ правотѣ. Но понятія о польской народности Царства Польскаго далеко еще не такъ разъяснились. Тѣмъ важнѣе изслѣдованія, которыя, съ помощію фактовъ, изобличаютъ мнимыя права польской національности на самую землю Царства Польскаго. Мы намѣрены указать сегодня на разысканія полковника Риттиха, уже извѣстнаго своимъ участіемъ въ составленіи весьма любопытнаго и чрезвычайно важнаго этнографическаго атласа Западнаго края. Передъ нами теперь только что появившійся въ свѣтъ его атласъ Люблинской и Августовской губерній, края смежнаго съ

13*

признанною уже русскою землей и потому наиболѣе важнаго для Россіи.

Люблинская и Августовская губернія составляютъ весьма неправильную продолговатую фигуру, или, лучше, это двѣ полосы земли, которыя едва между собою соприкасаются въ одной точкѣ, подобно материкамъ сѣверной и южной Америки, связаннымъ тонкою нитью Панамскаго перешейка. Разобщенныя географически, означенныя двѣ губерніи не много имѣютъ и другихъ точекъ соприкосновенія: одна изъ нихъ упирается въ отроги Карпатовъ, другая спускается почти къ самому Балтійскому морю; въ первой преобладаетъ одна племенная масса, во второй другая; Августовская губернія прирѣзана къ Польшѣ отъ Литвы, Люблинская отъ Руси.

Изъ ряда цифръ приложенныхъ къ атласу, мы видимъ, что въ люблинской губерніи числится 457,098 душъ русскаго племени, почти исключительно малороссовъ, 403,687 поляковъ (считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые по происхожденію русскіе, но давно уже усвоили себѣ польскій языкъ и приняли католичество). Итакъ, по исчисленію г. Риттиха, мало отличающемуся отъ цифръ, приводимыхъ другими изслѣдователями русскихъ оказывается въ Люблинской губерніи болѣе нежели поляковъ. Этотъ выводъ могъ бы показаться подозрительнымъ, еслибъ исторія не явилась въ настоящемъ случаѣ на помощь этнографіи. Она указываетъ, что государство Владиміра Святаго простиралось далеко къ западу, за рубежъ нынѣшней Русской имперіи; фактъ этотъ, ускользнувшій отъ вниманія политиковъ, не былъ пропущенъ учеными, и г. Риттихъ, съ тактомъ, которому нельзя не отдать справедливости, приводя различныя свидѣтельства объ этомъ предметѣ, ссылается преимущественно на заграничныхъ, и особенно на польскихъ ученыхъ. По изслѣдованіямъ географа XVII вѣка Старовольскаго, границею владѣній великаго князя Владиміра была рѣка Вепрь, раздѣляющая южную часть Люблинской губерніи пополамъ отъ юга къ сѣверу; по мнѣнію ученаго Мацѣевскаго, эта граница углублялась еще болѣе къ западу и съ Вепря переходила на рѣку Санъ, составляющую часть границы Царства Польскаго съ Галиціей.

Далѣе на сѣверъ, въ такъ-называемомъ Подляхіи, съ незапамятныхъ временъ были русскія селенія, начало которыхъ г. Стадницкій относитъ къ норманскому періоду русской исто-

ріи. Известный историограф Червенной Руси, Зубрицкій, разбирая вопросъ о первоначальной границѣ Русской земли, находитъ, что она съ западной стороны проходила еще далѣе чѣмъ ее опредѣляли Мацѣевскій, Стадницкій и Старовольскій, а именно по Вислѣ. Каковы бы ни были впрочемъ точныя границы ея въ глубокой древности, извѣстно, что Казиміръ Великій (въ XIV вѣкѣ) овладѣлъ Червонною Русью, то-есть восточною Галиціей и Люблинскою губерніей, которыя съ того времени оставались оторванными отъ Россіи, но не утратили народнаго русскаго типа. Нѣкоторыя изъ лицъ, посѣтившихъ восточную часть Люблинской губерніи въ послѣднее время, называютъ ее Забужскою Русью, и всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что простонародье въ ней вполнѣ сохранило русскую рѣчь (малороссійское нарѣчіе) и старинный домашній бытъ. Эти особенности люблинскаго населенія, въ ближайшее къ намъ время не обращавшія на себя вниманія политиковъ, такъ очевидны однакожъ, что подали поводъ нѣкогда сказать Хмельницкому: „Знай, Ляше, — по Санъ наше!"

По всѣмъ этимъ причинамъ, на картѣ г. Риттиха вся страна къ востоку отъ Веиря, и далѣе къ сѣверу, почти все Подляхсье имѣютъ сильно преобладающій *зеленый цвѣтъ*, принятый для обозначенія русскаго племени, такъ что страна эта мало отличается отъ смежныхъ частей Волынской и Гродненской губерній въ этнографическомъ отношеніи; за то она отличается отъ нихъ въ отношеніи религіозномъ, потому что половина люблинскихъ русскихъ—уніаты, а другая, и даже большая половина—католики.

Подобно тому какъ во время *братскаго соединенія трехъ народовъ* часть Русской земли была прирѣзана къ Польшѣ на юго-востокѣ, также на сѣверо-востокѣ, хотя и несравненно позже, къ Польшѣ прирѣзана часть земли Литовской. Въ Августовской губерніи считается 256,708 душъ жмудиновъ и чистыхъ литовцевъ и 202,627 поляковъ, вмѣстѣ съ мазурами и курпиками (племенами нѣсколько отличными отъ польскаго.) Что касается до русскихъ, то ихъ всего въ Августовской губерніи съ небольшимъ 30 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ слишкомъ 15 т. католиковъ, 8,751 уніатовъ и около 5½ т. православныхъ и старообрядцевъ. Не взирая на малочисленность русскаго племени, оно занимаетъ здѣсь очень важное географическое положеніе, а именно: оно врѣзывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ Авгу-

стоиская губернія имѣетъ не болѣе 50 или 60 верстъ ширины и занимая въ окрестностяхъ Августова весь поперечникъ перешейка, отдѣляющаго Гродненскую губернію отъ прусской границы, совершенно разъединяетъ литовцевъ, находящихся отсюда къ сѣверу, съ поляками (мазурами и курпиками), населяющими южную часть губерніи. Выгода такого положенія очевидна. Желательно, чтобы литовское племя отдѣлялось отъ польскаго русскими народонаселеніями, желательно, слѣдовательно, чтобъ Августовъ, Райгородъ и другія мѣстечки въ этой мѣстности получили русскій характеръ; желательно также, чтобы группа августовскихъ бѣлоруссовъ плотнѣе примкнула къ группѣ великоруссовъ, находящейся вблизи ея, по границѣ Августовскаго и Сейнскаго уѣздовъ, и чтобъ обѣ эти группы образовали сплошную массу русскаго элемента.

Таковъ этнографическій очеркъ восточной части Царства Польскаго. Сѣверная часть Августовской губерніи сплошь занята литовскимъ, средняя русскимъ племенемъ, которое отдѣляетъ его отъ польскаго, и густо, если не сплошь, занимаетъ восточную половину Люблинской губерніи, выдвигаясь въ южной ея части до Сана. Замѣтимъ, что всѣ эти русскіе—не переселенцы, не случаемъ или прихотью заброшенные сюда колонисты, но коренные обитатели, туземцы, составляющіе непосредственное продолженіе населенія Гродненской и Волынской губерній и Восточной Галиціи.

Итакъ, въ двухъ смежныхъ съ имперіей губерніяхъ Царства Польскаго большинство народонаселенія оказывается не польскимъ, а принадлежащимъ къ одному изъ двухъ племенъ туземныхъ въ западныхъ губерніяхъ; на западной окраинѣ Царства живутъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ и преобладаютъ нѣмцы, которыхъ около 282,000 душъ,—много ли затѣмъ остается чисто польскаго племени и чисто польской земли? Справедливо ли, въ этнографическомъ отношеніи, присвоивать названіе *Польскаго* Царства странѣ, немаловажная часть которой есть очевидное продолженіе русскаго западнаго края, а остальная часть такъ незначительна, что явно не соотвѣтствуетъ пышному титлу царства?...

Гдѣ же основанія для польскихъ претензій, не удовлетворяющихся даже этимъ пышнымъ титуломъ и назойливо требующихъ, чтобы королевство Польское стало на мѣстѣ Русской державы? Чѣмъ объяснить себѣ, что онѣ могутъ держаться

въ силѣ? А между тѣмъ онѣ держатся въ силѣ. На поверхности теперь все тихо и смирно въ нашихъ западныхъ предѣлахъ, но только *на поверхности*. Втайнѣ продолжается дѣятельная работа съ твердою надеждой на успѣхъ, и эта работа тѣмъ поопаснѣе, что неудача вооруженнаго возстанія естественно побуждаетъ къ расширенію круга дѣятельности на иныхъ путяхъ. Польское дѣло, никогда не имѣвшее національнаго характера, обладаетъ всѣми условіями для того, чтобы слиться до безразличія со всѣмъ, что только можетъ внутри и внѣ оказаться непріязненнаго къ русской національности, а потому благо Россіи требуетъ теперь болѣе всего, чтобъ этотъ фальшивый польскій вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ и нынѣшній кризисъ счастливо пройденъ. *O navis!... fortiter occupa portum.*

Церковные архивы въ Западной Россіи и на какія соображенія наталкиваютъ нѣкоторые документы, хранящіеся въ нихъ?

Намъ не разъ приходилось рыться въ церковныхъ архивахъ такъ называемой Литовской епархіи; не богаты они документами, большая часть ихъ или перешли, при посредствѣ пановъ, во время господства и деспотическаго преобладанія уніи надъ православіемъ и латинства надъ самою уніею—въ руки ксендзовъ, которые, какъ вѣрные преданіямъ своихъ учителей іезуитовъ, предавали эти документы истребленію, — или же попали въ последнее время въ епархіальный центральный архивъ. Остались исключительно одни лишь *визиты* ежегодные отцовъ базильянъ, или другихъ лицъ, посланныхъ епархіальною уніатскою властію для осмотра церквей и ихъ имуществъ, да еще кое-гдѣ подтвержденія этихъ визитъ разными уніатскими властями. Въ этихъ *визитахъ* (*) дѣлается перечень церковныхъ вещей, описаніе церкви — ея движимыхъ и недвижимыхъ фундушей, церковныхъ книгъ, селъ и деревень, составлявшихъ парохію церкви, упоминается о священникѣ церкви, его качествахъ — упоминается, большею частію, въ самыхъ общихъ фразахъ, о разныхъ цер-

(*) Такъ называются акты, составлявшіеся ревизорами уніатскихъ церквей послѣ ревизіи.

ковныхъ документахъ, записяхъ князей, дворянъ и другихъ лицъ, большею частію латинянъ, патронатствовавшихъ надъ уніатскими церквами. Тяжелое и скорбное впечатлѣніе производятъ на разбирающаго эти памятники давно минувшихъ дней нашей церкви,—нѣмыя цифры разныхъ вещей и принадлежностей богослуженія, незаконно и насильственно введенныхъ уніатскими властями въ православные храмы,—напр. монстрантій (*), пушекъ (**), каменекъ, органовъ, иконъ съ изображеніемъ *Игнатія Лойолы*, Іосафата великомученика полоцкаго,— богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ латино-уніатское благочестіе не скупится на проклятія русскимъ отщеренцамъ—беззаконнымъ убійцамъ Іосафата! Эти цифры представляютъ живую и наглядную картину постепеннаго, совершавшагося не безъ сильной борьбы, удаленія западнорусской церкви отъ начала православія. Къ сожалѣнію— эти визиты не восходятъ далѣе первой половины прошлаго вѣка. Но и тѣхъ, какія есть, довольно, чтобы составить себѣ по нимъ представленіе о томъ, какъ латинство съ полонизмомъ въѣлось въ уніатскую церковь до самыхъ мелочей: всѣ вещи носятъ латинское или польское названіе, самые визиты писаны или на латинскомъ, или на польскомъ изуродованномъ латинизмами языкѣ. Уніатская церковь видимо погрязала въ латинскихъ новшествахъ.

Но кромѣ подобныхъ грустныхъ воспоминаній,—западнорусскіе церковные архивы съ своими визитами, приводя къ очень практическимъ соображеніямъ и выводамъ, пригоднымъ для настоящаго времени, возбуждаютъ въ душѣ и пріятныя воспоминанія о нашемъ древнемъ православіи, о приверженности къ нему какъ простыхъ, такъ и сановитыхъ людей, строившихъ монастыри, отъ которыхъ и слѣда не осталось до нашего времени. Какъ ни глухо говорятъ церковные визиты о церковныхъ фундушахъ, донаціяхъ, записанныхъ церкви какимъ либо княземъ, но по мѣстамъ, помимо воли составителей визитъ, пробивается въ нихъ яркій свѣтъ истины. Говорится напр. въ нихъ, что землю и угодія NN церкви для содержанія причта *надалъ*, по выраженію этихъ документовъ, еще въ 1560 г., напр. хоть бы князь Θеодоръ Массальскій, православный магнатъ, и что при церкви имѣется засвидѣтельствованная уніатскими властями копія донаціи

(*) Тоже, что наши дарохранительницы.

(**) Большія чаши съ покрышкою — для даровъ.

этого князя. Ищемъ мы этой копіи и, къ счастію, находимъ ее неповрежденною; написана она, положимъ, польскими буквами,—нельзя же было ополяченнымъ чиновникамъ брестскаго епископа Володковича снимать копію по Русски, но написана на чистомъ западнорусскомъ нарѣчіи XVI вѣка. Какъ сохранилась эта копія, мы не знаемъ; но она тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что ее засвидѣтельствовали уніатскія власти, слѣдовательно признали несомнѣнными и тѣ факты, которые представляетъ намъ записной актъ князя Масальскаго. Вотъ эти факты: что NN церковь основана православнымъ, русскимъ княземъ, Городненскимъ старостою, на православный мужской монастырь; монастырю этому даются земли и угодья въ опредѣленномъ количествѣ — на вѣчныя времена; монастырь подчиняется виленскому св. Духову монастырю. Князь — основатель заклинаетъ своихъ потомковъ не измѣнять ни іоты въ православной вѣрѣ,—иначе, говоритъ онъ, я разсужусь съ ними на страшномъ судѣ Божіемъ. Давно уже не существуетъ этотъ монастырь; исчезла объ немъ и память въ народѣ, какъ и о князѣ—основателѣ. Указываютъ, впрочемъ, одно мѣсто ничѣмъ незастроенное, поросшее старыми столѣтними соснами и покрытое большими камнями, на которыхъ до сихъ поръ замѣтны кресты, эмблема смерти; къ нему народъ питаетъ особенное уваженіе какъ къ святому мѣсту, а старики говорятъ, что ихъ дѣды разсказывали имъ, что тутъ былъ когда-то монастырь. Странно какъ-то фигурируетъ построенный почти на самомъ мѣстѣ монастыря—костелъ; между тѣмъ какъ церковь монастыря перенесена въ другое мѣсто, именно поближе къ угодьямъ, которыя одни остались памятникомъ того, что здѣсь давнымъ давно былъ монастырь православный. Пересматривая архивъ этой церкви, мы замѣтили очень оригинальное явленіе: чѣмъ новѣе и ближе къ нашему времени визиты,—тѣмъ количество угодій церковныхъ все уменьшается и обрывается. Родъ Массальскихъ перешелъ въ латинство, вопреки строгому заклятію предка,—а потомъ и совсѣмъ угасъ; церковь съ фундушемъ поступила подъ патронатъ разныхъ латинянъ-панковъ, которые нашли нужнымъ обрывать церковные фундуши и присоединять ихъ къ своимъ землямъ. Такимъ образомъ изъ 12 волокъ земли, записанныхъ Массальскимъ, осталось при церкви какихъ нибудь 3 и того менѣе, хотя, по завѣщанію, никто не смѣлъ отнимать этого фундуша у церкви, подъ угрозою вѣчнаго суда и временнаго наказанія по приговору свѣтскаго суда. Но паны не трусили ни передъ Божіимъ, ни передъ человѣческимъ

судомъ своего времени, они нагло и святотатственно нарушали завѣщанія.

Мы взяли для примѣра одну церковь; но изъ архивовъ и другихъ церквей мы узнаемъ тоже. Мало по малу патроны уніатскихъ, бывшихъ прежде православными, церквей отнимали у нихъ, вопреки волѣ фундаторовъ фундуши и угодья, пользуясь безсиліемъ польскаго суда и временами панскаго самоуправства. Въ документахъ этихъ церквей, которыхъ не успѣли истребить паны, точно обозначаютъ даже мѣста грунтовъ, сѣнокосовъ и другихъ фундушей, записанныхъ такой-то церкви ея православнымъ основателемъ. Вотъ практическій результатъ, происходящій отъ соображенія этихъ фактовъ: земли и фундуши, записанныя основателями церквей на украшеніе и разныя ея нужды на *вѣчныя* времена, но въ теченіи времени незаконно присвоенныя латинскими помѣщиками, на основаніи лишь того, что они принимали надъ церковію патронатство,—такія земли и фундуши должны бы, кажется, отойти, отъ помѣщиковъ къ церквамъ, какъ древнее и неприкосновенное достояніе ихъ. Священникамъ не мѣшало бы собрать и тщательно пересмотрѣть церковные документы, и какъ только найдутся документы (ихъ скорѣе всего можно находить между визитовъ), которыми записаны въ собственность церкви на вѣчныя времена—земли и фундуши,—а документовъ, изъ которыхъ видно было бы, что земли эти перепроданы или уступлены были кому бы то ни было законнымъ порядкомъ, не имѣется,—то предъявлять такіе документы, кому слѣдуетъ, для того, чтобы по нимъ возвращены были церкви принадлежащія ей земли. Случается, впрочемъ, такъ, что самаго документа или копіи его нѣтъ въ церковномъ архивѣ, но есть намеки или цифровыя указанія, что извѣстная часть земли должна принадлежать церкви, между тѣмъ ею владѣетъ, безъ всякихъ основаній, помѣщикъ. Въ таковъ случаѣ лучше всего обратиться въ консисторію, гдѣ нерѣдко можно найти самыя записи или копіи съ нихъ. Какъ бы то ни было, эта статья очень важная. По какому праву будетъ владѣть помѣщикъ церковною землею, тогда какъ документы на нее принадлежатъ церкви? Развѣ мало наши помѣщики перетаскали цѣнныхъ вещей и документовъ изъ церквей, состоя надъ ними патронами и колляторами?! Разумѣется, тогда только можно завести тяжбу съ паномъ о землѣ, когда есть на лицо неподлежащіе сомнѣнію документы на эту землю, чтобы и вида не было при этомъ незаконности и насилія.

Мы сказали, что паны, пользуясь правомъ патроновъ надъ

церковію—вмѣшиваться въ ея дѣла, и по своему всемогуществу, въ послѣднее время существованія Польскаго королевства, державшіе бѣдныхъ и невѣжественныхъ уніатскихъ священниковъ съ душою и тѣломъ въ своихъ рукахъ,—перетаскали изъ церквей много документовъ, неоспоримо подтверждавшихъ факты, что уніатскія церкви были когда-то православными и что эти церкви имѣютъ права на извѣстные фундуши, которые папамъ хотѣлось бы отнять у нихъ. Мы можемъ разсказать подробнѣе какъ это дѣлалось, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ нами отъ старыхъ ех-уніатовъ священниковъ. Вотъ какъ обыкновенно велъ тактику отнятія документовъ у церквей—помѣщикъ. Болѣе энергическій по характеру, видя, что у него священникъ уніатскій въ рукахъ весь, что буквально жизнь и смерть священника въ его власти, приступалъ къ нему строго и рѣшительно, требуя выдачи важныхъ для помѣщика документовъ. Священникъ, разумѣется, не отваживался прекословить, боясь потерять мѣсто и пойти по міру съ семействомъ. Менѣе рѣшительные паны употребляли разные маневры, чтобы выманить у священника необходимые имъ документы они приглашали къ себѣ священника, принимали его ласково, угощали; священникъ, непривычный къ такимъ милостямъ, таялъ отъ удовольствія и по одному намеку отдавалъ помѣщику документы. Бывало и такъ, что помѣщикъ повадится бывать у священника въ гостяхъ, повысмотритъ, гдѣ у него лежатъ книги и рукописи, заставитъ его будто для справки пересмотрѣть передъ нимъ свой архивъ и, улучивши свободную минуту, стащитъ документъ, необходимый для его цѣлей. Впрочемъ, такъ какъ уніатскіе священники, должно быть въ силу извѣстнаго проэкта ксендза-іезуита, были крайне бѣдны, то помѣщику очень легко было добыть у своего священника любой документъ за шапокъ жита (*) или пшеницы. Притомъ, зачѣмъ нужны были эти документы священнику, который по своей малограмотности и разобрать ихъ не могъ? Такимъ путемъ перешло въ руки пановъ много очень важныхъ документовъ, обезпечивавшихъ навсегда церкви и многіе причты въ Западной Россіи. Какъ поступили съ ними паны—намъ не извѣстно, извѣстно лишь то, что они не сдавали ихъ ни въ какіе архивы, а вѣроятно, по примѣру своихъ учителей и воспитателей-іезуитовъ, сожигали или инымъ образомъ истребляли.

(*) Мѣра ржи, равняющаяся половинѣ четверти.

Такимъ же путемъ переходили многіе документы церковные въ руки латинскихъ ксендзовъ. Какъ паны старались уничтожить такіе документы, которыми на церкви записывались земли и фундуши, находящіеся въ ихъ помѣстьяхъ, такъ ксендзы истребляли такія данныя, которыя могли бы когда нибудь выдать тайну, что они незаконно, насильственно обратили церковное зданіе въ костелъ. И кто знаетъ, можетъ быть большая часть костеловъ, которыми наполнена западная окраина Бѣлоруссіи,—принадлежала прежде православнымъ или уніатамъ; можетъ быть эти костелы были когда-то церквами, или строились эти зданія на церкви и насильственно отняты латинянами, во время страшнаго латинскаго террора въ прошломъ столѣтіи надъ православными, и латинскаго преобладанія надъ уніатами даже въ нынѣшнемъ столѣтіи? Намъ передавали такого рода факты, подтвердившіеся потомъ собранными нами свѣдѣніями у старожиловъ-крестьянъ. Въ приходской церкви, положимъ, села Л., былъ документъ такогоорода, что имъ приписывалось къ церкви зданіе, которое теперь состоитъ подъ костеломъ; въ этомъ зданіи предполагалъ основатель образовать приписную церковь къ Л... приходской. Какъ перешло это зданіе къ латинянамъ—неизвѣстно. Одно извѣстно, что по документамъ оно должно принадлежать церкви, а не костелу. Этими документами не разъ хвалился покойный священникъ села Л. о. А—ій. Разумѣется провѣдали объ этомъ ксендзы и какъ имъ не хотѣлось терять костела, а съ нимъ и своего вліянія на описываемую мѣстность, то они уговорили патрона Л—й церкви г. Д., чтобы тотъ такъ или иначе досталъ документъ у о. А—го. Г. Д., какъ пріятель о. А., выпросилъ у него документъ на время, который ему показался, по его словамъ, очень любопытнымъ, чтобы снять съ него копію. О. А. былъ такъ простодушенъ и довѣрчивъ, что далъ этотъ документъ г-ну Д., но послѣ этого больше уже не видѣлъ документа. Конечно онъ дошелъ къ тому, кто желалъ его имѣть, и такимъ образомъ Л—ская церковь потеряла право на владѣніе записаннымъ на ея имя зданіемъ, а латиняне до сихъ поръ владѣютъ имъ и въ той мѣстности не перестаютъ вести своей тайной пропаганды,—тѣмъ болѣе, что тамъ до сихъ поръ былъ православный священникъ—не совсемъ акуратный въ исполненіи своей должности. Между тѣмъ живутъ еще тѣ люди, которые видѣли и читали документъ;—живутъ старики-крестьяне, которые разсказываютъ, что ихъ дѣти, будучи еще дѣтьми, носили своимъ отцамъ, работавшимъ при постройкѣ зданія, хлѣбъ и гово-

рили имъ, что это зданіе строилось на церковь, а не на костелъ. И дѣйствительно костелъ въ описываемой мѣстности совершенно лишній; масса народонаселенія крестьянскаго—православная; помѣщиковъ теперь очень мало, потому что большая часть крестьянъ поступила въ казну давнымъ давно. Между тѣмъ въ прошедшемъ году въ костелъ собиралось множество подозрительнаго свойства богомольцевъ, которые распѣвали патріотическіе гимны, шумѣли, а потомъ скрывались по окружающимъ дремучимъ лѣсамъ, прилежащимъ къ Бѣловѣжской пущѣ. И латинскія духовныя власти посылаютъ сюда ксендзовъ не совсѣмъ не политическаго направленія и пропагандистическаго характера и, что всего удивительнѣе, какъ только арестуютъ одного—онѣ сейчасъ же посылаютъ сюда другаго священника, какъ будто опасаясь потерять это мѣсто и свое вліяніе на эту мѣстность.

Фактъ, представляемый нами объ образованіи латинскихъ пунктовъ тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ не слѣдуетъ быть, посредствомъ отнятія латинянами церковныхъ зданій и обращенія ихъ въ костелы, не единичный, сколько и намъ извѣстно. Практическій выводъ изъ сказаннаго нами повторяемъ, тотъ, что священникамъ не мѣшало бы хорошенько пересмотрѣть церковные документы, хранящіеся какъ при самыхъ церквахъ, такъ и въ центральномъ архивѣ: нѣтъ-ли въ нихъ слѣдовъ, намековъ или прямыхъ указаній, что тотъ или другой костелъ построенъ на церковь и зданіе его приписано къ такой-то церкви? Если отыщутся указанія или слѣды этого,—предъявить подобные документы по начальству съ просьбою, чтобы костелы, помѣщающіеся въ церковныхъ зданіяхъ, были закрыты, а зданія обращены были по назначенію, указанному въ документахъ. Только пусть это дѣлается путемъ законнымъ и справедливымъ. Насилія въ этомъ не будетъ латинству никакого: довольно они живились православнымъ добромъ; пора, давно пора, кажется, возвратить его по принадлежности. Такимъ образомъ исчезнутъ сами собою костелы, ненадобные въ Западной Россіи и тогда не нужно будетъ прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ обращенія латинянъ въ православіе: исчезнутъ костелы, исчезнутъ и латиняне; ибо у насъ изстари ведется тотъ порядокъ, что не послѣ явленія латинянъ—является костелъ, а наоборотъ—послѣ появленія костела являются латиняне!

Западноруссъ.

24 сентября.

Замѣтка о Вильнѣ с.-петербургскаго путешественника.

Вильна, 2-го ноября.

Въ Вильнѣ чувствуешь себя дома, и притомъ у такого хозяина, который все держитъ въ порядкѣ. Въ то время, какъ изъ Петербурга, какъ будто съ каждымъ годомъ, все болѣе уходитъ русскихъ людей, въ Вильнѣ все старается казаться русскимъ. Актеры играютъ по русски, народъ съ замѣтнымъ рвеніемъ отвѣчаетъ на нашемъ языкѣ. Въ городѣ большое оживленіе; вы не увидите недовольныхъ лицъ, ни враждебныхъ взглядовъ, какъ то было прежде. Едва вѣрится, что еще такъ недавно сбѣгались на улицахъ толпы растрепанныхъ женщинъ въ черной одеждѣ, которыя бросались другъ къ другу на шею, и густою массой, обнявшись, плакали на взрыдъ о несчастіяхъ „ойчизны." Теперь все смотритъ такъ весело и бодро, какъ будто всѣ ради-радехоньки, что избавлены отъ тягостной роли плакальщицъ и кинжальщиковъ.

Отраднѣе всего для сердца русскаго видѣть въ Вильнѣ возобновленіе православныхъ церквей, опозоренныхъ іезуитами и евреями, во время ихъ печальнаго владычества. Польское возстаніе вывело все это на чистую воду. Я слышала, что предположено основать въ Вильнѣ женскій православный монастырь на самыхъ благотворныхъ началахъ. Здѣсь при содѣйствіи образованныхъ сестеръ милосердія изъ среды монахинь, больные будутъ имѣть уходъ, а дѣти получать воспитаніе. Этимъ учрежденіемъ очень усердно занимаются многія дамы и инокини, способныя принести большую пользу этому дѣлу. Дай Богъ полный успѣхъ благодѣтельному начинанію!

Мѣстоположеніе Вильны очень красиво. Уже видны многія улучшенія: разбиваютъ садъ у подошвы цитадели, въ виду горъ, которыя своими очертаніями много напоминаютъ Германію. Во время преобладанія католицизма, городъ, воспѣтый Мицкевичемъ, долженъ былъ казаться мрачнымъ до крайности. Кривыя, узкія улицы ганзеатическихъ городовъ, гдѣ встрѣчались на каждомъ шагу зловѣщія фигуры средневѣковыхъ монаховъ, вѣроятно, наводили на душу невыносимое уныніе. Теперь все это исчезло, нѣтъ больше инквизиторскаго колорита и городъ Вильна остался только интересенъ своею старинною физіономіей. Въ настоящее время тамъ можно встрѣтить очень хорошее русское

общество и добрый, гостепріимный пріемъ. Всякій, кто сердечно интересуется русскимъ дѣломъ, будетъ тамъ не чужой.

Климатъ въ Вильнѣ сравнительно гораздо мягче въ октябрѣ мѣсяцѣ, погода тамъ стоитъ лѣтняя, дамы прогуливаются въ легкомъ платьѣ и по вечерамъ слушаютъ въ новоустроенномъ саду военную музыку. Въ мою бытность въ виленскомъ театрѣ случился бенефисъ. Играли...чтобы вы думали? Князя Кугушева? Нѣтъ, Шекспира; играли *Шейлока.* За выборъ спасибо. Зрители вынесли отрадное впечатлѣніе. Такъ всегда великъ Шекспиръ.

Русскій Инвалидъ о польскомъ мятежѣ 1863 г.

Многими поразительными явленіями ознаменовалось польское возстаніе 1863 года, но было между ними одно, которое придавало ему характеръ вполнѣ самобытный и оригинальный Мы подразумѣваемъ здѣсь отношенія массы польскаго общества къ революціонной партіи. Явилась подземная власть, которую никто не зналъ по имени и не видалъ въ лицо; властью этою пользовались люди, ничѣмъ не выдвигавшіеся изъ толпы, люди безъ роду и племени, искатели приключеній и даже школьники, спѣшившіе промѣнять учебныя занятія на тревоги политической агитаціи, никто не давалъ полномочія этой власти, а между тѣмъ всѣ слѣпо повиновались ей; она собирала налоги, предавала неистовымъ истязаніямъ и убійствамъ сотни мирныхъ жителей, которыхъ считала ненадежными для своихъ цѣлей; никто не могъ поручиться ни за свое достояніе, ни за свою жизнь, въ виду этой страшной организаціи, поражавшей свои жертвы среди бѣлаго дня и вопреки всѣмъ предосторожностямъ. Можно смѣло сказать, что исторія тайныхъ обществъ не представляла еще ничего подобнаго. Это было какое-то онѣмѣніе народа, какая-то непостижимая апатія, вдругъ охватившая цѣлое общество, надъ которымъ издѣвалась грубая сила и вела его на гибель. Пусть не объясняютъ явленіе, о которомъ говоримъ мы, искуствомъ и ловкостью людей, управлявшихъ мятежною организаціею: мы знаемъ теперь, что это были люди вполнѣ ничтожные, по большей части лишенные всякихъ способностей, а между тѣмъ они пользовались успѣхомъ, о которомъ не доводилось и мечтать ихъ собратіямъ по ремеслу въ другихъ странахъ

Европы. Пусть не говорятъ также, что успѣхомъ этимъ обязаны они были единодушному содѣйствію имъ націи: мы знаемъ, что значительная часть общества стонала, въ виду конечнаго матеріальнаго разоренія, въ виду страшныхъ жертвъ, на которыя обрекали ее эти подземные агитаторы, и все-таки не находила въ ней достаточно энергіи для явнаго имъ отпора. Невѣроятное, странное зрѣлище это не скоро изгладится изъ памяти тѣхъ, кому случилось быть его очевидцами.

Дай Богъ, чтобы ничто подобное не могло повториться на будущее время, а между тѣмъ, гдѣ искать тому ручательства, если мы не примемъ надежныхъ и вѣрныхъ средствъ противъ обнаружившагося зла? Фактъ представляется предъ нами во всей своей наготѣ и безобразіи; недостаточно, однако, изумляться ему, но нужно изслѣдовать его причины и озаботиться объ ихъ отстраненіи. Фактъ этотъ обнаружилъ, что корень зла лежитъ въ самомъ польскомъ обществѣ, въ его характерѣ и свойствахъ, сложившихся историческимъ путемъ. Главнѣйшее призваніе русскаго правительства должно состоять въ томъ, чтобы озаботиться—скажемъ прямо—о спасеніи польскаго общества, о томъ, чтобы въ средѣ его не могли повториться на будущее время страшныя явленія истекшаго года, когда огромное большинство населенія очутилось въ рукахъ злодѣевъ, игравшихъ его достояніемъ и жизнью. Въ высшей степени безразсудно думать, что задача эта можетъ быть достигнута только полицейскими мѣрами для охраненія порядка,—нѣтъ, мѣры такого рода не приведутъ къ ожидаемому результату, если въ нѣдрахъ самаго общества не произойдетъ коренной переворотъ, имѣющій цѣлью созданіе консервативныхъ элементовъ, безъ которыхъ немыслимо существованіе никакого правильнаго гражданскаго устройства. Постараемся выяснить нашу мысль.

Публицисты западной Европы привыкли называть извѣстные раздѣлы Польши „великимъ беззаконіемъ“ (la grande iniquité) XXII вѣка. Не вдаваясь въ долгій споръ объ этомъ, спросимъ только, неужели событіе, о которомъ идетъ рѣчь, могло произойти вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе того, что нашлись около Польши достаточно сильные сосѣди, которые, во имя грубаго произвола, напали на эту страну и лишили ее политической независимости? Объяснить, какимъ образомъ, причины упадка государствъ возможно было два столѣтія тому назадъ, но въ наше время не найдется ни одного мыслителя,

ни одного политика, который не устыдился бы подобныхъ объясненій. Польша могла погибнуть такъ или иначе, но погибнуть она была должна, потому что политическое и гражданское ея устройство носило въ себѣ очевидные признаки разложенія и не въ состояніи было существовать долѣе. Болѣзнь, причинившая гибель Польши, была такъ очевидна для современниковъ событій XVIII вѣка, что, какъ бы находясь у постели умирающаго, слѣдили они, со дня на день, за всѣми страшными симптомами этой болѣзни. Въ послѣднее время обнародовано было множество любопытныхъ историческихъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, — депеши, записки иностранныхъ резидентовъ и посланниковъ, пребывавшихъ въ Варшавѣ, — и пусть укажутъ намъ на одинъ изъ тѣхъ документовъ, хотя бы принадлежалъ онъ лицу, открыто враждебному Россіи, въ которомъ выражена была бы мысль, что Польша заключала въ себѣ задатки разумнаго и прочнаго развитія. Незадолго до раздѣла 1772 года французское правительство отправило знаменитаго Дюмурье на помощь полякамъ, и какой же отзывъ сдѣлалъ о Польшѣ этотъ человѣкъ, явившійся къ ней въ качествѣ ея спасителя? Правленіе въ Польшѣ чисто аристократическое, говоритъ онъ; но у аристократіи нѣтъ народа, которымъ бы она управляла, ибо нельзя дать это имя милліонамъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; Польша представляетъ тѣло съ головами и желудками, но безъ рукъ и ногъ; Польша походитъ на сахарную плантацію и потому не можетъ сохранить независимости; завоеванныя части края выиграли съ перемѣною властителя.

Прислушиваясь къ этому сужденію, кто станетъ отрицать, что слова Дюмурье могли также законно относиться къ Польшѣ XVIII вѣка, какъ и къ Польшѣ теперешней? Да и могло ли быть иначе? Польское королевство утратило въ прошломъ столѣтіи свою независимость, вслѣдствіе болѣзненнаго упадка внутреннихъ своихъ силъ, вслѣдствіе конечнаго разложенія политическаго и гражданскаго своего организма, но съ тѣхъ поръ и до нашего времени сдѣланы ли были какія нибудь попытки для того, чтобы исцѣлить точившую его язву? Нисколько. Для Польши придумывались и до сихъ поръ еще придумываются доброжелателями ея въ Европѣ различныя политическія комбинаціи; великое множество проэктовъ всякаго рода пускаемо было въ ходъ, съ цѣлью обезпечить болѣе или менѣе самостоятельное су-

щеотвованіе; система военнаго управленія, система конституціоннаго устройства, система административной автономіи испробованы были для нея въ разныя времена—и никто не могъ достаточно надивиться, почему всѣ эти комбинаціи и системы оканчивались полнѣйшимъ fiasco. Но разумно ли было удивляться этому? Могло ли возникнуть какое либо правильное политическое устройство тамъ, гдѣ не существовало для него необходимой почвы, гдѣ всѣ общественные элементы поставлены были въ такія отношенія между собою и каждый изъ нихъ находился въ такихъ условіяхъ, что политическое и гражданское развитіе польскаго общества не могло породить ничего, кромѣ самой безобразной анархіи. Польша XIX вѣка осталась тою же самою, какою была Польша XVIII столѣтія. Наполеонъ I понималъ, быть можетъ, лучше многихъ другихъ, невозможность вдохнуть самостоятельную жизнь въ это одряхлѣвшее тѣло; доказательствомъ служитъ то, что, не смотря на пышныя обѣщанія, никогда не въ состояніи былъ придумать онъ что нибудь для этой страны; онъ сознавалъ настоятельную необходимость пересоздать внутренній ея строй, и съ этою цѣлью поспѣшилъ даровать ей свой кодексъ, но кодексъ Наполеона коснулся лишь поверхностно польскаго общества и не уничтожилъ поразительныхъ аномалій, господствовавшихъ въ его средѣ. Не смотря на внѣшнюю равноправность, самый многочисленный классъ населенія, остался, по прежнему, въ рабской зависимости отъ меньшинства; по прежнему несчастная страна эта представляла, какъ выразился о ней Дюмурье, тѣло съ головою и съ желудкомъ, но безъ рукъ и ногъ. И послѣ Наполеона, вплоть до нашего времени, осуждена была Польша бороться въ мучительныхъ судорогахъ, служа предметомъ недоумѣнія для Европы и безплодныхъ заботъ объ ея благосостояніи для русскаго правительства.

Мы видѣли въ прошломъ году, къ чему привело такое бѣдственное положеніе дѣлъ. Мы видѣли, что конечнымъ результатомъ его была анархія, которой трудно отыскать подобіе, анархія, при господствѣ которой поколебался всякій авторитетъ въ обществѣ и само общество сдѣлалось игрушкою злодѣевъ терзавшихъ его, пившихъ его соки, между тѣмъ какъ оно пребывало въ какомъ-то тупомъ бездѣйствіи и не думало даже отъ нихъ обороняться. Трудно было бы сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ на этомъ печальномъ пути. Все говорило о необходимости

специальнаго переворота въ нѣдрахъ нашихъ, и воображеніе наше останавливается передъ мыслью, какихъ новыхъ и болѣе ужасныхъ бѣдствій слѣдовало бы ожидать впереди, если бы прежній порядокъ искуственно поддержанъ былъ еще на нѣкоторое время. Реформа, къ которой приступило теперь русское правительство, получаетъ, такимъ образомъ, громадное значеніе въ нашихъ глазахъ. Реформѣ этой суждено осуществить то, чего не въ состояніи было выработать изъ себя польское общество, — она должна водворить въ странѣ равноправность, отсутствіе которой тяготѣло надъ ней вѣчнымъ проклятіемъ, должна призвать къ участію въ гражданской жизни многочисленный классъ населенія, осужденный доселѣ на рабское бездѣйствіе, должна создать тѣ консервативные элементы, безъ которыхъ не въ состояніи существовать никакое общество, какова бы то ни была форма его политическаго устройства. До тѣхъ поръ, пока не приведенъ будетъ къ концу этотъ трудный процессъ перерожденія народа, придумывать политическія для него комбинаціи было бы непростительнымъ легкомысліемъ и ребячествомъ. Мы должны до того времени оставаться совершенно равнодушныя къ воплямъ заграничныхъ публицистовъ, которые требуютъ, чтобы руское правительство, подавивъ возстаніе въ Польщѣ, приступило немедленно къ водворенію въ ней либеральныхъ учрежденій, какъ будто ничего ровно не случилось, какъ будто событія не доказали съ полною очевидностью, что учрежденія эти не могли пустить тамъ прочныхъ корней. Пора убѣдиться намъ, что развивать теперь въ Польшѣ упомянутыя учрежденія значило бы строить зданіе на пескѣ; прошло бы нѣсколько лѣтъ и зданіе, воздвигнутое нами, рушилось бы снова безъ слѣда и снова распространилась бы въ странѣ анархія со всѣми тѣми ужасами, свидѣтелями которыхъ мы были въ прошломъ году.

Если заграничные публицисты не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы клеймить теперешній образъ дѣйствій русскаго правительства въ царствѣ Польскомъ, то объяснить это мы не можемъ ничѣмъ другимъ, какъ поразительнымъ ихъ невѣжествомъ и очевидно злыми намѣреніями. Вотъ, напримѣръ, что мы прочли недавно въ „Jurnal des Débats:“ „Съ нѣкотораго времени господствуетъ въ совѣтахъ рускаго правительства новая партія, которую можно назвать *молодою русскою партіей*. Она воспользовалась принципами и формулами демократіи, чтобы

прикрыть ими свои разрушительныя мѣры касательно Польши.' Подъ предлогомъ равенства, она принимаетъ мѣры, отличающіяся безпримѣрнымъ радикализмомъ и дѣйствительная цѣль которыхъ клонится къ разрушенію того польскаго общества, какимъ сдѣлали его десять вѣковъ историческаго существованія."— Какое побужденіе — невѣжество, или злонамѣренность руководили этими словами? Вы сожалѣете о томъ, что измѣняется гражданскій строй Польши, созданный ея вѣковою исторіею; но развѣ сама исторія не произнесла надъ нимъ безпощадно строгаго приговора? Развѣ обезпечилъ онъ ея внутренній порядокъ? Развѣ не привелъ онъ ее къ самому бѣдственному упадку? Что же такъ плѣняетъ васъ во внутреннемъ быту этого польскаго общества? Мы видимъ націю, въ средѣ которой многочисленное крестьянское сословіе, разоренное, задавленное, находилось въ зависимости, напоминавшей собою средніе вѣка, мы видимъ страну исключительно земледѣльческую, необладающую ни промыслами, ни торговлею, и въ которой, не смотря на то, считается болѣе милліона горожанъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и всегда готовыхъ служить орудіемъ для смутъ и волненій; мы видимъ духовенство, въ средѣ котораго іезуитская пропаганда сдѣлала наиболѣе успѣховъ, — духовенство, поглощенное исключительными своими цѣлями и, вслѣдствіе того, совершенно чуждое интересамъ массы населенія: какая надежная закваска для безконечнаго ряда революцій, и это-то бѣдственное состояніе польскаго общества выставляете вы предметомъ гордости для него!

Вы явно сожалѣете о томъ, что Польша освободится, быть можетъ, благодаря начатой теперь реформѣ, отъ страшнаго недуга, завѣщаннаго ей десяти вѣковымъ историческимъ существованіемъ, и не задумываетесь заподозрить гнуснымъ намекомъ намѣренія и дѣйствія русскаго правительства. Еще реформа только начата и не имѣя объ ея ходѣ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, кромѣ злонамѣренныхъ толкованій той самой шайки людей, которая причинила недавно страшныя бѣдствія своему отечеству, вы ищете въ ней какихъ-то соціалистическихъ тенденцій. Не соціалистическимъ, а соціальнымъ характеромъ отличается она, и въ этомъ заключается великое ея достоинство, сравнительно со всѣмъ, что предпринимаемо было для Польши съ конца XVIII вѣка. Требовать для Польши противнаго, —

того, чего не въ состояніи воспринять она въ себя при существующихъ условіяхъ, значило бы не понимать ея исторіи и, вмѣсто ожидаемаго благоденствія, приготовлять для нея только потрясенія и смуты. (Русс. Инв. N. 228.)

Впечатлѣнія туриста въ Вильнѣ.

Позвольте, любезные читатели, заѣзжему Москвичу, привыкшему бесѣдовать, посредствомъ печатнаго слова, о всякой всячинѣ съ любителями фельетоннаго чтенія—отъ нечего дѣлать побесѣдовать кое о чемъ и съ вами. Положимъ, что едва-ли придется ему сказать вамъ что нибудь новое, развѣ только подѣлиться съ вами впечатлѣніями, произведенными на него здѣшнимъ городомъ, который доселѣ былъ ему извѣстенъ только по наслышкѣ, и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о немъ московскими и петербургскими газетами.

Прежде всего, мы чистосердечно признаемся, что видъ этой, мирно и стройно текущей, здѣшней городской жизни, совсѣми внѣшними ея проявленіями, заставилъ насъ, на одну минуту, невольно призадуматься при воспоминаніи о томъ, что въ стѣнахъ этого самого города, такъ стройно обстановленнаго, столь недавно еще раздавалось сильное эхо отъ внутреннихъ и сосѣднихъ потрясеній. Едва вѣришь глазамъ. Не осталось ни малѣйшаго слѣда отъ минувшихъ событій,—прошлое—кануло въ вѣчность.

Первое, что въ Вильнѣ обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжаго, это наружный видъ города, т. е. лицевая сторона мѣстности, которая здѣсь проявляетъ себя отдѣльною характеристикой строеній, отмѣченныхъ перстомъ давно минувшихъ временъ. Эта-то печать отдаленной старины и придаетъ особую физіогномію городу, который, въ глазахъ свѣжаго наблюдателя, похожъ на одну изъ тѣхъ старенькихъ, нѣсколько объемистыхъ, бабушекъ, которые сохранили, не смотря на морщины въ лицѣ, крѣпенькое здоровье и почтенную наружность.

Странствуя по городу, подъ руководствомъ любезнаго чичеронэ, и осматривая преимущественно все то, что могло напоминать намъ родныя мѣста, вскормившія насъ съ самого дѣтства и научившія любить все русское,—мы не могли не замѣтить, что, кромѣ нынѣ существующихъ православныхъ цер-

вей, воздвигаются, или возобновляются новые храмы изъ развалинъ прежде существовавшихъ и бывшихъ долго въ запустѣніи, древнѣйшихъ памятниковъ православія. Безмолвные свидѣтели вѣковыхъ переворотовъ, они смиренно ожидали спасительной руки для ихъ возстановленія. Это время теперь настало для нихъ, и вскорѣ православный крестъ надъ ними величаво будетъ возноситься къ небу, возвѣщая всѣмъ ихъ возрожденіе. Церкви св. Параскевіи, митрополитальный соборъ Пречистыя Богородицы, церковь св. Николая, возродившись въ прежнемъ ихъ великолѣпіи, краснорѣчиво будутъ говорить всѣмъ русскимъ людямъ о минувшихъ ихъ судьбахъ.

Вообще, отрадно русскому человѣку находиться теперь въ стѣнахъ города Вильны, гдѣ на каждомъ шагу слышишь русскую рѣчь, гдѣ существуютъ русскія школы, русскій театръ, русскій дворянскій клубъ, и гдѣ русская жизнь проникаетъ повсюду. Этотъ жизненно-бьющій ключь русской народности, широкой струею разливающійся по всему сѣверо-западному краю, родственнымъ союзомъ скрѣпитъ навсегда неразрывную связь его съ остальной русской землею. Теперь уже каждый проникается той мыслію, что благоденствіе страны обусловливается тѣснымъ, нелицемѣрнымъ, братскимъ соединеніемъ съ братьями во внутренней Россіи. Сильный этимъ единствомъ, край здѣшній будетъ плодотворно подвигаться на пути гражданскаго бытія, не нуждаясь въ чужихъ симпатіяхъ, ни опасаясь чужаго недоброжелательства.

Посѣтивъ русское и другія городскія кладбища, и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, какъ русскому человѣку не побывать въ театрѣ, тамъ, гдѣ существуетъ русская сцена? Намъ приходилось быть на нѣсколькихъ представленіяхъ, въ которыхъ участвовалъ г. Васильевъ, и мы любовались мастерскою игрою этого даровитаго артиста, ангажированнаго на цѣлый годъ при здѣшней сценѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе его при виленскомъ театрѣ, и къ тому еще въ качествѣ режисера, будетъ благотворно дѣйствовать на цѣлую труппу. Такова сила истиннаго таланта, что побуждаетъ самую посредственность къ усиліямъ стать въ уровень съ нимъ, и если эти усилія не всегда увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ, то одно стремленіе къ нему уже достойно одобренія и остается не безъ хорошихъ послѣдствій. Сознаемся, по долгу справедливости, что здѣшняя театральная труппа, вообще, весьма добросовѣ-

стно исполняетъ свое дѣло, конечно, въ предѣлахъ того, чего посѣтители театра въ правѣ ожидать отъ труппы, не обладающей значительными матеріальными средствами, и многіе члены которой еще не вполнѣ свыклись съ игрою на рускомъ языкѣ.

Изъ видѣнныхъ нами пьесъ болѣе другихъ помнится намъ комедія *Авъ* и *Фертъ*, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Павловой, въ роли кухарки Акулины. Она является въ одной только сценѣ, а именно въ той, когда, послѣ разбившагося за сценою, будто дорогаго, фарфороваго сервиза, Акулина, вся растерянная, и ломая руки съ отчаянія, впадаетъ на сцену, и прямо къ ногамъ своего хозяина, съ плачемъ и рыданіями. Разсказъ ея, какимъ образомъ случилось это несчастіе, ея: *охъ батюшка, охъ родимый*, до того были естественны и согрѣты той наивной теплотою, свойственной простой русской женщинѣ, что мы невольно подумали: здѣсь русью пахнетъ. Въ этой безъискуственной, но вѣрнѣйшей игрѣ, видѣнъ былъ настоящій типъ многочисленныхъ Акулинъ, Маѳъ и Авдотій, встрѣчающихся, сплошь—да рядомъ, въ домахъ великороссійскихъ семействъ средняго класса, и составляющихъ какъ-бы необходимую принадлежность ихъ семейной обстановки. Г. Павлова была-бы, безспорно, украшеніемъ любой русской сцены, для характеристическихъ ролей.

Изъ ряда прочихъ артистовъ здѣшней труппы, весьма рельефно выступаетъ г. Домбровскій, обладающій замѣчательнымъ комическимъ талантомъ. Каждое появленіе его на сценѣ замѣтно оживляетъ ходъ пьесы, что дѣлается имъ безъ той утрировки, къ которой часто прибѣгаютъ лучшіе комическіе артисты. Г. Домбровскій, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если, отдавая полную справедливость его прекрасному таланту, мы вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ присоединить къ этому маленькое замѣчаніе. Первое появленіе его на сценѣ, въ началѣ пьесы, всегда художественно, эффектно и обѣщаетъ много; но въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы игра его невсегда удерживается на тойже высотѣ. или лучше сказать, не подымается выше, что, строго взято, одно и тоже. Qui n'avance pas—recule.—Комедія—какъ ни обыденнымъ можетъ казаться намъ значеніе этого слова—занимаетъ весьма почетное мѣсто въ области драматическаго искуства. Назначеніе ея,—представляя намъ картину собственныхъ нашихъ слабостей, недостатковъ и пороковъ,—заставлять насъ невольно смѣяться надъ ними, и тѣмъ самымъ вести насъ

на путь безсознательнаго исправленія себя самихъ. Ridendo castigat mores. Задача артистовъ, подобныхъ г. Домбровскому, который справедливо пользуется сочувственнымъ вниманіемъ зрителей, и состоитъ именно въ томъ, чтобы, посредствомъ *разнообразія, градаціи и выдержанности* игры, владѣть, такъ сказать, этимъ вниманіемъ, и поддерживать его въ продолженіи всей пьесы, не давая ему остывать ни на минуту, дабы съ послѣднимъ опущеніемъ занавѣса оставлять въ немъ, во всей полнотѣ, то впечатлѣніе, которое должна производить на него болѣе или менѣе нравственная идея, положенная авторомъ въ основаніе пьесы.

О прочихъ членахъ здѣшней труппы предоставляемъ себѣ договорить въ другой разъ, когда успѣемъ познакомиться съ ними поближе.

При постоянной заботливости театральной дирекціи о преуспѣяніи здѣшняго театра, и съ помощію вновь ангажированнаго капельмейстера для оркестра, должно надѣяться, что въ составъ будущаго репертуара войдутъ и такія пьесы, въ которыхъ отведено будетъ хоть не большое мѣсто и вокальной музыкѣ, безъ участія которой сцена лишена одного изъ лучшихъ украшеній всякаго сценическаго представленія.

Воспользовавшись любезностію добрыхъ людей, мы успѣли побывать раза два-три въ виленскомъ дворянскомъ клубѣ, не уступающемъ лучшимъ столичнымъ клубамъ въ изящномъ, и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасномъ устройствѣ. Обширное помѣщеніе съ богато убранною танцовальною залою, внимательная прислуга, отличный столъ и другія удобства не оставляютъ ничего болѣе желать. При всемъ этомъ клубъ, сравнительно съ довольно высокой цифрой постоянныхъ членовъ, до невѣроятности мало посѣщаемъ. Какъ ни различны мнѣнія о клубахъ, вообще, а по нашему мнѣнію, задача ихъ двоякая; *во первыхъ:*, служить мѣстомъ отдыха и развлеченія, послѣ дневнаго труда для членовъ и посѣтителей, т. е. мѣстомъ вполнѣ соотвѣтствующимъ этому назначенію, исключающимъ всякое сословное различіе, и не налагающимъ другихъ ограниченій, кромѣ указываемыхъ каждому благовоспитанному человѣку собственнымъ чувствомъ приличій; *и во вторыхъ:* способствовать къ развитію общественности, къ возможному сближенію и сліянію разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Оба эти назначенія осуществляются съ одной стороны, при сочувствіи членовъ къ инте-

ресамъ клуба, съ другой—постоянной заботливостію старшинъ или директоровъ обо всемъ, что можетъ вызывать и поддерживать это сочувствіе. Внѣ этихъ условій, прочное существованіе клубовъ, вообще, не мыслимо.

Газовымъ освѣщеніемъ города, бывшимъ по сіе время у насъ удѣломъ одного лишь красавца-Петербурга, городъ Вильна опередилъ даже матушку Москву, гдѣ теперь только приступаютъ къ устройству газоваго освѣщенія. Говорятъ, что послѣ этого, поистинѣ блестящаго начала на пути новѣйшихъ полезныхъ учрежденій, начальство намѣрено обогатить городъ и другимъ полезнымъ учрежденіемъ, а именно городскою почтою, вносящею столько жизни въ общественный бытъ жителей обширнаго города, облегчающею взаимныя ихъ сношенія, и избавляющею отъ потери времени и траты на извощиковъ.

Нельзя не пожалѣть, что при существенно меркантильномъ направленіи нашего времени, когда мы видимъ у насъ, какъ и вездѣ, представителей лучшихъ фамилій, стоящихъ во главѣ коммерческихъ предпріятій, что не нашлось до сихъ поръ въ Вильнѣ ни одного, ктобы снабдилъ городъ омнибусами, въ которыхъ онъ, по размѣрамъ его и цифрѣ народонаселенія, преимущественно средняго класса, имѣетъ самую ощутительную потребность; или, напримѣръ хоть, одной коммисіонерской конторою, на подобіе существующихъ въ столицахъ, на прочныхъ, внушающихъ довѣріе, основаніяхъ и назначенныхъ посредничествовать при ежедневно встрѣчающейся потребности въ продажѣ, купле, залогѣ, займѣ, и тѣмъ подобныхъ операціяхъ, составляющихъ понынѣ исключительную принадлежность евреевъ. Пора бы, кажется, позаимствовать у нихъ хоть нѣсколько торговой ихъ дѣятельности. Это было бы не безъ пользы и для нихъ самихъ. Встрѣчая правильно организованную конкурренцію, они будутъ заботиться о болѣе безкорыстномъ образѣ дѣйствій; или же, уступая другимъ мѣсто на почвѣ, такъ долго ими обрабатываемой, они принуждены будутъ примѣнять свою практическую изобрѣтательность къ чему нибудь болѣе современному и для нихъ не менѣе полезному.

Пора, прощайте! Мы постараемся возобновлять, по временамъ, подобныя бесѣды, предметомъ коихъ будемъ стараться всегда избирать все то, что имѣетъ, болѣе или менѣе, мѣстный, современный и общественный интересъ.

Москвичъ.

7-го января.

Разговоръ императора Николая I съ французскимъ посланникомъ Барономъ Бургоиномъ о полякахъ.

Баронъ Бургоинъ, посланникъ короля Филиппа, пользовавшійся довѣренностію имп. Николая, въ своихъ запискахъ пишетъ: посланникъ просилъ императора забыть, что предъ нимъ находится уполномоченный французскаго правительства и дозволить ему въ качествѣ лица, имѣвшаго счастіе пользоваться его довѣріемъ, высказать совершенно частнымъ образомъ свои мысли и предположенія по поводу польскаго вопроса. Получивъ это дозволеніе, Баронъ Бургоинъ замѣтилъ, что Франція и Англія желали бы лишь одного, а именно, чтобы возстановленъ былъ въ Польшѣ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ тамъ до возстанія.

„Услышавъ это, говоритъ авторъ, императоръ произнесъ достопамятныя слова, которыя привожу я здѣсь въ точности, ибо записалъ ихъ въ тотъ же самый день:

„Я долженъ выполнить обязанности, сказалъ онъ, которыя лежатъ на мнѣ, какъ на русскомъ монархѣ; онѣ побуждаютъ меня избѣгать ошибокъ, причинившихъ послѣднюю кровавую борьбу. Поляки не возбуждаютъ уже со стороны моей ни малѣйшаго довѣрія—и вотъ мое оправданіе тому: покойный братъ мой расточалъ благодѣянія свои польскому царству и я свято соблюдалъ установленный имъ порядокъ. Что такое была Польша, когда Наполеонъ и французы вступили въ нее въ 1807 году? Пустыня, покрытая пескомъ и грязью,—мы проложили тамъ прекрасныя и прочныя дороги, порыли каналы въ различныхъ направленіяхъ. Никакой промышленности не существовало въ этой странѣ,—мы завели въ ней суконныя фабрики, развели горный промыселъ—разработку рудниковъ и обезпечили значительное развитіе за этою важною отраслью народнаго богатства. Я расширилъ, украсилъ Варшаву. Важныя преимущества, дарованныя мною польской промышленности, возбудили даже зависть остальныхъ моихъ подданныхъ. Я открылъ для поляковъ всѣ русскіе рынки, и они могли безпрепятственно посылать свои произведенія до самыхъ предѣловъ Азіи; въ русскомъ торговомъ мірѣ возникло даже мнѣніе, что всѣми этими льготами пользовались мои младшіе дѣти въ ущербъ дѣтямъ старшимъ. Вы возразите, быть можетъ, что все это блага

матеріальныя, но что сердце человѣческое носитъ въ себѣ другія стремленія, кромѣ стремленій къ прибыли и довольству. Хорошо; посмотримъ же не сдѣлали ли мы—Я и братъ Мой,—все, что способно было польстить этимъ болѣе возвышеннымъ чувствамъ, этимъ патріотическимъ и національнымъ воспоминаніямъ и даже требованіямъ свободы. Императоръ Александръ возстановилъ польское королевство, чего не осмѣлился сдѣлать самъ Наполеонъ. Братъ мой допустилъ, чтобы все преподаваніе въ школахъ происходило на народномъ языкѣ; онъ оставилъ полякамъ ихъ кокарду, ихъ старинные королевскіе ордена—св. Станислава, Бѣлаго Орла и даже тотъ военный орденъ, который носили они въ воспоминаніе о войнахъ, въ которыхъ они участвовали съ нами и противъ насъ. Поляки имѣли армію совершенно отдѣльную отъ русской и съ своими національными мундирами. Благодаря намъ, явились въ Польшѣ арсеналы, литейные заводы. Мы даровали имъ, слѣдовательно, все, что обезпечиваетъ матеріальные интересы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все, что можетъ льстить законной гордости,—и всѣ наши благодѣянія были презрѣны ими!"

Оставьте же имъ эти благодѣянія, государь,—замѣтилъ баронъ Бургоинъ. Когда, побѣдивъ поляковъ, вы простите ихъ, сохраните за ними льготы, которыя они получили отъ васъ, то они проникнутся благодарностью вамъ: нужно привязать ихъ къ себѣ великодушіемъ.

„Оставить имъ все, что было имъ даровано! воскликнулъ Императоръ, но въ такомъ случаѣ опытъ не послужилъ бы ровно ни къ чему. Развѣ не воспользовались они противъ меня моими же собственными благодѣяніями? Развѣ превосходная армія, такъ отлично организованная моимъ братомъ Константиномъ, не схватилась за оружіе, для борьбы съ Россіей? Развѣ арсеналы, литейные и оружейные заводы не служатъ мятежникамъ орудіемъ противъ русскихъ? Мало того: когда овладѣлъ я Варной, то нашелъ тамъ три пушки съ гербомъ старинной польской республики, которыя хранились тамъ, какъ трофеи послѣ того, какъ отняты были у Владислава IV. Какъ же поступилъ я? И на этотъ разъ рѣшился я польстить національному чувству поляковъ и отправилъ три пушки въ подарокъ городу Варшавѣ. И этими-то самыми пушками они дѣйствуютъ теперь противъ меня; они стрѣляютъ изъ нихъ въ моихъ солдатъ; неужели-же,

послѣ всего случившагося, не слѣдуетъ мнѣ принять мѣръ предосторожности на будущее время?"

Баронъ Бургоинъ былъ видимо смущенъ этими аргументами. Не зная что отвѣтить на нихъ, началъ онъ проводить весьма неловкую параллель между поляками и венгерцами, восхваляя доблесть послѣднихъ и ихъ привязанность къ габсбургскому дому. И снова возвратился къ любимой своей мысли, что необходимо возвратить Польшѣ хоть нѣкоторыя изъ учрежденій, господствовавшихъ въ средѣ ея до начала возстанія.

„Я не сдѣлаю этого, повторялъ императоръ; пусть самые восторженные приверженцы Польши укажутъ мнѣ, въ какую эпоху—подъ владычествомъ ли Пруссіи, во времена ли варшавскаго герцогства или даже прежде—существовала Польша болѣе богатая, лучше устроенная, съ такою прекрасною арміею, съ такимъ широкимъ развитіемъ промышленности и торговли, какъ теперь? Поляки не воспользовались этими благодѣяніями; между ними и мною не можетъ быть довѣрія."

Въ декабрской книжкѣ „Вѣстника," въ статьѣ: „По поводу закрытія нѣкоторыхъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ," вкралось, по невниманію наборщиковъ къ исправленію корректуры, много ошибокъ. Исправляемъ важнѣйшія изъ нихъ.

		Напечатано:	*Нужно читать:*
Стр.	17	Укажите имъ	Укажите намъ
—	—	Мы не говоримъ: *болње;*	Мы не говоримъ: *бњлое;*
—	18	для нисъ понятна	для насъ понятны
—	20	непогрѣшаемъ	непогрѣшная
—	21	самыхъ	самихъ
—	—	руководящихъ руководимыхъ	руководящихъ и руководимыхъ
—	22	на образованіе нравственнаго	на образованіе православнаго
—	24	монарха	Монарха
—	—	тѣхъ монаховъ	тѣхъ монарховъ

Ред.

Содержанiе 7-й книжки „Вѣстника западной Россiи"*
за $18\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

№ 8-й ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРIИ ДРЕВНЕЙ ПОЛОЦКОЙ АРХIЕПИСКОПIИ. — 1) **Инвентаръ** полоцкой архiепископiи 1588 г. Стр. 33 — 2) **Инвентаръ имѣнiй** полоцкой архiепископiи, составленный при передачѣ ихъ во владѣнiе архiепископу Гедеону Брольницкому въ 1661 г. Стр. 40.

№ 9-й ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩIЕСЯ КЪ ИСТОРIИ УНIИ. — 1) **Челобитная** депутата виленскаго православнаго братства сеймовымъ чинамъ, о разныхъ насилiяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ православными отъ унiятскаго митрополита Ипатiя Потѣя и виленскихъ магистратскихъ властей. 1603 г. Стр. 44. — 2) **Жалованная** подтвердительная, королевская грамота литовско-русскимъ и польскимъ православнымъ обывателямъ, духовнымъ и мирскимъ, о неприкосновенности правъ и привилегiй, издавна дарованныхъ имъ въ исповѣданiи греко восточной православной вѣры, церковныхъ чиноположенiй и обрядовъ, съ обѣщанiемъ назначать имъ вновь духовныхъ властей на мѣста убылыя 1607 г. Стр. 48.

ОТДѢЛЪ II.

КIЕВО ВЫДУБИЦКIЙ свято-Михайловскiй монастырь и его владѣнiя до занятiя его унiятами. **Свящ. Павла Троцкаго.** Стр. 51.

КОВЕНСКIЕ протестанты XVII и XVII столѣтiй. **П. Великанова.** Стр. 174.

ОТДѢЛЪ III.

НОВѢЙШАЯ пропаганда. Стр. 27.

ФИЗИЧЕСКIЯ и нравственныя елементы сѣверо западныхъ губернiй Россiи. **Бобровскаго.** Стр. 32.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОЕВОДА Волчiй Хвостъ, повѣсть (продолженiе) **Сементовскаго.** Стр. 315.

СОВРЕМЕННЫЕ очерки: Мимолетная тучка. **Шингарина.** Стр. 330.

ПИСЬМО изъ западнаго края IX. Стр. 340.

О ЮЖНО РУССКИХЪ пословицахъ *(окончанiе).* **Ен. Бѣлоброва.** Стр. 346.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО въ Россiи, историческiе очерки графа Дмитрiя (Андреевича) **Толстого.** Стр. 357.

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ значенiи у р. католиковъ сѣв. зап. края Россiи церковной памяти польскаго королевича Казимiра. Стр. 387.

АКТЪ возвращенiя православiю православной церкви, обращенной въ р. католическiй костелъ. Стр. 394.

АКТЪ по случаю возложенiя мельхiоровыхъ крестиковъ на новообращенныхъ р. католиковъ. Стр. 396.

РАЗДАЧА бронзовыхъ изображенiй св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго по волынской губернiи. Стр. 398.

ВЫСОЧАЙШIЙ рескриптъ, данный на имя генерала отъ инфантерiи, графа **Муравьева 2.** Стр. 402.

ИЗВЛЕЧЕНIЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Русскiй** инвалидъ по поводу Высочайшаго рескрипта, даннаго на имя графа Муравьева 2-го. Стр. 404. — **Праздникъ** Пасхи въ Вильнѣ. Стр. 407. — **Еще** о томъ же праздникѣ. Стр. 409. — **Закрытiе** виленскаго монастыря визитокъ. Стр. 412. — **Освященiе** часовни въ г. Клещеляхъ. Стр. 416. — **Предложенiе** митрополита Iосифа въ литовскую д. консисторiю. Стр. 416. — **Поимка** ксендза Бржоско. Стр. 417. — **Поимка** эмиссаровъ въ Варшавѣ. Стр. 420. — **Изъ Витебска.** Стр. 421. — **О народныхъ** пѣсняхъ минской губернiи. Стр. 423. — **Московскiя** Вѣдомости о русскомъ элементѣ въ люблинской и августовской губернiяхъ. Стр. 427. — **Церковные** архивы въ западной Россiи и на какiя соображенiя наталкиваютъ нѣкоторые документы, хранящiеся въ нихъ. Стр. 431. — **Замѣтка** о Вильнѣ с.-петербурскаго путешественника. Стр. 438. — **Русскiй** Инвалидъ о польскомъ мятежѣ 1863 года. Стр. 439. — **Впечатлѣнiя** туриста въ Вильнѣ. Стр. 445. — **Разговоръ** императора Николая 1 съ французскимъ посланникомъ барономъ Бургоиномъ о полякахъ. Стр. 450.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ» на 18⁶⁴/₆₅ годъ выходитъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемѣсячно*, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго; въ С.-Петербургѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ *С. И. Литова*, на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой; *въ Москвѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря, у книгопродавца *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца *И. В. Базунова; въ Кіевѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *С. И. Литова; въ Варшавѣ*, у книгопродавца *Дутова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА» ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Западной Россіи", *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому, въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за 18⁶³/₆₄ годъ— для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.— съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**